

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
ГОУ ВПО «Алтайский государственный университет»

На правах рукописи

Пшёнкина Татьяна Геннадьевна

**ВЕРБАЛЬНАЯ ПОСРЕДНИЧЕСКАЯ
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПЕРЕВОДЧИКА В
МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ:
ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

Специальность 10.02.19 - теория языка

Диссертация на соискание учёной степени
доктора филологических наук

Научный консультант:
доктор филологических наук, профессор
В.А. Пищальникова

Барнаул - 2005

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	5
Глава 1. Динамика подходов к переводу культурноспецифического. Эволюция взглядов на роль переводчика в этом процессе	19
1.1. Подходы к проблеме исследования культурноспецифического на разных этапах становления долингвистической теории перевода.....	19
1.2. Постановка и решение проблемы культурноспецифического в лингвистических моделях перевода.....	30
1.3. Проблема культурноспецифического и потенциал психолингвистических переводческих моделей для её решения.....	53
1.4. Потенциал когнитивной лингвистики в решении проблем культурной специфики в процессе перевода	74
Выводы.....	85
Глава 2. Взаимообусловленность типологии языковых знаков и языкового сознания коммуникантов в вербальной посреднической деятельности переводчика.....	89
2.1. Культура как среда мышления	91
2.2. Семиотические и когнитивные характеристики языковых знаков, маркирующих культурноспецифическую информацию.....	100
2.2.1. Различные подходы к пониманию знака.....	100
2.2.2. Локализация культурноспецифической информации как результата процесса познания и способы её объективации в языке.....	109
2.2.3. Типология языковых знаков и её отражение в межъязыковом переводе.....	116

2.2.3.1. Иконическое в природе знака и его реализация в переводе.....	116
2.2.3.2. Индексальное в природе знака и его реализация в переводе.....	128
2.3. Перевод и межкультурная коммуникация: аспекты взаимодействия..	135
2.4. Ориентация переводчика в межкультурном пространстве.....	143
2.5. Языковое сознание переводчика и вербализация культурноспецифической информации.....	151
2.5.1. Языковое сознание: подходы, содержание, определение.....	151
2.5.2. Этническое языковое сознание и языковая картина мира: взаимодействие в процессе перевода.....	157
2.5.3. Некоторые особенности языкового сознания переводчика, обусловленные спецификой его профессиональной деятельности.....	169
Выводы.....	186

Глава 3. Посредническая деятельность переводчика: мотивационное и концептуально-смысловое моделирование.....191

3.1 . Переводческая личность как функциональный орган.....	195
3.2. Взаимосвязь освоенности языковой единицы переводчиком и её передачи на язык перевода.....	210
3.3 Реализация деятельностных стратегий в процессе перевода.....	228
4.4. Некоторые особенности вербального представления ментального содержания в переводческом посредническом процессе.....	239
Выводы.....	252

Глава 4. Экспериментально-аналитическое исследование посреднической деятельности переводчика.....255

4.1 Цель, задачи и сфера привлечения экспериментальных данных.....	255
4.2. Формирование интегративных структур концептов, актуализированных коррелируемыми словами-стимулами двух языков.....	258

4.2.1. Ассоциативное значение и формирование когнитивных структур....	280
Выводы.....	284
Заключение	286
Библиографический список	290
Список источников иллюстративного материала	326
Список принятых сокращений.....	330

ВВЕДЕНИЕ

В представленном диссертационном исследовании изучается круг вопросов, связанных с *речемыслительной посреднической деятельностью переводчика*. На основе интегративного подхода, синтезирующего данные психолингвистики, семиотики, когнитивной лингвистики и межкультурной коммуникации, предлагается концепция вербальной посреднической (медиативной) деятельности переводчика в процессе межкультурной коммуникации, в которой языковая личность и, в частности, её языковая способность выступают главными системообразующими факторами перевода.

Понятия «языковое посредничество», «языковой посредник», введённые немецким переводоведом О. Каде в конце прошлого века, в самом общем плане раскрываются при обращении к процессу общения разноязычных коммуникантов с помощью третьей стороны - посредника. В отдельных видах языкового посредничества - пересказе, реферате, сокращённом переводе, «проектировании» текста, отвечающего заданной цели, - посредник априори берёт на себя ответственность вносить определённые изменения в формальную и содержательную стороны текста. При этом вторичная текстовая деятельность может сопровождаться компрессией, расширением, перегруппировкой, комментированием, пародированием, созданием нового текста, а посредник, таким образом, становится соавтором нового текста.

Перевод, являясь одним из видов посредничества, признаётся особым и самым совершенным из них (см. [Латышев, Семёнов 2003, с. 11]). Переводчик стремится соотнести языковые коды и специфику мировидения коммуникантов, достичь максимально адекватного речесмысловосприятия на исходном языке (ИЯ) и встречного речесмыслопорождения на основе

понятого на переводящем языке (ПЯ) для эффективного общения, приближая его по результативности и воздействию к одноязычной коммуникации.

Косвенная номинация переводчика в обоих языках с помощью «живой» внутренней формы (ср. рус.: *по-сред-н-ик*; англ.: *a go-between; a man (woman) in the middle*) актуализирует его центральную статусную позицию, акцентирует его «местоположение» в коммуникативном процессе. Но *посредничество* возлагает и определённые функции на участвующего в миссии. В словаре этот термин определяется следующим образом: *посредничество - содействие соглашению, сделке или примирению между сторонами* [БТС]. Следовательно, переводчик - это не просто «человек посередине», а «посредик», «*mediator - a peacemaker between opposing sides*» [ELAC] - «миротворец меж двух «противоборствующих» сторон». Его медиативная функция всегда разворачивается, перефразируя мысль М.М. Бахтина, на рубеже *двух* сознаний, *двух* субъектов, *двух* языков, *двух* культур, реализуясь, однако, в *одном* сознании - переводчика, направленном на успешное осуществление коммуникации.

При этом переводчик испытывает на себе влияние того, кого он переводит, и ориентируется на потребности того, для кого он это делает. Это не может не сказаться на динамических преобразованиях характера его речевой деятельности, и в целом языковой личности, тем более что, по мнению психологов, «личность возникает в результате иерархизации системы деятельностей, это не данность, а *качество*» [Леонтьев 2000, с. 8]. Естественно предположить, что в процессе медиативной деятельности это качество задаётся и формируется, изменяется и совершенствуется. Иерархизация мотивов посреднической деятельности, постоянно происходящие в сознании/мышлении переводчика обмены информацией (смыслом), энергией (эмоциями), веществом (телами знаков) со средой (концептуальными системами продуцента и реципиента) способствуют переструктурированию концептуальной системы и языковой способности

переводчика, наделяя его как языковую личность чертами функциональной (синергетической) системы. Обязательным компонентом модели поведения любой системы является цель, которая мобилизует, «приспосабливает» процессы различной природы внутри системы для достижения.

Актуальность проведённого исследования определяется тем, что оно обращено к главному вопросу многих гуманитарно-естественных наук - *взаимоотношению языка и сознания, мышления и речи*. Представления об этих отношениях всегда носили дискуссионный характер, и их исход определялся приоритетными для того или иного времени философско-гносеологическими парадигмами, в том числе и принимаемой научным сообществом точкой зрения на язык. Антропоцентризм современного языкознания обозначил новый подход к языку как средству доступа к ментальным процессам, что предопределяет стремление исследователей обнаружить верифицируемые корреляции между оперативными единицами сознания и объективирующими их языковыми знаками. Это требует дальнейшей разработки подходов к переводу не только как к методу изучения языковых явлений, благодаря которому отчётливее высвечиваются их латентные свойства, но и как к одному из проявлений общечеловеческой способности к словесному выражению, что и осуществляется в данной работе. Перевод здесь трактуется прежде всего как явление человеческого языка, «а не человеческого разноязычия» [Бибихин 1973, с. 8]. Система смыслов, представленная в текстах на исходном и переводящем языках, для переводчика, интерпретирующего субъекта, является отражением основных способов познания коммуникантами окружающей действительности, что позволяет квалифицировать перевод как речемыслительный процесс. Следовательно, любые пути анализа этого процесса дают дополнительную информацию *о сущностных особенностях речевой деятельности в целом*. При этом все переводческие операции со смыслом получают обязательную материальную фиксацию в тексте перевода, в своеобразном «метатексте» осуществлённого

понимания [Пшеницын 1999, с. 25]. Таким образом, перевод становится *естественным способом получения объективных данных о работе человеческого мышления.*

Антропоцентрическая доминанта общелингвистических направлений совпадает с переводческими приоритетами. Однако среди последних *недостаточно изученными* остаются аспекты речемыслительной деятельности переводчика как индивида, занимающего центральную позицию в вербальном *посредническом* процессе. Отсутствуют объяснительные основания, помогающие приблизиться к осознанию того, как язык отражает человеческий опыт, представленный в различных этнических сознаниях. В частности, нет объяснительной модели соотношения значения и смысла, не определено само понятие «вербальная посредническая деятельность». Требуют дальнейшей разработки семиотические аспекты перевода, обусловленные развитостью языковой личности переводящего, особенностями его языковой способности, предопределяющими его креативные способности порождать интегративные когнитивные структуры в сознании владеющих исходным и переводящим языками.

Представители лингвистических теорий перевода сознательно не обращались к вопросам речевого мышления на том основании, что такая деятельность не подлежит непосредственному наблюдению. В работах психолингвистического направления речемыслительные процессы получили широкое освещение, однако посреднический аспект представлен в них пока фрагментарно. Он лишь опосредованно включается, например, в вопросы комплексного моделирования переводческой деятельности [Галеева 1997; Герман, Пищальникова 1999; Крюков 1989, 1996; Леонтьев 1969; Миньяр-Белоручев 1980; Чернов 1978; Ширяев 1979 и др.]. Этот аспект косвенно входит в сферу интересов психолингвистов, изучающих психотипические характеристики переводчика, соотнесение его деятельности с гетерогенными фрагментами опыта - этноментального или семиотического [Белянин 1988;

Клюканов 1998, 1999; Сорокин 1997, 1998, 2003; Фесенко 1999а, 2002]. Он затрагивается в исследованиях этнокультурной специфики языкового сознания, предметной области этнопсихолингвистики, методологическая база которой была предложена и сформирована в рамках психолингвистики [Митакура 1999; Сорокин 1994, 1998; Тарасов 1996, 1998, 2000, Уфимцева 1996, 1998, 2000 и др.]. Интерес к субъективным характеристикам участников переводческого процесса стал конструктивным моментом в ряде когнитивно ориентированных исследований лингвистического и лингводидактического направлений [Воскобойник 2004; Перевод как когнитивная деятельность 2003; Фесенко 1999а; 2002; Хайруллин 1995; Халеева 1999; Bell 1997; Kussmaul 1995; Snell-Hornby 1995 и др.]. С недавних пор в фокусе интересов отечественных учёных - исследования когнитивной сферы переводческой психики (вопросы языковой способности и коммуникативной компетенции, переводческих стратегий и операций) [Гусев 2003; Залевская, Медведева 2002; Каплуненко 1999; Пищальникова 2004; Подольская 1998; Шевчук 2003 и др.].

Таким образом, речемыслительная деятельность переводчика всё чаще привлекает внимание лингвистов, расширяется объём и ракурсы её исследования, однако собственно *посредническая* составляющая вербальной деятельности переводчика всё ещё не получила широкого и комплексного рассмотрения.

Актуальность диссертации определяется и тем, что заявленная в ней проблема языкового посредничества и предлагаемые подходы к её решению, выводят исследование на междисциплинарный уровень. Обращение к интегративной парадигме в сочетании с деятельностным подходом обусловлены современным пониманием межкультурной коммуникации. Она предстаёт специфическим видом речевой деятельности, в которой интерпретирующий субъект занимает центральное положение и активизирует коммуникативно-когнитивную деятельность её участников, пользующихся разными языковыми и культурными кодами. В переводе как творческом

деятельностном процессе переводчик никогда не замыкается только на данных языка. Смысл, становящийся катализатором для генерируемого доминантного смысла, может попасть в концептуальную систему переводчика благодаря разностороннему чувственному, вещному или телесному опыту, благодаря работе памяти и воображения, фантазии и образам обыденного сознания. В этой связи психологи, когнитологи и психолингвисты говорят о новых сторонах языка, выявившихся благодаря когнитивным наукам, и приходят к заключению, что конвенциональная система языка не обладает «достаточной ёмкостью», что язык - это лишь одна из сторон психики субъекта, а языковая способность должна рассматриваться в одном ряду с другими когнитивными способностями человека [Веккер 1998, Демьянков 1994, Залевская 1999, 2003; Кубрякова 2004, Пищальникова 2001, 2003; Chafe 1994, Lakoff 1990].

Объектом исследования в диссертации является переводческая деятельность, сопряжённая с передачей культурноспецифической информации, что требует от переводчика переключения из операционального режима в деятельностный.

Предмет исследования - процесс переводческого посредничества, направленный на понимание и представление смысла переводимого текста.

Цель диссертационного исследования - разработать интегративную концепцию вербальной посреднической деятельности переводчика, отражающую характер взаимоотношения *язык :: сознание* (когнитивно - семиотический аспект) и *мышление :: речь* (речемыслительный аспект) в процессе межкультурной коммуникации.

В соответствии с поставленной целью в работе решаются следующие **задачи**:

1) определить объём содержания, соотносимого с понятием «культурноспецифическое» в различных моделях перевода;

2) провести сопоставительный анализ динамики подходов к переводу культурноспецифического и эволюции взглядов на роль переводчика в этом процессе;

3) выявить и описать когнитивно-семиотические принципы, детерминирующие характер взаимоотношения концептуальных систем участников переводческого процесса (адресанта - переводчика - адресата);

4) определить специфику типологической характеристики знаков, вовлечённых в передачу культурноспецифической информации;

5) обосновать правомерность наделения переводчика функцией наблюдателя в смысловом пространстве межъязыкового перевода;

6) выявить некоторые специфические характеристики профессионального языкового сознания билингва;

7) разработать и представить доказательную базу, позволяющую трактовать языковую личность переводчика как «функциональный орган», оптимизирующий переводческую деятельность;

8) представить и обосновать модель «когнитивного круга» переводческой личности;

9) провести экспериментально-аналитическое исследование, верифицирующее выдвинутые теоретические положения.

Методологической основой диссертационного исследования послужили идеи антропологической философии, в частности, положение Ортеги-и-Гассета о том, что мир - не просто объект познавательной деятельности, а составная часть особого способа бытия - бытия *человека*. Данное утверждение логично сочетается с ракурсом изучения языка, речи, речевой деятельности как *достояния индивида*, который предлагается отечественной психолингвистикой.

Теоретической базой работы являются положения отечественных и зарубежных исследователей в области перевода, семиотики, семантической

структуры слова, теории речевой деятельности, когнитивной лингвистики, межкультурной коммуникации.

Перевод рассматривается как речемыслительный познавательный процесс, осуществляемый и координируемый индивидом [Крюков 1989; Леонтьев 1969; Миньяр-Белоручев 1980; Ширяев 1981 и др.]. Посредническая деятельности переводчика базируется на концептуальном анализе переводимого и направлена на реконструирование доминантного смысла. В современной когнитивной семантике, семиотике и психолингвистике доминантный смысл понимается как интегративный, включающий *различные* данные, связанные с памятью, эмоциями, ассоциациями, с разнообразным и разноплановым опытом, вербальным и невербальным [Залевская 2001, 2003; Крюков 1989, 1996; Кубрякова 2004; Пищальникова 1999, 2001; Шахнарович 2001; Chafe 1994; Eсо 2001; Lakoff 1990]. Реальный процесс межкультурного общения, в котором принимает участие переводчик, может происходить только в форме общения сознаний, которые формируются у индивида в определённой культуре/среде. Последняя, предопределяя пути, которыми осуществляется процесс познания, обеспечивает познающего необходимыми для этого элементами опыта, приобретаемого в результате локально и темпорально востребованных видов и способов деятельности [Выготский 1996/1934; Ключанов 1999; Сорокин, Марковина 1988; Тарасов 1996 - 2003; Уфимцева 1996, 1998; Bennett 1998; Larsen 1984; Malinowski 1998/1935; Nelson 1998]. Кроме этого, теоретическую базу работы составили лингвистические, психологические и психофизиологические концепции, сформулированные в разное время А.А. Потебнёй, Л.С. Выготским, А.А. Ухтомским, П.К. Анохиным, А.Н. Леонтьевым, А.А. Леонтьевым. Теории представленных учёных объединяет тезис о том, что мышление индивида осуществляется по принципу функциональной системы, в которой ведущие и производные мотивы в процессе деятельности могут изменяться.

Методы исследования избирались в зависимости от поставленных задач. В работе широко используется метод *семантической интерпретации* лингвистических фактов. Эта интерпретация основывается на элементах *компонентного анализа* в его дефиниционной разновидности и *контекстуального* анализа. Применяются методы *сравнительно-сопоставительного* и *сопоставительно-переводческого* анализа материала, *концептуальный* и *когнитивный* анализ ментальной деятельности представителей разных лингвокультурных сообществ. Одним из способов изучения специфики этнического сознания служит *свободный ассоциативный эксперимент*, сопровождаемый элементами *статистического анализа* при обработке полученных данных. Метод *моделирования* используется для структурной характеристики системы переводческой личности. В работе также учитываются данные *интроспективных* наблюдений.

Материалом исследования послужили примеры из британской, американской и русской литературы (поэзия, проза, научная и публицистическая литература) и их параллельные переводы, выполненные профессиональными и/или начинающими переводчиками (около 3500 контекстов), картотека переводов текстов и текстовых фрагментов, сделанных начинающими переводчиками (2700 единиц), материалы словарей и результаты ассоциативных экспериментов.

Научная новизна работы заключается в проведении *комплексного* исследования по изучению вербальной посреднической деятельности переводчика, включающего изучение характера взаимоотношения *языка и сознания*, т. е. языковых единиц и стабильных, дискретированных языком, ставших фактом сознания структур знаний, а также *речевой деятельности и мышления*, т.е. осмысленного и целенаправленного процесса переработки, изменения и дополнения знаний в концептуальной системе переводчика. В работе вербальный *посреднический* аспект деятельности переводчика в межкультурной коммуникации рассмотрен в качестве самостоятельного

предмета исследования. Данные психолингвистики, семиотики, когнитивной лингвистики и межкультурной коммуникации *интегрированы* с целью исследования вербальной посреднической переводческой деятельности. Это дало возможность: 1) выявить взаимообусловленность, синергичность информационных потенциалов интерпретатора и знака, концептуальной системы переводчика и типа знака, включённого в межъязыковой коммуникативный процесс; 2) обосновать целесообразность адаптации для посреднической деятельности переводчика понятия «языковое сознание»; 3) предложить подход к переводческой личности как особому «функциональному органу» - модели, в которой трёхкомпонентный механизм вербализации ментального содержания предстаёт главным структурообразующим фактором перевода. В диссертации систематизированы взгляды на то, как в различных моделях перевода представлена природа культурноспецифического и какова роль переводчика в передаче этого феномена.

Теоретическая значимость диссертации заключается в том, что в ней получил теоретико-экспериментальное освещение ещё один аспект переводческой деятельности - посреднический. Его изучение вносит новые данные в общую разработку положений теории речевой деятельности, в её характеристику как принципиально нестабильного образования, организованного по принципу функциональной системы.

Результаты работы имеют значимость для общей теории языка, в частности, для расширения трактовки принципа иконичности, в котором своеобразно преломляются отношения между языком, мышлением и культурой. Проведённое исследование представляет интерес для теории межкультурной коммуникации и когнитивного переводоведения, так как оно выявляет стратегии и механизмы создания интегративных когнитивных структур в сознании представителей разных лингвокультурных сообществ.

Практическая ценность работы состоит в том, что предложенные в ней составляющие медиативной деятельности - ориентация переводчика в пространстве смысла в межкультурной коммуникации, модель перехода от значения к смыслу - имеют прикладной характер и могут служить основой для моделирования процесса перехода от текста на исходном языке (ИЯ) к тексту на переводящем языке (ПЯ) в письменном переводе. Теоретические положения, выдвинутые в диссертации, могут найти применение в лекционных курсах по теории языка, переводу, психолингвистике, межкультурной коммуникации, а также использоваться студентами при написании научно-исследовательских работ. Способы и приёмы изучения фактического материала, представленные в работе, иллюстрируют возможные пути и направления переводческого анализа речевых произведений, содержащих культурноспецифическую информацию.

На защиту выносятся следующие основные положения:

1. Перевод как посреднический речемыслительный процесс базируется на формировании интегративных когнитивных структур и моделей, координирующих этнические сознания участников межкультурной коммуникации. Актуализация ментального содержания, подлежащего переводу, обеспечивается языковыми функциональными опорами, выводящими на соответствующие познавательные структуры коммуникантов.

2. В переводе, являющемся формой бытования семиотического опыта, осуществляется синергетическое взаимодействие информационных потенциалов посредника и знака, концептуальной системы переводчика и типа знака, включённого в межъязыковой коммуникативный процесс.

3. Особенностью знаков, задействованных в процессе перевода как форме межкультурной коммуникации, является их *константная* синкретичность - сопряжённость символического, иконического и индексального аспектов. Соотношение типологических характеристик в знаках обусловлено их культурной маркированностью в лингвокультурном

сообществе и позволяет им оптимально осуществлять коммуникацию и познание в рамках определённой культуры.

4. Переводчик, выполняя функцию наблюдателя, выходит из семантического пространства одного языка в многомерный и разнонаправленный коммуникативный универсум двух языков. Степень маркированности знаков, их равновесие в коммуникативном универсуме, смещение этого равновесия, его степень и последующее возвращение в равновесное состояние могут быть выявлены и скорректированы только с позиции наблюдателя.

5. Наиболее эффективным инструментом анализа деятельности переводчика в процессе посредничества является обращение к феномену «языковое сознание». Это позволяет расширить информационное пространство при анализе воспринимаемых и продуцируемых переводчиком текстов, соотнести коррелируемые ментальные пространства участников коммуникации с разными этническими сознаниями путём формирования в них интегративных когнитивных структур, исследовать специфику сознания переводчика-билингва.

6. В языковом сознании переводчика-билингва преобладает или находится в состоянии динамического становления конструктивный тип синкретизма, детерминированный профессиональной деятельностью индивида и оптимизирующий её.

7. Ментальные процессы, происходящие в переводе, предопределены конструктивной деятельностью языковой личности переводчика. Иерархизация мотивов личности способствует самоорганизации последней для создания оптимизирующих стратегий по операциям с информацией, по увеличению ёмкости ментального лексикона, по совершенствованию языковой способности. Таким образом, переводческая личность может быть представлена как особый функциональный орган.

8. Работа такого функционального органа, в свою очередь, обеспечивается механизмом вербализации ментального содержания, представленного моделью «когнитивного круга», объединяющего три взаимодействующих компонента: ментальный лексикон, когнитивную компетенцию и языковую способность переводчика.

Апробация работы. Основные положения диссертации отражены в 35 публикациях, в том числе в авторской монографии (15 п. л.), в одной главе коллективной монографии, а также в статьях и тезисах конференций различных уровней. Общий объём опубликованного материала - 29,25 п.л.

Результаты работы обсуждались на заседаниях семинара по психолингвистическим проблемам языка в Алтайском государственном университете, на кафедре общего и исторического языкознания Алтайского государственного университета. Некоторые аспекты исследования легли в основу спецкурса «Культурологические лакуны и способы их элиминирования в процессе перевода», предлагаемого студентам 4-го курса Лингвистического института Барнаульского государственного педагогического университета. Положения, вынесенные на защиту, докладывались на научных и научно-практических конференциях разных уровней: международных (Барнаул 1994, 1996, 1998, 2001, 2003, 2005; Махачкала - Пятигорск 2000; Москва 2002, 2003; Новосибирск 1999; Тамбов 2002), всероссийских (Барнаул 2000, 2004; Иркутск 1998; Новосибирск 1999), региональных (Барнаул 1996; Иркутск 2000; Махачкала 2002; Уфа 1999), межвузовских (Барнаул 1995, 2000).

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, четырёх глав, заключения, библиографического списка цитируемых источников, включающего 386 работ, списка справочных изданий и списка иллюстративного материала.

Во **введении** обосновывается актуальность темы диссертации, формулируются её цели, задачи и методы исследования, определяется

теоретическая и практическая значимость работы, её научно-теоретическая новизна, приводятся положения, выносимые на защиту.

Первая глава - «Динамика подходов к переводу культурноспецифического. Эволюция взглядов на роль переводчика в этом процессе» - содержит критический анализ различных точек зрения на суть и характер культурноспецифической информации, а также изменяющихся с течением времени воззрений на задачи переводчика в этом процессе.

Вторая глава - «Взаимообусловленность типологии языковых знаков и языкового сознания коммуникантов в вербальной посреднической деятельности переводчика» - посвящена исследованию когнитивно-семиотического аспекта медиативной деятельности переводчика. Её задачей является исследование двух разнородных, но взаимодействующих систем - человека и языка, каждая из которых подвержена адаптивным изменениям в зависимости от условий и характера деятельности, в которую вовлечена эта система.

Третья глава - «Посредническая деятельность переводчика: мотивационное и концептуально-смысловое моделирование» - содержит анализ конструктивной деятельности личности переводчика. В главе представлены основания для наделения переводческой личности качествами функционального органа, предлагается модель «когнитивного круга» этой личности, в которой выделены компоненты, конституирующие механизм, обеспечивающий вербализацию ментального содержания переводчика-билингва.

Четвёртая глава - «Экспериментально-аналитическое исследование посреднической деятельности переводчика» - иллюстрирует возможности прикладного использования предложенных в работе понятий и стратегий, смоделированных в теоретической части диссертации.

В **заключении** сформулированы наиболее важные выводы и представлены перспективы исследования.

ГЛАВА 1

ДИНАМИКА ПОДХОДОВ К ПЕРЕВОДУ КУЛЬТУРНОСПЕЦИФИЧЕСКОГО. ЭВОЛЮЦИЯ ВЗГЛЯДОВ НА РОЛЬ ПЕРЕВОДЧИКА В ЭТОМ ПРОЦЕССЕ

*...каждый язык описывает вокруг народа,
которому он принадлежит, круг, из пределов
которого можно выйти только в том случае,
если вступаешь в другой круг*

В. фон Гумбольдт

*Every sensible and rigorous theory of language
shows that a perfect translation is an impossible
dream. In spite of this, people translate.*

Umberto Eco

1.1. Подходы к проблеме исследования культурноспецифического на разных этапах становления долигвистической теории перевода

В настоящее время эволюция многовековой переводческой традиции, смена господствующих принципов перевода, обусловленная взаимодействием литературных направлений, политических и религиозных пристрастий, изменение предметно-объектных областей исследования перевода становятся сферой интереса не только отдельных авторов [Копанёв 1972; Фёдоров 1983; Нелюбин, Хухуни 1999а; 1999б], но и целого формирующегося научного направления - *историографии переводоведения*. В его задачи входит изучение особенностей переводческой деятельности в различных социо-культурных ареалах в течение определённых периодов времени (См. [Комиссаров, Ольховиков 1995; Комиссаров 1999; Полютова 1999; Калинин 1999; Убоженко 2000] и др.).

Актуальность исторических исследований заключается в том, что они предоставляют возможность выделить в переводческой практике античности, средневековья, возрождения и нового времени те области, вокруг которых велись постоянные дискуссии. Некоторым из них суждено было развиваться в

отдельные нормативные концепции, а позже - в общепризнанные теоретические построения, некоторые до сих пор не получили однозначной трактовки. Однако обращение к историографии перевода предоставляет исследователю широкие возможности для ориентации в интересующей его области, так как позволяет:

- выделить совокупность наиболее актуальных, методологически значимых вопросов переводоведения;
- выявить динамику подходов к отдельному, интересующему исследователя явлению, обусловленному существующими научными перспективами и сменой предмета исследования;
- проанализировать становление и эволюцию переводческих стратегий на различных этапах развития переводческой теории прежде всего как результат становления специфической предметно-объектной научной области;
- определить возможные параметры модели переводческой деятельности, наиболее адекватной реальному процессу перевода.

Интересующая нас проблема перевода культурноспецифического по-разному трактовалась теоретиками и практиками на всех этапах становления и развития переводческой деятельности, но чаще всего в рамках довольно ранних, но не потерявших своей актуальности до сих пор, противоборствующих тенденций *переводимости/непереводимости*. В рамках этой тенденции организуются известные в переводоведении антиномии Т. Сэйвори, список которых открыт и в последнее время пополнился оппозицией «*национальное/интернациональное*».¹

1. В антиномиях английского учёного Т. Сейвори, опубликованных впервые в 1957, представлены взаимоисключающие, но эмпирически подтверждённые противоречия: перевод должен передавать слова оригинала - перевод должен передавать идеи оригинала; перевод должен читаться как оригинальное произведение - перевод должен читаться как перевод; он должен отражать стиль оригинала - он должен отражать стиль переводчика; он должен читаться как произведение, современное оригиналу - современное переводчику; перевод может допускать добавления и опущения - он не должен их допускать; перевод стихов должен осуществляться в прозе - он должен осуществляться в стихотворной форме [Savory 1968]. Список подобных парадоксов остаётся открытым. В последнее время, например, добавился тезис о том, что перевод должен полно воспроизводить *национальное*, но он должен и полно выражать *интернациональное* (см. [Крюков 1996]).

Подход к решению проблемы культурноспецифического во многом зависит от того, как трактуется кардинальный вопрос языкознания - соотношение речи и мышления, языка и речи-мысли, а с ним и первостепенный для перевода вопрос о соотношении универсального и идиоэтнического, о возможностях и способах передачи последнего. Практика перевода показывает, что возникающие при этом трудности имеют не только «собственно» языковой характер, связаны не только с отсутствием языковых соответствий, но, что гораздо важнее, обусловлены различием в *этноментальном опыте*, и в частности, в речевом поведении коммуникантов.

Обращение к историографическим данным позволяет увидеть смену взглядов на характер культурноспецифического в переводе, на задачи переводчика, претерпевающие в связи с этим неизбежные изменения, и в результате предопределяющие возрастающий интерес к его деятельности, трансформирующейся от механического перемещения текста оригинала на родной язык до попытки опознать ментальные процессы, с помощью которых происходит вербализация представленной информации. Притягательность переводческой деятельности во многом обусловлена тем, что она может приблизить исследователя к пониманию того, как, выйдя из пределов круга, очерченного одним языком, оказывается возможным вступить в круг, сотканный из «совокупности чувственных впечатлений и произвольных движений духа» [Гумбольдт 1964, с. 93] другого языка.

Гумбольдтовское представление о языке как пространстве, «находящемся между человеком и воздействующим на него внутренним и внешним образом природой» [Гумбольдт 1964, с. 99], как «бытия», *среды*, в которой осуществляется коммуникация, положили начало *культурологическому* направлению в языке и переводе.

Однако задолго до этого в античных теориях можно обнаружить интерес к этим вопросам, например, в спорах о мотивированности языковых знаков. В них очевидны попытки античных философов осознать

специфичность языкового отражения действительности, доказать идиоэтнический характер означающих, их связь и обусловленность чувственными и умственными представлениями народа, его фантазиями и предпочтениями. В *образе имени* (эйдосе) Платона (427-347 гг. до н. э.), в стоическом *лектоне* - чисто смысловом содержании, выраженным словом (А.Ф. Лосев), - специфическом для каждого языка («... поэтому варвары его не понимают, слушая эллинскую речь», - Секст Эмпирик (Цит. по: [Зубкова 2000, с. 87]), намечалось различие языкового и мыслительного содержания. «Появление в теории языка понятия собственного языкового образа (языковой картины) мира предполагает <...> осознание нетождественности языка и мышления и, соответственно, отказ от логического сведения содержательной стороны языка исключительно к мыслительному содержанию, одинаковому, общему для всех языков, и выделение наряду с мыслительным особого языкового содержания» [Зубкова 1998, с. 206-207].

Интуитивная, только намечавшаяся мысль о своеобразии языков, о тщетности попыток механического перевыражения отдельных нюансов с одного языка на другой прослеживалась и в переводческой практике.

С наибольшей очевидностью она проявилась в дихотомии «слово - смысл», «дословный - вольный перевод», на протяжении веков вызывающей споры, требующей обращения к новым задачам, решение которых хотя и не имело характера четко сформулированных концепций и не было оформлено в отдельные теории, тем не менее легло в основу современных теорий перевода. Постепенно в процессе переводческой практики, в ходе размышлений о литературных, эстетических и политических канонах своего времени вольный перевод занял ведущее место. Ещё в I-ом веке до н. э. Цицерон отмечал, что в своих переводах он стремился передать мысли, а не слова: «...я не имел надобности переводить слово в слово, а только воспроизводил в общей совокупности смысл и силу отдельных слов; я полагал, что читатель будет требовать от меня точности не по *счёту*, а, если можно так выразиться, по

весе» (Цит. по: [Фёдоров 1983, с. 25]). Это, вероятно, одно из самых ранних критических осмыслений стратегий перевода, идея, господствующая в переводе на протяжении почти двух тысяч лет.

Однако в период античности, в средние века стратегии перевода, как и личность переводчика, не привлекали особого внимания в силу объективных причин. Прежде всего, это связано с тем, что, хотя в это время осуществлялся перевод светских произведений, ведущая роль отводилась библейским текстам. Необходимо было подготовить совершенный по качеству перевод Библии на все возможные языки. В комментарии по этому поводу современного американского теоретика перевода Д. Робинсона можно выделить два момента, характеризующие исходные положения переводческой практики того времени. 1. *Ориентацию процесса перевода на текст*: «Нацеленность не просто на точный, но совершенный перевод Библии неизбежно смещала акцент с личности переводчика на язык как таковой, ведь переводчики только люди, люди делают ошибки. Язык же принадлежит Богу, и Бог через язык может проверять, контролировать перевод и заботиться о том, чтобы перевод Библии был безупречен» [Перевод как испытание... 2000, с. 123] (курсив мой. - Т.П.). 2. Второй момент, непосредственно связанный с первым, - *игнорирование идиоэтнического*, ведущее к убеждению в том, что высказанное на одном языке может быть высказано на другом.

Несколькими веками позже универсализм теряет своё исключительное положение. В эпоху Возрождения случаи смыслового и художественного несоответствия двух текстов заставляли переводчиков усомниться в *самой возможности* переводимости, в потенциальной способности переводчика уловить, а самое главное, передать своеобразие и прелесть подлинника. И сегодня известное сравнение Сервантеса, прозвучавшее в начале XVII в., имеет своих сторонников: «...перевод <...> - это всё равно, что фламандский ковёр с изнанки; фигуры, правда, видны, но обилие нитей делает их менее

явственными, и нет той гладкости и нет тех красок, которыми мы любимеся на лицевой стороне» (Цит. по: [Фёдоров 1983, с. 26]).

Мы разделяем мнение А.В. Фёдорова, усматривающего в этих словах прежде всего осознание того факта, что художественный текст (представляется, что высказанное наблюдение характерно для любого текста и не зависит от его функционально-стилевой принадлежности) обладает языковым своеобразием и органически связан с определённым языком. «Для своего времени подобное суждение несомненно означало шаг вперёд в развитии лингвистической мысли, было критично и в своём роде прогрессивно, ибо означало *отказ от наивного представления о различных языках как о вполне тождественных способах выражения одних и тех же мыслей*» [Фёдоров 1983, 26] (курсив мой. - Т.П.).

В XVII - XVIII вв. языкознание «столкнулось с проблемой многоязычия и перестало быть наукой одного языка» [Кацнельсон 2001, с. 23] - (имеется в виду появление контрастивного (сравнительного) языкознания - Т.П.). В плане осознания сущности перевода это выразилось в двух диаметрально противоположных точках зрения, высказываемых приверженцами *логического* и *психологического* направлений. Не отрицая связи между языком и мышлением, учёные по-разному представляли её суть. Так, сторонники *первого* направления считали, что отношение между формой и содержанием в языке является случайным, грамматика языка объявлялась логической и универсальной, а все языки выступали проявлением одной сущности. *Психологическое* направление, напротив, уделяло внимание единству формы и содержания, полагая, что форма способна привнести в содержание дополнительную информацию, а следовательно, она предопределяет неповторимость каждого отдельного языка. Отсюда ясно, что уже три века назад сложились аргументы «за» и «против» классической оппозиции «переводимости / непереводимости». С.Д. Кацнельсон по этому поводу пишет: «Для первого направления никакой проблемы здесь не существовало,

так как усвоение чужих языков и перевод казались простым переодеванием мысли, существо которой оставалось неизменным. <...> Что же касается второго направления, то и для него, в сущности говоря, не было здесь никакой проблемы, поскольку в принципе отрицалась возможность самих явлений. <...> Перевод с одного языка на другой с такой точки зрения невозможен, так как каждый язык по «духу» своему неповторим и несводим к другому» [Кацнельсон 2001, с. 25-26].

Сторонники психологического направления имели мощную поддержку в лице философа, теоретика языка и переводчика античной литературы, который доказывал, что «духовное своеобразие и строение языка народа настолько глубоко проникают друг в друга, что, коль скоро существует одно, другое можно вывести из него. <...> Язык есть как бы внешнее проявление духа народа; язык народа есть его дух, и дух народа есть его язык - трудно себе представить что-либо более тождественное» [Гумбольдт 1964, с. 88]. Приведённое высказывание В. фон Гумбольдта широко цитируется, как и его мнение о том, что в процессе перевода переводчик пытается разрешить «невыполнимую задачу», стараясь успешно сочетать точную передачу подлинника с полным учётом «вкуса и своеобразия» языка народа, на язык которого он переводит произведение.

Однако Гумбольдт (что менее известно) развивал и концепции универсальной грамматики, отрицая в языках присутствие как абсолютного различия, так и абсолютного тождества. Он признавал, что, хотя переводы могут быть неодинаковы с точки зрения адекватности исходному тексту, сама их возможность является результатом «общего родства» языков. С. Д. Кацнельсон, обращаясь к отдельным замечаниям Гумбольдта, сверяя их с работами Х. Штейнталя, отмечает глубину и проницательность мыслей Гумбольдта. Существовавшая до него противоборствующая оппозиция универсального и идиоматического (идиоэтнического) являлась отражением двух противоположных субъективных точек зрения на язык. Позиция Гумбольдта позволяет трактовать эту

противоположность как объективное противоречие, вытекающее из природы объекта. В грамматике отдельного языка, по В. фон Гумбольдту, можно выделить два уровня явлений. «За непосредственно представленными в языке конкретными грамматическими категориями, в своей совокупности образующими индивидуальную и неповторимую структуру данного языка, скрываются «идеальные» мыслительные категории, общие для всех языков мира» [Кацнельсон 2001, с. 29]. В XIX в. подобные интуитивные суждения не могли оформиться в законченные теории и оставались на уровне догадок и гениальных озарений. Более востребованными на этом этапе оказались перечисленные выше идеи о языке как среде. Они были позже развиты последователями В. фон Гумбольдта не только в Европе, но и на других континентах (например, в теории лингвистической относительности Э. Сепира и Б. Уорфа).

Но язык как среда имеет ещё один важный для перевода аспект - понимание. Современник В. фон Гумбольдта, основатель герменевтики как теории понимания Фридрих Шлейермахер (1768-1834), высказывает созвучные Гумбольдту мысли: «Когда речь не связана с совершенно очевидными предметами или фактами, <...> она становится понятной лишь при правильном восприятии. Каждый человек находится во власти языка, на котором говорит. Он и всё его мышление суть творения языка. У него не может возникнуть сколько-нибудь определённой мысли вне языка... Вместе с тем любой свободно мыслящий человек, духовно независимый человек создаёт свой собственный язык. <...> Живая сила, присущая каждому индивиду, создаёт в гибкой материи языка новые формы, поэтому любую свободную, возвышенную речь следует воспринимать двояко» [Шлейермахер 2000, с. 130].

Некоторые положения, процитированные выше, позже легли в основу философской герменевтики Г.-Г. Гадамера. Так, учёный утверждал, что, во-первых, язык – абсолютный горизонт понимания, универсальная среда, в которой и через посредство которой осуществляется понимание [Гадамер

1988, с. 452]. «То, что хотят сообщить, «знают» не иначе, как в языковой форме», - полагает учёный [Гадамер 1991, с. 65]. Во-вторых, если исходить из того, что понимание осуществляется в результате intersubjectной деятельности, то смысл, рождённый из понимания, не может быть единственным и окончательным. Всё это, однако, приняло форму стройной теории в герменевтике гораздо позже. Нам важно подчеркнуть положение Фр. Шлейермахера о гибкости языковой материи, способной создавать новые формы. В контексте высказывания речь, безусловно, идёт о создании мыслительных форм, возникающих при переводе, которые в современном языковедении принято называть познавательными моделями / структурами.

В начале XIX в. обращение к пониманию коренным образом меняло сам подход к переводу: *после безраздельного внимания к «объективному» тексту в перевод в качестве сущностного компонента встраивается субъект*, «со своим собственным языком», неоднозначно воспринимающий текст, понимающий его по-разному, не претендующий на единственный и окончательный вариант. Субъективность как ведущий принцип лежит и в основе первых стройных теоретических положений перевода, выдвинутых Фр. Шлейермахером, когда он предлагает единственно, по его мнению, возможные альтернативные методы «сближения» писателя и читателя: «Либо переводчик оставляет в покое писателя и заставляет читателя двигаться к нему навстречу, либо он оставляет в покое читателя, и тогда идти навстречу приходится писателю» [Шлейермахер 2000, с. 132-133]. Переводчику решать, предпочесть ли близость к языку и культуре оригинала, оставить ли читателя наедине с незнакомой культурой (очуждение) или перевести автора так, «как будто он сам писал по-немецки, будучи немцем» [Там же, с. 133], приблизить оригинал к доминирующим ценностям культуры читателя (одомашнивание).²

2. Характеризуя очуждение и одомашнивание, форинизацию и доместикацию (*foreignizing and domesticating*) Л. Венути считает, что в первом случае ощущается этнодевиантное давление на культурные ценности языка перевода, а во втором – этноцентрическая редукция иноязычного текста [Venuti 1995, p. 81].

Проблема освоения чужого и «очуждения» своего была предметом дискуссии участников круглого стола на тему: «Перевод как испытание культуры», проведённой несколько лет назад на филологическом факультете МГУ [Перевод как испытание... 2000]. Интересно мнение Ю. Н. Попова о том, что два полюса переводческой деятельности, представленные Фр. Шлейермахером, в реальной практике пересекаются в некоторой «промежуточной области», куда то и дело «вторгается» переводчик, и главное для него – чувствовать и не переходить «die feinste Linie» - «тончайшую линию» в поисках максимального подобия между ИЯ и ПЯ. На наш взгляд, это действительно единственный путь, с помощью которого может осуществиться понимание, может быть «возделано общее поле говоримого» (Гадамер), и в результате этого *чужое превращается для переводчика в «своё-чужое», чтобы стать ещё раз «своим-чужим», но теперь уже для того, кому предназначен перевод. Это основа процесса, посредством которого происходит формирование новых познавательных структур. Это путь, которым осуществляется «просветительская», посредническая роль переводчика* – таково преломление идей Фр. Шлейермахера в терминологии современной лингвистики.

К началу XX в. Перед переводчиками стояло множество вопросов. Вышедший в 1926 году небольшой полилог Н.М. Бахтина «Разговор о переводах» может служить своеобразной иллюстрацией взаимоисключающих тенденций, подходов и методов, сложившихся в практике перевода того времени [Бахтин 1995]. Что есть перевод? Что мы переводим – слово или впечатление? Дословно или произвольно? С «кощунственной модернизацией» или с соблюдением «пафоса расстояния»? Это вопросы, на которые искали ответы практики перевода в момент появления «Диалогов» и на которые должна была ответить теория, возникшая во второй половине прошлого века.

Как любой молодой науке, ей необходимо было пройти этап первоначального накопления знаний, информации о себе, своём объекте,

предмете, моделях и аспектах изучения. В то же время речемыслительный, творческий характер переводческой деятельности часто затрудняет непосредственный перенос сформированных теоретических положений в практику. Отсюда исследователи не без основания указывают на парадокс, сложившийся в этой области в настоящее время: «...растёт число теоретических работ, в которых делаются попытки уточнения и детализации существующих переводческих моделей, но значение их, а самое главное, использование в деятельности переводчиков, сводится к минимуму» [Сорокин 1998, с.69-70]. Но если считать, что основная задача теории перевода не в том, чтобы предоставить прескрипции для переводческой деятельности, а в попытке комплексного моделирования, описания переводческого процесса, то определённые результаты в этом направлении достигнуты. Мы полностью разделяем мнение М.Я. Цвиллинга, считающего, что к настоящему моменту переводоведение проделало «головокружительный путь от периферийной отрасли литературно-лингвистических исследований, за которой далеко не всеми признавалось даже право на самостоятельное существование, до широко разветвлённого междисциплинарного научного направления» [Цвиллинг 1999, с. 32].

Каждое новое исследование неизменно углубляет сведения о характеристике изучаемого явления в соответствии с общими «моделями постановки проблем и их решениями» (Т. Кун. Цит. По: [Кубрякова 1995, с. 158]) в течение определённого времени. Эволюция теории перевода последовательно совпадает со сменой парадигм в языкознании, демонстрируя изменения в своём объекте от лингвостатического (текст) до психодинамического (процесс перевода) и позже – до вполне логического их взаимодействия. Проследим, как решается проблема перевода культурноспецифического и каковы стратегии переводчика, используемые для этого, теперь уже в рамках сложившейся науки – переводоведения.

1.2. Постановка и решение проблемы культурноспецифического в лингвистических моделях перевода

Представляя динамику подходов к культурноспецифическому, репрезентированному в различных переводческих моделях, мы руководствуемся мнением Ю.С. Степанова, высказанным им о природе научного определения: «Эволюция протекала так, что каждое последующее (определение) не вытесняло предыдущего целиком, а включало в себя некоторые его черты» [Степанов 1995, с. 7]. Это в полной мере относится к переводу.

В развитии теории перевода лингвистические модели занимали и занимают ведущее место, в полном соответствии с убеждением в том, что «процесс перевода должен находиться под неусыпным наблюдением языкознания» [Якобсон 1978, с. 17]. В.Н. Комиссаров объясняет это существованием объективных и субъективных факторов. Объективные связываются с необходимостью преодоления языковых трудностей, неминуемо возникающих в текстах, что и предполагает в первую очередь обращение к лингвистическим методам их интерпретации. Субъективные факторы обусловлены тем, что подготовка переводчиков, составление программ для их обучения изначально осуществлялись специалистами в области языка и лингвистической теории и основывались на методах их науки [Комиссаров 1999, с. 7].

Лингвистическое направление в теории перевода связано с именами А.В. Фёдорова, Я.И. Рецкера, Л.С. Бархударова, В.Н. Комиссарова, А.Д. Швейцера, В.Г. Гака, Л.К. Латышева, а также с рядом зарубежных учёных: канадцев Ж.-П. Вине и Ж. Дарбильне, американского лингвиста Ю. Найды, его французского коллеги Ж. Мунена, англичан М.А.К. Хэллидея и

Дж. Кэтфорда и представителей немецкой переводческой школы, прежде всего О. Каде.

За каждым именем стоит определённый этап в развитии перевода, обоснованная переводческая модель, являющаяся, как правило, результатом обработки большого фактического материала, обобщения собственного переводческого опыта, изложенного в ряде работ и монографий, которые стали базовыми при подготовке нескольких поколений переводчиков.

Лингвистическая теория перевода развивалась в непрекращающихся спорах о роли лингвистических методов и концепций в переводе. Сторонники школы художественного перевода обвиняли её в излишнем формализме и «регламентированности». Однако, например, после выхода в свет второго издания книги А.В. Фёдорова «Введение в теорию перевода: лингвистические аспекты» (1958 г.) автор получил упрёк противоположного характера, заключающийся в том, что его теория не является последовательно лингвистической, так как в ней используются некоторые литературоведческие и общеэстетические категории. С позиций современного состояния лингвистики некоторые ранее высказанные положения переводческих теорий дополняются и уточняются самими авторами [Комиссаров 1994; 1997; 2002; Швейцер 1999а], и их эвристический потенциал остаётся неизменно высоким. В вышедшей несколько лет назад «Энциклопедии науки о переводе» её редактор М. Бейкер – одна из ведущих теоретиков перевода, считает, что именно в рамках этого направления можно решить множество насущных современных вопросов, так как оно предоставляет набор орудий для анализа перевода [Baker 1998]. Увидеть пути решения интересующей нас проблемы культурноспецифического, выделяемые в рамках лингвистических моделей, обозначить в этом участие переводчика возможно, лишь обратившись к исходным положениям данных моделей.

Их *суть* заключается в выявлении *закономерностей преобразования, замены, трансформации текстов* на исходном языке в тексты на

переводящем языке, что графически может быть представлено в следующем виде:

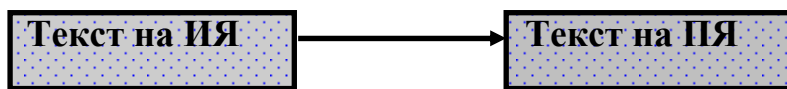


Схема 1. Процесс перевода согласно лингвистическим моделям

«Общим у всех этих разновидностей является то, что они нацелены на объективное описание системных корреляций между моделями знаковых последовательностей двух языков» [Швейцер 1999а, с. 25]. Наиболее рациональным *методом*, избранным для этих целей, является *сопоставительный*.

Основные *задачи*, которые решаются в рамках данного направления, связаны с анализом уже выполненных переводов и с *описанием* наиболее общих, объективных закономерностей *процесса переводческих преобразований*. Иными словами, происходит сопоставление исходных - «на входе», и конечных - «на выходе», отрезков текста и делается попытка охарактеризовать способы и приёмы имевшего место преобразования. *В центре внимания лингвистической теории перевода находятся обобщённые способы решения стереотипных переводческих задач, отобранных в ходе широкой практической деятельности*.

Так, ситуативная и трансформационно-семантическая модели В.Н. Комиссарова представляют процесс перевода в виде лингвистических операций, выбор которых обуславливается языковыми особенностями оригинала и соответствующими явлениями в языке перевода [Комиссаров 1990, с.158 – 205]. При этом обе модели носят условный характер, исходят из презумпции эквивалентности текста ИЯ и ПЯ и раскрывают лишь отдельные стороны функционирования лингвистического механизма перевода. *Таким образом, переводческое моделирование в рамках лингвистического направления является описанием уже вскрытых закономерностей,*

регистрацией уже осуществлённой эквивалентности, модель выступает не средством познания, а его результатом.

Такой подход к моделированию даёт основание критикам лингвистических моделей перевода утверждать, что теория, построенная в их рамках, находится «в хвосте» переводческой практики [Крюков 1988, с. 50]. Нам представляется, что признание или непризнание правомерности подобного вывода зависит от обращения к изначальной познавательной установке исследователя, от уяснения избранного им предмета исследования и его метода. Лингвистические модели перевода состоятельны в плане выделения специфических черт отдельных языков, у них есть тщательно разработанный аппарат наблюдения и фиксации способов преобразования текста на ИЯ и ПЯ. Сопоставительная оценка текстов на двух языках с использованием потенциала лингвистических моделей – важный аспект практической подготовки переводчиков.

Однако теоретическая и практическая ценность описываемых моделей снижается при наблюдении за реальным процессом перевода. Прежде всего, это обусловлено намеренным стремлением лингвистической теории перевода *избежать всякой субъективности, что нереально в практике перевода.* Считается, что достичь объективности возможно лишь в том случае, если материалом исследования будет служить текст, а само исследование будет опираться на языковые соответствия, что и обеспечит *«объективные фактические данные для последующих теоретических обобщений»* [Комиссаров 1990, с. 20] (курсив мой. – Т.П.). Но переводчик – участник двуязычного коммуникативного акта, и, принимая решения, он руководствуется *целью*, предопределяющей выбор определённых языковых средств. Такая цель может быть сформирована только на базе понимания текста, рефлексии над способами представления его содержания. Отсюда часто встречающийся на практике парадокс: присутствует типология средств перевода, но пользование ею затруднено, так как она не соотносится с

переводческим решением в определённом конкретном случае. Принятие же такого решения всегда субъективно, и обусловлено оно не только психологически, но и психофизиологически – принципом действия определённой группы компонентов функциональных систем (П.К. Анохин): широкой пластичностью, способностью к взаимозамене, адаптивности для достижения приспособительного результата в соответствии с предметной обстановкой и речевой ситуацией.

В свете неприятия субъективного компонента перевода сторонниками лингвистических моделей трактуется и понимание *значения* языкового знака, которое воспринимается как неотъемлемая составная часть языковой системы, и признание его «психической», «мыслительной» сущностью считается неверной в своей основе. «Значение языковых единиц существуют не в человеческом сознании, а в самих этих единицах, то есть не в мозгу человека, а в речи» [Бархударов 1975, с. 55]. В полемике с Дж. Кэтфордом, который считает, что «значение есть свойство определённого языка, что текст на исходном языке (ИЯ) имеет значение, свойственное ИЯ, в то время как текст на переводящем языке (ПЯ) имеет значение, свойственное ПЯ» [Catford 1965, р. 35], одним из основных аргументов, направленных на признание значения в качестве инварианта при переводе, выдвигается положение о том, что в той мере, в какой опыт одинаков у коллективов, говорящих на разных языках, одинаковы и значения, выражаемые в этих языках (Ср.: на приоритетную роль значения в переводе указывают и сторонники психолингвистических моделей перевода, но подходят к пониманию значения с иных позиций. См. об этом дальше). «Поскольку сама реальная действительность, окружающая разные языковые коллективы, имеет гораздо больше общих черт, чем различий, постольку значения разных языков совпадают в гораздо большей степени, чем они расходятся» [Бархударов 1975, с. 13].

Представленную трактовку проблемы значения и культурноспецифического, вероятно, невозможно расценивать как

ошибочную или в корне неверную, она находится в полном соответствии с принятым в избранной парадигме восприятием значения как величины, представленной минимальным набором необходимых, достаточных и не подверженных изменению свойств. Изменения значения возможны лишь с изменением окружающей действительности. Мысль о том, что «между действительностью и отражающим её высказыванием лежит процесс структурирования действительности» [Шахнарович 1983, с. 189] сознанием человека, обрабатывающим и интерпретирующим эту действительность в соответствии со своим индивидуальным и обобщённо-этническим опытом, не принималась во внимание. Следовательно, и перевод культурноспецифического в рамках лингвистических моделей ограничивался в основном проблематикой единиц языковой системы – *реалий* или смещался в область *фоновых знаний*, неизменно сопровождаясь полемикой вокруг их «лингвистичности». Попытка оставить фоновые знания внутри лингвистики за счёт наделения строевых единиц языка кумулятивной (накопительной) функцией, как это предпринято в континентальной теории Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова [Верещагин, Костомаров 1983], при всей её практической ценности для лингвострановедения, не обладает достаточной объяснительной силой для лингвистических исследований и не раскрывает путей решения переводческих задач (критический анализ континентальной теории представлен в [Крюков 1988, с. 22-27]).

Возвращаясь к реалиям, следует сказать, что многочисленные исследования в этой области не проясняют решение проблемы культурноспецифического, связывая его в первую очередь со словом, с языковой единицей, а корпус единиц, относящийся к этому классу, демонстрирует крайне расплывчатый характер, отсутствие чётких границ в предметном определении и терминологии.

Наиболее подробное определение реалий в переводе дают С. Влахов и С. Флорин. В их понимании – это слова или словосочетания, называющие

объекты, характерные для жизни одного народа и чуждые другому, которые, как правило, не имеют точных соответствий в других языках и не поддаются переводу на общих основаниях [Влахов, Флорин 1980, с. 47]. Заслуживает внимания приводимая авторами схема сложных взаимоотношений и расхождений реалий с другими языковыми единицами, которые они относят к категории «непереводимых». Согласно схеме, реалии *приравняются* к так называемой безэквивалентной лексике (БЭЛ) – лексическим и фразеологическим единицам, которые не имеют переводческих эквивалентов в ПЯ. Одновременно они *отграничиваются* от БЭЛ и включаются в состав БЭЛ как самостоятельный круг слов. С реалиями *пересекаются*, но выходят за границы БЭЛ термины, междометия и звукоподражания, экзотизмы, аббревиатуры, обращения. С реалиями *связаны* имена собственные и фразеологизмы. Но однозначная локализация реалий в рамках определённой группы языковых единиц осложняется ещё и тем, что все вышеупомянутые лексемы, кроме терминов, можно причислить к коннотативным словам [Влахов, Флорин 1980, с. 43]. В свою очередь, Г.Д. Томахин отдельно выделяет *коннотативные реалии*, которые, в отличие от денотативных, имеют полные и абсолютные смысловые эквиваленты в соответствующем ПЯ, но не передают коннотативных значений этих слов [Томахин 1997, с. 134-137].

Показательно в этом плане исследование О.А. Бурукиной, посвящённое анализу и классификации коннотативных полей номинации, наиболее часто упоминаемых в английской литературе растений и животных и учёту их специфики при переводе. Выделенные автором несоответствия в конфигурации представленных полей выходят за рамки, связанные только с различием в семантической структуре анализируемых слов, они детерминированы, в первую очередь, явным *расхождением в картине мира отдельных этносов*, например, в русской картине мира *наук* – кровопийца, а в узбекской – символ хитрости; в русской *волк* – жестокий, безжалостный, жадный, а в английской, в дополнение к перечисленным характеристикам, он

ещё бабник, волокита и сердцеед. Положительная коннотация слова *thistle* у шотландцев объясняется тем, что это растение является национальным символом их страны, а денотативный эквивалент данного слова в русском языке – *чертополох* традиционно ассоциируется с отрицательными коннотациями [Бурукина 1998].

Результаты и выводы работы О.А. Бурукиной ещё раз подтвердили, что лингвистический аспект не решает проблемы культурноспецифического, что он – лишь один из составляющих перевода, успех которого связан с экспликацией и преодолением межкультурных различий. В ещё большей степени это стало очевидным, когда коннотативные реалии были дополнены *ситуативными*, к которым принадлежат поведенческие, параязыковые, кинетические и проксеимические модели функционирования, представляющие собой норму и рассматриваемые как естественные в рамках определённой культуры [Томахин 1997, с. 136].

Для иллюстрации характера трудностей, связанных с переводом ситуативных реалий, основанных на расхождении культурного опыта представителей разных сообществ, мы выбрали несколько текстовых отрывков из романа Дж. Гришема «Камера» - *John Grisham «The Chamber»*, в которых, на наш взгляд, опубликованный вариант перевода реалий вступает в противоречие со смысловой структурой подлинника.

The door opened quickly and Retired Colonel George Nugent marched into the room, pausing only slightly to close the door, and moved officially toward Lucus Mann, who did not stand but shook hands anyway. «Mr. Mann». Nugent greeted him crisply, then stepped forward and shook hand across the desk with Naifeh (J. Grisham).

Дверь резко распахнулась, и отставной полковник Джордж Ньюджент чуть ли не строевым шагом вошёл в комнату, задержавшись на мгновение, чтобы закрыть дверь, и подошёл к Лукасу Манну. Тот не вставая протянул руку и представился:

- Мистер Манн.

Ньюджент энергично пожал руку Лукасу, затем сделал ещё шаг и пожал через стол руку Нейфи (Пер. Бехтина, Ковалёва, Волошина).

В английском варианте реплика «Mr. Mann» оставлена без ссылки на авторство, однако описываемая ситуация и знание правил общения в конкретном лингвокультурном сообществе, однозначно приписывают её полковнику Ньюдженту, и вся сцена представляет собой рутинное описание приветствия, когда, пожимая руку, вошедший называет имя того, с кем здоровается. Так как в русском официальном этикете приветствия такая традиция отсутствует, переводчик ошибочно вкладывает реплику в уста Лукаса Манна, конкретизирует ситуацию, вводя в неё глагол «представился», дополняет её графическими средствами цитации, и в результате обычная ситуация приветствия превращается в сцену знакомства, искажая повествование.

Ситуативные реалии, описывая образ жизни и черты характера отдельного народа, требуют выхода «за слово», внимательного прочтения и дополнительных модификаций при переводе, чтобы не исказить содержание речевого произведения. Это означает, что, кроме универсального и признанного всеми языкового кода, необходимо принять во внимание существование особого, тщательно разработанного, скрытого кода, который нигде не описан, никому не известен, но понятен всем (*written nowhere, known by none and understood by all*) (уточним: понятен для живущих в одном лингвокультурном сообществе). Э. Сепир, давая подобное описание «скрытого кода», имел в виду кинесику (об этом см.: [Morain 1996, p. 65]). Это означает, что среди прочего переводчику нужно помнить, что *giggle* – смеяться, хихикать не во всех культурах является формой смеха, например, в японском – это реакция смущения и расстройства [Томахин 1997, с. 137]. Перенос же известное замечание о несовпадении употребления восклицательного знака в русском и точки в английском на поведенческие процессы, можно предположить, что не

только англичане восклицают тише, чем русские, но и американцы обнимаются по-иному, чем это делают русские. Так, английское *hug*, хотя и имеет значение *крепко обнимать, сжимать в объятиях*, не соответствует русскому *бросаться на шею*, даже если речь идёт о встрече двух братьев. Поэтому при переводе с английского: *Donny hugged him for a long time (J. Grisham)*, в качестве возможного варианта можно предложить: *Донни крепко обнял брата*, а не излишне эмоциональное описание, представленное в русском издании: *Донни бросился брату на шею (Пер. Бехтина, Ковалёва, Волошина)*.

Приведём ещё несколько примеров некорректного перевода ситуативных реалий, представленных в русском издании романа Дж. Гришема.

...old people rocked in their porch swings and waved – slowly (Op. cit).

У русского читателя появляются основания для недоумения, когда он узнаёт, каким образом жители небольшого городка приветствуют героев романа, прогуливающих по вечерним улицам:

... пожилые люди раскачивались на качелях и махали им вслед (Op. Cit).

Динамика, энергия, интенсивность действия, представленные в русских глаголах *раскачать* - «двигая, толкая, заставить качаться» и *раскачаться* - «начав качаться, приобрести размах» [БТС], семантика и видовая характеристика глагола *махать* - «делать движения, взмахи в воздухе руками» [БТС], вступают в смысловое противоречие с общей спокойной и даже замедленной тональностью английского предложения:

Действительно, англ. *Swings* – соответствует рус. «качели», но *porch swings* – это иной перцептуальный образ и иное предметное содержание, отличное от русского квазиэквивалента. Из текста перевода остаётся неясным,

что речь идёт о специальных подвесных креслах, устанавливаемых на верандах, террасах домов в южных штатах, а не о взмывающих вверх качелях, ассоциирующихся в русском сознании с активным отдыхом и досугом детей, молодых людей и только, как исключение – людей пожилых. Представляется, что в качестве альтернативы можно предложить следующий вариант:

...на верандах домов пожилые люди покачивались, устроившись в подвесных креслах, и медленно махали им вслед (пер. мой. – Т.П.).

С позиций когнитивной парадигмы совершенно очевидно, что ситуативные реалии – это не только традиции и нормы, принимаемые определённым лингвокультурным сообществом, но и актуализация несходных когнитивных моделей в сознании представителей разных сообществ, с помощью которых представлены однотипные структуры знаний. Решение переводчика преобразовать, сохранить эти модели, привести их в соответствие с ментальным и речевым опытом реципиентов предопределяет его последующие стратегии.

Например, желание сохранить в порядке ограждение, расположенное вокруг дома, характерно и для русских, и для американцев. Неважно, в какой степени это типично для каждой из культур; в сознании представителей обеих культур присутствует такая информация. Её речевое отражение – когнитивная модель – в сознании американца может быть связана с метафорическим стереотипным образом, заимствованным из сферы парикмахерского дела, тем более, что чаще всего речь идёт о живой изгороди, отсюда вполне узуальное для сознания англоговорящего употребление глагола *to manicure* – 1) «to give a manicure to»; *manicure* -«treatment of hands and fingernails»; 2) «to trim closely» - 1) «делать маникюр», 2) «коротко стричь».

В романе Дж. Гришема читаем: «*The hedges had been manicured*», что вполне соотносимо с русским: «*Живые изгороди были аккуратно подстрижены*» (пер. мой. – Т.П.).

Переводчики романа избирают иной подход. Можно предположить, в своей стратегии они исходят из того, что в сознании русскоговорящего конвенциональный стереотип, перцептивное представление о дворовом ограждении связывается с забором, оградой: *забор* - «стена, обычно деревянная, отделяющая или ограждающая что-либо; ограда» [БТС]. В соответствии с этим типичным (прототипичным) представлением в переводном варианте избирается когнитивная модель для реализации познавательной структуры - «содержать в порядке». На следующем этапе стабильное ментальное содержание операционально соотносится со стабильными языковыми единицами, представляющими её.

Обращение к *представлению* в попытке воссоздать переводческую рефлексию вполне оправдано. Представлению всегда приписывался когнитивный статус, т.е. оно рассматривается как носитель знания об объекте. Такое знание приобретает как в результате непосредственного перцептивного контакта с объектом (причём основным способом получения знания при этом оказывается визуальное восприятие), так и опосредованного – дискурсивного контакта. «В этом – эмпиричность представления и его способность быть содержанием и частью (жизненного опыта) - «практического» знания» [Рябцева 2001, с. 233]. В личном опыте и в языковой практике русской языковой личности представление о том, каким образом содержится в порядке забор, связывается с тем, что его можно, например, *поставить, починить, подправить, подделать* и, наконец, *покрасить*. Вероятно, этим можно объяснить смысловые преобразования, к которым прибегают переводчики романа, заменив подстриженную живую изгородь в подлиннике на следующий вариант:

Невысокая ограда вокруг поблёскивала свежей краской (пер. Бехтина, Ковалёва, Волошина).

Нам представляется неоправданным стремление «приблизить писателя» к читателям романа, прибегнув в описываемой ситуации к излишней «доместикации» образа, положив в его основу иную когнитивную модель.

Выделение коннотативных и ситуативных реалий, интерпретирующей, а не трансформационный перевод, способствующий экспликации их содержания, обязательное обращение к своеобразию конструируемой «картины мира» при их переводе, «опредмечивающей индивидуальный, групповой и этнический вербальный и невербальный опыт» [Марковина, Сорокин 1983, с. 118] коммуникантов, неизбежно приводят к выводу о том, что оперирование языком – это оперирование культурно детерминированными знаками, получающими своё содержание в деятельности людей. Отсюда следует, что *при переходе к процессу перевода невозможно намеренно игнорировать обращение к психической, умственной, эмоциональной и интенциональной деятельности тех, кто пишет, читает и переводит*, даже если на этот счёт делается специальная оговорка, например: «...нас интересует здесь, в первую очередь, рассмотрение процесса перевода в плане именно лингвистическом, в отвлечении от физиологических и психологических факторов, определяющих его реализацию» [Бархударов 1975, с. 6].

Узколингвистические параметры исследования процесса перевода заранее обрекали его на получение заведомо неполных данных. Это осознавали и сами сторонники лингвистических моделей перевода, особенно те из них, кто связывал перевод со специфическими задачами, заключающимися в выявлении механизма этого процесса, логики переводческих решений. Так, А.Д. Швейцер неоднократно отмечал в своих работах, что чрезмерное сужение лингвистической теории перевода сводит её

к элементарному противопоставлению форм. По мнению учёного, модель процесса перевода, претендующая на отражение его многомерности должна демонстрировать взаимосвязь двух основополагающих корреляций: 1) исходного языка и языка перевода и 2) исходной культуры и культуры получателя перевода. Невозможно не признавать роль языка как первичной моделирующей системы в процессе перевода, но её не следует и гипертрофировать. В подтверждение сказанного А.Д. Швейцер приводит слова югославского лингвиста В. Ивира: «В целом можно сказать, что лингвистический компонент перевода является центральным в том смысле, что он управляет процессом перевода во всех случаях, когда не вступает в противоречие с требованиями других компонентов» [Швейцер 1988, с. 60]. Таким образом, адекватный перевод мог осуществиться только с учётом «других компонентов» и других факторов.

К середине 70-х гг. большинство сторонников лингвистических моделей [Швейцер 1973, 1988; Комиссаров 1973, 1997; Бреус 1998, представители «Лейпцигской школы» (О. Kade, А. Neubert, G. Jaeger и др.), об этом см. Комиссаров 1999б, Швейцер 1999а] пришли к выводу, что такие факторы могут быть связаны с *коммуникативной перспективой*, т.е. перевод предполагалось рассматривать как коммуникативный акт. Наиболее известна и целесообразна в этом смысле схема, предложенная О. Каде, согласно которой в переводческом акте выделяются три фазы:

I. – Коммуникация между отправителем (О) и переводчиком, который выступает в функции получателя (П) исходного сообщения.

II. – Мена кода ИЯ и ПЯ. Переводчик выступает в функции перекодировщика (ПК).

III. – Коммуникация между переводчиком, выступающим в роли отправителя (О₁) перекодированного сообщения и получателем этого сообщения (П₁).

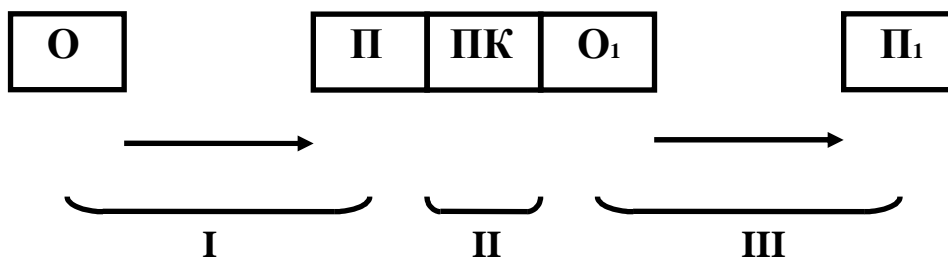


Схема 2. Схема речевой коммуникации при переводе по О. Каде [Швейцер 1973, с. 62]

Принципиально новым в данной схеме является представление перевода не как взаимодействия единиц и структур определённой пары языков, а как коммуникативного акта, осуществляемого его участниками с целью достижения определённого коммуникативного эффекта. Центральной фигурой в межъязыковом коммуникативном акте выступает переводчик. Коммуникативный процесс в представленной модели состоит не из двух (восприятие и порождение информации), а трёх фаз, включая мену кода, перекодировку сообщения с ПЯ на ИЯ, - очень важную при переводе операцию, которая и выступает формальным показателем различия между внутриязыковой и межъязыковой коммуникацией. *Такое выделение наглядно иллюстрирует сдвиг в сторону понимания активной роли переводчика, к осознанию его центральной роли в переводческом процессе, предполагает обращение к сложным мыслительным операциям, связанным с декодированием принимаемой информации, анализом и синтезом сообщений. Порождение высказывания на ПЯ – весь комплекс речемыслительной деятельности переводчика, этого посредника в коммуникативном акте, ещё не являлся непосредственным предметом исследования представителей коммуникативного направления. Однако то, что перевод больше не воспринимался как простая трансформация текста на одном языке в текст на другом языке, было, несомненно, важным для развития общей теории перевода.*

Благодаря включению мены кода обозначается ещё одна проблема: *извлечение содержания из исходного текста*. Было поставлено под сомнение существующее мнение о том, что проблемы понимания иноязычного текста переводчиком не существует, поскольку предполагается, что он профессионально владеет языком. Более того, введение второй фазы схемы привлекло внимание к «предвосхищающему» восприятию, основанному на *контаминированном прочтении оригинала*: самим переводчиком и «внутренним читателем» (как его называет польский литературовед Е. Балцежан), т. е. потенциальным получателем сообщения. Ориентация конечного результата переводческого процесса не на текст, который предстоит создать на ПЯ, а на человека, который прочтёт этот текст, наглядно демонстрировала, что задачи межъязыкового перевода перекрещиваются с социокультурными составляющими, и оба аспекта должны быть учтены в переводческом процессе.

Следуя положению о том, что перевод является преобразованием текста, на протяжении всего периода своего развития каждая из многочисленных отечественных и зарубежных лингвистических (и всех последующих) моделей в первую очередь ориентировалась на верность перевода оригиналу. Специалисты пытались определить, *на каком основании* преобразование речевого произведения на одном языке является переводом речевого произведения на другом, что выступает *инвариантом* в этом перекодировании, а сам инвариант есть мера *эквивалентности* или *адекватности* текстов. Ответы на поставленные вопросы составляют основу, прежде всего, практической деятельности переводчика. Независимо от бытующих на определённый момент теоретических приоритетов он каждый раз вынужден самостоятельно находить решение, планируя свою переводческую программу, конструируя тот «образ результата», на который она будет ориентирована. К сожалению, многочисленные публикации прошлых лет, а также появившиеся работы последних [Виноградов 2004;

Комиссаров 2002, Латышев, Семёнов 2003; Оболенская 1998, Топёр 2000 и др.] (см. обзор по проблеме [Хухуни, Валуйцева 2004]) демонстрируют крайне широкий спектр мнений по вопросу о том, что подлежит переводу, включая и то, как должны соотноситься языковые и внеязыковые детерминанты в процессе перевода, как это соотношение должно преломляться в тексте перевода, до какой степени должны сближаться оригинал и транслат.

Отсутствие единства мнений по перечисленным проблемам носит вполне объективный характер. На наш взгляд, оно обусловлено тремя взаимосвязанными факторами:

1. Специфическим характером самого переводческого процесса. Вслед за И. Левым, этот процесс часто описывается в терминах игры [Оболенская 1998; Пшеницын 2000; Швейцер 1988], а переводческие стратегии, подобно «ходам» игрока, предстают как серии выборов. Однако если развивать эту метафору дальше, то перевод, в отличие от игры, осуществляется по «нечётко определённым правилам» (Ч. Хоккетт), что обуславливает его неоднозначный, эвристический и, в конечном счёте, творческий характер.

2. Специфическим свойством текста – транслата, который появился в результате этого процесса. Текст перевода всегда стремится приблизиться к оригиналу, но рождённый в процессе творчества, неизменно оказывается иным, отличным от исходного, новым текстом. Эта новизна и приращение смысла обусловлены «пред-мнениями и пред-убеждениями» в концептуальной системе переводчика, являющегося соавтором появившегося текста. Собственные свойства текста, его «память» (Ю.М. Лотман), в которой накоплена разнообразная информация обо всех его культурных, исторических, экологических контекстах, также способствуют появлению дополнительных ассоциаций и смыслов транслата. Наконец, перефразируя лотмановское «сообщение на языке – это сообщение о языке» [Лотман 1999, с. 17], получаем ещё один компонент, привносящий новизну в текст на ПЯ – язык. Перевод и оригинал, хотя и связаны отношением деривации, существуют в разных

языковых формах. Согласно философским традициям, восходящим к Аристотелю и Гумбольдту, форма представляет собой не «голую» субстанцию, член в привычной оппозиции «форма – содержание», «материальное – идеальное», а является единством (не тождеством) формы и материи. (Ср. «Внешняя форма слова не есть звук как материал, но звук, сформированный мыслью» [Потебня 1989, с. 176]). Хорошо известны аналогичные взгляды Э.Б. де Кондильяка, Э. Сепира, Б. Уорфа, Л. Вайсгербера и др., закономерно подводящие к пониманию того, что язык не сводится только к внешней форме, а обладает собственным языковым содержанием, сугубо идиоэтническим по своему характеру. В неразрывном единстве смысла и языка, сообщения и кода Р. Якобсон видел основной признак художественного текста. Однако трудности метаязыкового порядка осложняют перевод не только художественных произведений. Возрастающая экспрессивность научного и публицистического англоязычных текстов часто обуславливается актуализацией лексико-грамматических форм, которые приобретают стилистическую окраску и представляют определённые трудности для перевода. Например, сжатость и выразительность английских глаголов адвербиального значения и «адвербиальных» существительных (термин Л.А. Козловой), обычно утрачиваются, так как при переводе приходится вводить дополнительные слова, производить частеречные замены.

Именно так и произошло в статье из авторитетного научного журнала *American Scientist*, посвящённой анализу раннего речевого развития. Американский нейролингвист Джон Локк связывает способность новорожденного пользоваться языком и речью с его «рефлексоподобными» реакциями, активизирующими латентные механизмы звукопроизнесения. Оставаясь один, ребёнок подвержен продолжительным «приступам» (*bouts*) вокализации в форме длительных монологов (*marathon monologues*). В конечном счёте, учёный приходит к следующему выводу:

1. Infants are talking themselves into a language (J. Locke).

Отсутствие адвербиальных глаголов в русском языке требует преобразования синтаксической структуры предложения, и перевод может быть представлен в следующем варианте:

(1a) Дети «добалтываются» до того, что начинают говорить (пер. мой. – Т.П.).

Меняются языковые ресурсы и при переводе следующего предложения, в котором констатируется, что деловая активность женщин-предпринимателей стала очевидным фактом в современном обществе:

(2). We are way past asking for a place at the table when so many of the chairs belong to us (Glamour 1994).

(2a) Мы далеко ушли от того, чтобы спрашивать разрешения сесть за стол. Ведь теперь большинство мест за ним – наши (пер. мой. – Т.П.).

Полисемия адвербиального существительного *way*, выступающего в функции интенсификатора требует от переводчика не только частеречной замены при переводе, но и обоснованного выбора в пользу перемещения интенсификатора в локальное или темпоральное пространство смысла – *мы далеко ушли/мы давно отошли*. Учитывая, что в тексте акцентируются не временные рамки, а факт кардинально изменившейся практики делового сотрудничества, мы склоняемся в пользу первого из альтернативных вариантов.

Перевод не может находиться в тождественных отношениях с подлинником, и степень сближения между ними, по справедливому замечанию В.С. Виноградова, зависит от многих факторов: «от мастерства

переводчика, от особенностей сопоставляемых языков и культур, эпохи создания оригинала и перевода, способа перевода, характера переводимых текстов и т.п.» [Виноградов 2004, с. 18]. Это и подводит нас к третьему моменту, препятствующему однозначному определению отношений между двумя текстами.

3. Он обусловлен отсутствием понятия и его унифицированного терминологического представления, предназначенного для определения отношения сходства текстов на двух языках. Так, текст перевода может характеризоваться как «эквивалентный», «адекватный», «изоморфный», «тождественный», «полноценный», «реалистический» и т. Д. по отношению к подлиннику. Однако практически каждый из представленных терминов наполняется разным содержанием у разных авторов, а поэтому неудивительно, «что они имеют тенденцию обрастать всякого рода «уровнями», «типами», «видами» и иными оговорками» [Казакова 2002, с. 276-277]. Наибольшая степень модификации присуща, на наш взгляд, термину «эквивалентность».

Этот термин традиционно используется в оценочном значении как *некий* инвариант, присутствие которого необходимо и достаточно для положительной оценки перевода. «Некий», так как в разных моделях в качестве инварианта выступают разные величины, т. Е. параметры (основания) эквивалентности ни в одной из теорий не задаются. Так, Ю. Найда выделял два основных типа эквивалентности: *формальную*, ориентированную на оригинал, с сохранением структуры, пунктуации, порядка слов, частеречного и семантического соответствия подлиннику, и *динамическую*, направленную на то, чтобы вызвать эквивалентную реакцию, а не дать эквивалентную форму. Такой перевод должен удовлетворять «не только требованиям языка перевода всей культуры этого языка в целом, но и контексту данного сообщения и аудитории, которой адресуется перевод» [Найда 1978, с. 128-132].

Для других учёных инвариантом выступают либо семантические отношения (*семантическая эквивалентность*) [Бархударов 1975; Комиссаров 1973], либо функции отдельных элементов (*функциональная эквивалентность*) [Рецкер 1974, Швейцер 1973]. Л.К. Латышев предлагает различать наряду с функциональной *функционально-содержательную* эквивалентность, когда воспроизводится не только функция, но и содержание оригинала. [Латышев, Семёнов 2003], а Дж. Кэтфорд ввёл *текстовую* эквивалентность, в сущности, равнозначную *стилистической* [Кэтфорд 1978]. Из известных нам подходов к термину «эквивалентность» вызывает интерес точка зрения, выдвинутая Н.К. Гарбовским, который проводит аналогию между переводческим эквивалентом и художественным образом, полагая, что оба являются конструктами. В таком случае эквивалент неизбежно выбирается по принципу репрезентативного отбора и способен отражать лишь некоторые из признаков первичного объекта [Гарбовский 2004, с. 356]. Данная трактовка эквивалентности заслуживает внимания. Она соотносима с положениями когнитивистов, утверждающих, что за словом в разных языках стоят нетождественные когнитивные модели/структуры, которые подлежат переводу. Более подробно на вопросе о том, что подлежит передаче в переводе, мы остановимся ниже. Здесь же отметим ещё один момент.

К множеству представленных типов эквивалентности можно подойти с разных точек зрения. Можно констатировать, что ни один из них не обеспечивает на практике полного соответствия текстов на двух языках в рамках определённых для этого параметров. Вследствие этого в качестве альтернативы предлагается ввести новую величину, например, *адекватность*, которая и могла бы служить более объективным мерилем соответствия текстов на разных языках. Однако данное предложение также воспринимается специалистами далеко неоднозначно из-за неясности и нечёткости альтернативного термина. «Думаю, что выдвигать «адекватность» в качестве критерия оценки перевода можно лишь исходя из возможности существования «идеального» (абсолютного, конечного) перевода, предполагая

гипотетическую тождественность текстов оригинала и перевода», - считает Ю.Л. Оболенская [Оболенская 1998, с. 127]. Но так как такой перевод не может существовать в силу перечисленных выше причин, то неприемлема и идея адекватности как основы для сопоставления текстов на двух языках. Выдвигается идея сосуществования на разных основаниях «эквивалентности» и «адекватности»³. В то же время на понятие эквивалентности можно взглянуть и с другой стороны.

Эквивалентность как основополагающее явление межъязыкового перевода, на наш взгляд, как раз выполняет своё предназначение, если её рассматривать как асимметричную величину, как это предлагал сделать Р. Якобсон, считавший, что «эквивалентность при существовании различия – кардинальная проблема языка и центральная проблема лингвистики»

3. Перевод не может обойтись без традиционного для него термина «адекватность». Нам представляется обоснованным различие между эквивалентностью и адекватностью, развиваемое в концепции немецких переводоведов К. Райс и Х. Фермеер. В обзоре, посвящённом зарубежному переводоведению, В.Н. Комиссаров описывает выдвинутые ими положения следующим образом. «Адекватный перевод - это перевод, отвечающий поставленной цели. Стремление обеспечить адекватность определяет выбор способа перевода, и поэтому понятие «адекватность» относится к процессу перевода, который может осуществляться адекватным способом. «Эквивалентность» относится к результату перевода и означает функциональное соответствие текста перевода тексту оригинала. Поэтому перевод не может осуществляться «эквивалентным способом», но может оказаться эквивалентным как частный результат достижения адекватности перевода определённой цели» [Комиссаров 1999, с. 82].

Оригинальный подход к пониманию терминов «эквивалентность» и «адекватность» представлен Г.Д. Воскобойником. Выдвигая положение о том, что процесс перевода неизбежно оказывается результатом взаимодействия тождества и различий, автор обращается к традиции выделения двух разновидностей тождества. *Позитивистское* тождество действует в коммуникативном пространстве, в котором язык используется для осуществления реальных практических действий (Мир Действия). *Феноменологическое* тождество действует в коммуникативном пространстве, где язык используется для выражения и восприятия переживаний (Мир Ценности). По мнению Г.Д. Воскобойника, «эквивалентность» как цель переводческого процесса соотносима с позитивистским тождеством, а «адекватность» как понятие ценности переводческого процесса соотносима с феноменологическим тождеством, однако в переводческом процессе оба вида тождества диалектически взаимодействуют [Воскобойник 2004, с. 5-6].

[Якобсон 1978, с. 18]. Эта идея реализуется во всех видах перевода: внутриязыковом, межъязыковом и межсемиотическом⁴.

Именно в таком ракурсе, в сочетании с маркированностью языковых единиц, рассматривает в межкультурном общении эквивалентные отношения И.Э. Клюканов. Он описывает ситуации, основанные на отношении *безэквивалентности*, если знак маркирован в одном универсуме и не маркирован в другом, что является проявлением топологических отношений, предполагающих наиболее общее родство знаков при отсутствии их поверхностного сходства. Существует возможность говорить о *равноэквивалентности*, если знаки двух универсумов маркированы приблизительно одинаково, т.е. между ними существуют аналогичные отношения, и *разноэквивалентности*, если они маркированы по-разному, что позволит определить отношения между ними как гомологичные, предполагающие сходство при существовании различий. В качестве иллюстрации перечисленных отношений приводится перевод знака, обозначающего один из приёмов пищи в русской и американской культуре: *potluck (dinner) / - возможность разного речевого выражения (еда+люди) (безэквивалентность) :: dinner / обед (как приём пищи) (равноэквивалентность) :: dinner / обед (как приём пищи вечером или днём) (разноэквивалентность) [Клюканов 1999]⁵.*

4. По мнению А.В. Бондарко, в концепции Р.О. Якобсона «эквивалентность при существовании различия» заключён подход к семантике как целостной системе, представленной интегральными и дифференциальными признаками, характеризующими различные аспекты и уровни семантического содержания. Теория стратификации семантики включает такие проблемы, как «значение и смысл, план содержания и смысл текста, соотношение содержания текста на данном языке и текста перевода, общность и различие в содержании синонимичных высказываний, межкодовые преобразования в процессе порождения и восприятия высказывания, <...> т. е. переходы от смыслового кодирования к вербальному в мыслительно-речевой деятельности говорящего и от вербального кодирования к смысловому в деятельности слушающего» [Бондарко 1999, с. 531, 530].

5. Е.Ф. Тарасов при описании межкультурного общения использует термин «квазиэквивалентность» для разноэквивалентных отношений», а Ю.А. Сорокин предлагает уточнить его, добавив термин «конфликтная квазиэквивалентность» [Тарасов 1998; Сорокин 2000].

Мы считаем, что в межъязыковом переводе, происходящем при обязательном взаимодействии двух культур/сред, двух картин/образов мира, проблема эквивалентности (равнозначности) неминуемо перекрещивается с квазиэквивалентностью (неравнозначностью), но в этом и заключается базисное свойство межъязыкового перевода как явления межкультурного общения, когда «идентичность рождается из осознания различия», а языковые различия актуализируются в эквивалентном смысле. Однако решать проблемы смысла только в рамках лингвистических и даже коммуникативных моделей, в которых «язык является структурой, т.е. описанием конструкта, в исследовательских целях отчуждённого от психики носителя» [Фрумкина 2001, с. 253] не представлялось возможным. Это предопределило поиск иных оснований для перевода.

1.3. Проблема культурноспецифического и потенциал психолингвистических переводческих моделей для её решения

Появление деятельностных (психолингвистических, интерпретативных) моделей перевода совпало со сменой существующих в науке онтологических представлений. Теоретическим основанием таких моделей являются, с одной стороны, достижения российской психологической школы (Л.С. Выготский, Н.И. Жинкин, А.Н. Леонтьев, А.Р. Лурия, С.Л. Рубинштейн, П.Я. Гальперин, А.А. Леонтьев и др.). С другой – появление этих моделей перевода подготовлено значительными результатами в области изучения текстовых категорий [Гальперин 1981; Леонтьев 1997; Пищальникова 1993, 1999; Сорокин 1985, 1993 и др.] и психолингвистической сущности процесса перевода [Клюканов 1989; Крюков 1989; Миньяр-Белоручев 1980; Рассомагина 1987; Чернов 1978; Ширяев 1979, 1981; Bell 1997; Kussmaul 1995 и др.].

Переводческие модели, рассматриваемые в рамках заявленного направления, достаточно разноплановы. Об этом можно судить хотя бы по широкой вариативности представляющих их определений, перечисленных в начале параграфа. Объединяющим моментом здесь является то, что перевод приобретает в них статус не только языкового и культурного явления, не только особого вида психической, мыслительной деятельности субъекта, но и их своеобразного сочетания. Перевод предстаёт *речемышлительным процессом*.

Логично предположить, что наиболее адекватными ресурсами для исследования такого процесса располагает *психолингвистика*, наука интегративного типа, разнообразные исследовательские программы которой, если попытаться представить их в едином «ракурсе», определяются интересом к функционированию языка у человека, к «языку как достоянию индивида» [Залевская 1999, с. 34]. В этом плане интересы психолингвистики и перевода совпадают уже потому, что последний в классификации профессий относится к группе «человек – человек» [Климов 1988].

Какие конкретно данные, находящиеся в распоряжении психолингвистики, оказались востребованными в *психолингвистической* теории перевода?

На наш взгляд, это:

- информация, касающаяся деятельностной характеристики речи, если перевод признаётся одним из её видов;
- активно разрабатываемые теории понимания, связанные со способами извлечения смысла из речевого произведения в процессе его интерпретации;
- основополагающие теории речепроизводства / порождения текстов, взаимоотношение мысли и слова, осуществляемое с учётом психосемиотических профилей читателя и автора, переводчика, автора и читателя;

- теория лакун, понятие, с помощью которого фиксируются расхождения между «своей» и «чужой» культурой, причём проблема культурноспецифического в ней выходит за рамки языковых реалий и распространяется на специфические явления, процессы, поведение, вступающие в противоречие с узуальным семиотическим опытом общающихся.

Активный субъект, включённый в деятельность – это традиционный объект *теории деятельности*, восходящей к идеям Л.С. Выготского, А.Н. Леонтьева, к концепциям ряда известных психологов и физиологов. Основной составляющей человеческой деятельности в рамках этого направления считается действие - «процесс, подчинённый представлению о том результате, который должен быть достигнут, т. Е. процесс, подчинённый сознательной цели» [Леонтьев 1977, с. 153]. Составляющими «деятельностного фрейма» являются мотив, цель, действия, операции (как способы выполнения действий), установка и результаты (продукты) деятельности [Там же, с. 62].

Представленные характеристики в полной мере применимы к речевой деятельности, а, следовательно, и к переводу как одному из её видов. Рассмотрим, как исходные положения теории речевой деятельности, отечественной психолингвистики, преломляются в переводе, какие дополнительные сведения о сущности и механизмах переводческого процесса заложены в *деятельностных* теориях перевода.

1. В теории речевой деятельности единицей анализа является элементарное *речевое действие и речевая операция*. Перенос на перевод основные свойства эстетической речевой деятельности (см. [Пищальникова 1999, с. 7-8]), отметим, что в переводе в качестве действий рассматриваются *способы представления смыслов языковыми выражениями*. Посредством языкового выражения автор фиксирует свои личностные смыслы, а переводчик-реципиент порождает свои на базе *интерпретации*

представленных в тексте конвенциональных языковых единиц. Взаимообусловленность языковых единиц в структуре текста является основой, позволяющей переводчику обнаружить авторский мотив употребления тех или иных языковых элементов. В процессе интерпретации каждый раз рождается «свой» текст, глубоко неповторимый и уникальный. Он связан с оригиналом инвариантным смыслом, но в нём присутствует отражение личных и профессиональных качеств переводчика [Белянин 1988; Галеева 1997; Россомагина 1987; Сорокин 2003 и др.], результат избранных им приоритетных стратегий [Карпухина 2001]. В конечном счёте, переводческая деятельность предстаёт речесмыслопорождением, реконструкцией переводчиком на базе его концептуальной системы интегративного / доминантного смысла исходного текста [Пищальникова 1999; Герман, Пищальникова 1999].

2. Смысловой сдвиг, сопровождающий переводческую деятельность, находится в полном соответствии с онтологией речевой деятельности. Последняя организована не по алгоритмическому⁶, жёстко заданному определённой ситуацией принципу, а по «эвристическому», т. е. в ней предусмотрено звено, в котором осуществляется *выбор стратегии* речевого поведения. Речевая деятельность характеризуется гибкостью, она допускает различные пути в операциях с высказыванием при восприятии и порождении. Именно эти качества, в конечном счёте, и обуславливают относительное соответствие как в отношениях между подлинником и переводом, так и в вариантах транслята, выполненного разными переводчиками.

6. Алгоритмическая концепция речевого поведения представлена в книге Дж. Миллера, Е. Галантера, К. Прибрама «Планы и структура поведения» (1965), в которой постулируется существование универсальных врождённых правил оперирования языком. Языковые правила являются конвенциями типа: «Когда та же самая ситуация встретится снова, делай то же самое». Правила способствуют осуществлению плана - понятия, которым широко пользуется Дж. Миллер. План - всякий иерархически построенный процесс в организме, способный контролировать порядок, в котором должна совершаться какая-либо последовательность операций. Дж. Миллер считает, что усваивается не набор собственно речевых навыков (операций), а план, схема. Одна из наиболее известных ТОТЕ - Test - Operate - Test - Exit (ТДТВ - Тест - Действие - Тест - Выход). Подробно об этом см. [Леонтьев 1974, с. 53-62].

3. Характер речевой деятельности во многом предопределён взаимоотношением опосредованного языком образа мира человека и речевой деятельности как деятельности речевого общения, т. Е. взаимоотношением отображения (образа) и деятельности (процесса). Это общеметодологическое исследовательское положение актуально для перевода, в котором центральную позицию занимает человек.

Тезис о «событийствовании» (М.К. Мамардашвили) мира и человека получает подтверждение в концепциях о существовании большого и малого мира, большого и малого опыта (М.М. Бахтин), в представлениях о взаимопроницаемости онтологического и гносеологического в процессе познания (П. Флоренский), о неправомерности однозначного противопоставления сознания и бытия как простого соотношения внутреннего и внешнего.

Неразрывность внешнего и внутреннего, опосредованность реального мира сознанием субъекта согласуется с введением (этносемиотического) фактора наблюдателя [Клюканов 1998, 1999; Кравченко 2001; Кубрякова 2004; Степанов 1998; Pike 1966], а также с положениями семиотических теорий [Пирс 2000; 2000а; Потебня 1892]. Их сторонники придерживаются мнения о том, что в процессе коммуникации объективная реальность опосредуется благодаря присутствию субъективного начала, т. Е. благодаря интерпретатору знаков, а, следовательно, преобразуется в семиотическую реальность. Возможность соотношения субъективного и объективного может координироваться, согласно, например, семиотической теории Ч. Пирса, принципом непрерывности – постоянной интерпретацией, переводимостью одних знаков в другие.

Нам близка точка зрения И.Э. Клюканова, который трактует семиозис не как возможность бесконечной интерпретации, а как *процесс познания*. Исследователь подходит к нему «не как к серии объективно данных опор и не как

к пост-модернистски интерпретируемой релятивистской игре значений, а как к процессу *генерирования знаний*, т. Е. опосредованию непосредственного опыта при помощи знаков, в котором границы между объективным и субъективным постоянно создаются и изменяются» [Клюканов 1998, с. 23] (курсив мой. – Т.П.). Отметим, что для нас в процессе семиозиса приоритетная позиция отдаётся индивиду, участвующему в нём. Мы считаем, что для интерпретирующего знаковая реальность, создающая знание об объекте, т. Е. значение, конституируется не набором потенциально присущих объекту признаков, а актуальных для индивида фрагментов опыта, которые складываются в его образе мира в результате различных форм личного взаимодействия (непосредственных, опосредованных) с данным объектом.

«Образ мира – это отображение в психике человека предметного мира, опосредствованное предметными значениями и соответствующими когнитивными схемами и поддающееся сознательной рефлексии» [Леонтьев 1997, с. 268]. Неоднократно отмечалось, что реальность, воспринимаемая через образ мира, способна представлять на различных уровнях осознаваемости. Это значит, что за тем, что в определённый момент появляется в светлом поле сознания, выходит на его «табло», стоит многомерный мир. А.А. Залевская справедливо утверждает, что «осознаваемое как вершина, пик огромного айсберга опирается на массивную платформу того, что за пределами актуализируемого обеспечивает его осмысление» [Залевская 2003, с. 37]. В речевом общении языковые знаки, чаще всего выступающие ориентирами, опорами для доступа к образу мира, обеспечивают его лишь во взаимодействии с другими психическими процессами: памятью, мышлением, восприятием, чувствами, волей и т. Д. При усвоении иностранного языка, в посреднической деятельности переводчика коррелирующие слова разных языков должны выводить на коррелирующие образы мира в сознании коммуникантов.

Отсюда главенствующая роль фазы ориентировки как для речевой, так и переводческой деятельности. Её результатом является выбор коммуникантом / переводчиком соответствующей стратегии порождения и восприятия речи, а также этап планирования, предполагающий использование образов и опору на предшествующий опыт общающихся в соответствии с их образом мира.

4. Тесно связан с предыдущим постулат о важности сознательного выбора того или иного способа деятельности, планирование и перебор возможных исходов после его осуществления. Такого рода вероятностное прогнозирование И.М. Фейгенберг определяет как «преднастройку к действиям в предстоящей ситуации, опирающуюся на вероятностную структуру прошлого опыта и информацию о наличной ситуации» (Цит. По: [Леонтьев 1997, с. 70]). В переводе действие механизма вероятностного прогнозирования наиболее полно описано на материале синхронного перевода (см., например, [Чернов 1978; 1987]), однако его роль при выборе оптимального варианта соответствия на ПЯ очевидна и не зависит от вида перевода.

5. Актуален для перевода и постулат речевой деятельности о том, что в основе восприятия речи лежат процессы, частично воспроизводящие процессы её порождения.

Таким образом, психолингвистические и деятельностные подходы оказываются продуктивными для перевода именно в плане того, что в центре их внимания оказывается коммуникативная деятельность участников общения, операции со смыслом, представлены механизмы их исполнения. В то же время переводческая деятельность выходит за рамки объяснительных возможностей этих моделей, когда, например, возникает необходимость оперировать информацией о разных слоях сознания коммуникантов, об их эмоциях, об их способности к выводным знаниям. На то, что положения теории деятельности оправдывают себя при изучении одних процессов и не решают всех вопросов при обращении к другим, указывают участники

регулярно проходящих дискуссий по этой проблеме (см., например, [Зинченко 2001]). Вывод, который можно при этом извлечь, сводится к тому, что деятельность должна быть интегрирована с другими знаниями.

Исходя из данного принципа, конкретизируя его, вернёмся к разнообразию определений, представленных в начале параграфа. Можно предположить, что все три атрибута, характеризующие описываемую модель, находятся друг с другом в отношении дополнительности, и перевод в самом общем виде предстаёт как *психолингвистический* процесс, в котором посредством *интерпретирующей деятельности* индивида на базе оригинала осуществляется речесмыслопорождение текста перевода. Точку зрения, близкую к высказанной, находим у Ю.А. Сорокина. В статье с характерным названием «Интерпретативная или деятельностная теория перевода?» он утверждает, что «деятельностная теория перевода – это не что иное, как психотипическая / интерпретативная теория» [Сорокин 2000, с. 110].

В представленном далее кратком обзоре мы выделяем *три направления переводческих исследований*, выполненных в описываемой парадигме (оставим за ней термин «психолингвистическая»), которые, на наш взгляд, продвигают дальше, вносят дополнения и уточнения в интересующую нас проблему культурноспецифического и позволяют впервые обратиться к деятельностным *механизмам*, определяющим характер протекания процесса перевода, совершаемого переводчиком.

Именно с этих позиций к психолингвистическим моделям обратились исследователи *синхронного перевода*.

Так, *вероятностно-прогностическая модель* Г.В. Чернова [Чернов 1978; 1987] акцентирует внимание на специфически деятельностных механизмах в условиях синхронного перевода. Мы считаем, что выдвинутые автором положения носят универсальный характер и могут быть применимы не только к устному, но и письменному переводу. Это относится к положению об

актуальности опорных элементов для понимания переводчиком смысла текста, к функционированию механизма вероятностного прогнозирования.

Г.В. Чернов был одним из первых, кто обратился к центральному вопросу переводоведения: «Каким образом переводчик осуществляет извлечение смысла сообщения?» Особое внимание было уделено *подсознательному смысловому выводу* в переводе, создающему субъективную избыточность сообщения у слушателя, за счёт взаимодействия семантической структуры сообщения, его фоновых знаний, а также знаний о ситуативном контексте.

Важным моментом в данной концепции является то, что фоновые знания, о которых идёт в ней речь, принципиальным образом отличаются от тех, которые представлены в континентической теории как лексический фон и которые определялись авторами как «совокупность непонятных семантических долей в *семантике слова*» [Верещагин, Костомаров, 1983, с. 57] (курсив мой. – Т.П.). Г.В. Чернов вводит в теорию перевода понятия, заимствованные из теории речевых актов Г.П. Грайса, широко используя термин «импликатура» - коммуникативно-релевантный смысловой вывод, сделанный получателем сообщения на основе выбора из набора имеющихся у него пресуппозиций. Пресуппозиция представляет собой фоновые знания, тезаурус коммуникантов, позволяющий осмыслить содержание речевого произведения. Среди множества характерных свойств, которыми обладает импликатура [Падучева 2003], мы особо выделяем её неэксплицитный характер, неконвенциональность, (т. Е. она не закодирована в значении), неоднозначность её интерпретации, вычисляемость, основой которой может служить «буквальный смысл, постулаты дискурса, контекст, внеязыковые знания говорящих и, возможно, что-то ещё» [Там же, с.12].

В теории Г.В. Чернова ещё не фигурирует термин *инференция*, акцентирующий активную роль реципиента / переводчика, т. Е. нет разделения импликации и инференции, но отмечается важная деталь,

указывающая на то, что набор пресуппозиций определяет потенциальное множество импликатур, которые можно извлечь из сообщения. Естественно, реальные импликатуры беднее набора пресуппозиций, их выделение обусловлено информационным запасом, глубиной концептуальной системы коммуниканта.

Учёный вплотную подошёл к осознанию деятельности переводчика, обратившись к проблеме выводных знаний, вероятностного прогнозирования. «Всякое понимание основано, прежде всего, - пишет он, - *на контекстуальной интерпретации наших собственных мыслительных моделей*, а понимание и продуцирование текстов начинается не с первых слов текста, а с уже состоявшейся активизации понимания наличной ситуации, которая служит стимулом для ожидания определённых видов текстов и смыслов» [Чернов 1987, с. 121-122] (курсив мой. – Т.П.).

Существенно дополнила представления о речемыслительных процессах, связанных с переводом, работа А.Ф. Ширяева «Синхронный перевод» [Ширяев 1979]. Сосредоточившись на описании структуры переводческой деятельности, считая её изоморфной интеллектуальному акту, А.Ф. Ширяев уделяет особое внимание *фазе ориентировки и выработки или выбора переводческого решения*. Он вводит понятие «единица ориентировки» - «отрезок исходного текста, смысловое восприятие которого позволяет переводчику приступить к поиску или выбору переводческого решения» [Ширяев 1981, с. 76], при этом специально оговаривает, что она не тождественна единице перевода⁷, выделяемой в лингвистической теории перевода. Понятие единицы ориентировки имеет принципиальное значение для автора, так как она является доказательством того, что текст на языке перевода появляется не в результате простого перекодирования

7. Единица перевода - крайне неопределённая величина. А.Д. Швейцер вообще отрицает её существование, полагая, что в качестве таковых могут выступать отрезки текста, имеющие разную величину и разные характеристики, начиная от морфемы и кончая текстом. По мнению П. Ньюмарка, единица перевода должна быть «мала, насколько возможно, и велика, насколько необходимо» (as small as possible and as large as necessary) (Цит. по: [Bell 1997, p. 29]).

исходного текста, а его порождение обусловлено реализацией *внутренней программы высказываний*, которая складывается в сознании переводчика благодаря ориентированию в ситуации и особенно в её важнейшем компоненте – речи оратора.

Необходимо отметить, что заслуга обоих авторов заключается не в очередной констатации факта относительно того, что перевод – это операции не только со словом, но и со смыслом, а в конкретных шагах по выявлению механизмов извлечения и передачи смысла в процессе перевода.

Эту же цель преследуют представители условно выделенного нами *второго направления* психолингвистических теорий, которых объединяет интерес к условиям, в которых актуализируется смысл текста при его порождении и восприятии. Прежде всего, здесь следует назвать работы А.Н. Крюкова, которые заложили методологические основы отечественной интерпретативной теории перевода [Крюков 1988; 1989; 1996]. Критически исследовав лингвистические теории перевода, автор заявил о том, что существовавший «субститутивно-трансформационный», в его терминологии, тип онтологии должен быть дополнен понятием деятельностного типа, в соответствии с которым перевод рассматривается *не как преобразование исходного текста, а как речепорождение*.

В качестве исследовательской модели для изучения перевода в условиях отсутствия переводных соответствий (имеются в виду случаи, традиционно представляемые в понятиях «целостное преобразование», «перевод на уровне описания ситуации» или «цели коммуникации») предлагается *герменевтическая модель перевода*. Выделим три положения интерпретативной концепции автора.

1. *Включение в предметную область переводоведения проблемы понимания*. Это означает, что при переводе фаза понимания заслуживает не меньшего внимания, чем фаза порождения, и не воспринимается как нечто само собой разумеющееся. При этом исчезает стереотип об идеале

переводчика как «прозрачном стекле», приходит осознание вариативности понимания, что влечёт за собой проблему выбора и разнообразия стратегий в принятии переводческих решений.

2. В работах А.Н. Крюкова нашли дальнейшее развитие проблемы *языка и знаний* в переводе, *взаимоотношение знаний языковых и неязыковых (фоновых)*. Автор разделяет взгляды Г.В. Чернова относительно того, что языковые значения не исчерпывают всей суммы знаний, существующих в общественном и индивидуальном сознаниях, и вносит ряд собственных дополнений. Они основаны на дифференциации человеческого сознания на языковое (значения языковых единиц) и когнитивное (смысловое), содержащее информацию, не означенную языковыми единицами. Так, в романе одного из индонезийских писателей мать, убеждая сына жениться, говорит, что он берёт в жёны «*дочь своего дяди*». Для того, чтобы передать смысл высказывания русскому читателю, необходимая для понимания пресуппозиция эксплицируется переводчиком: «*а это по нашим обычаям считается очень достойным*». А.Н. Крюков [Крюков 1988, с. 28] поясняет, что данная пресуппозиция принадлежит не языковому значению отдельного слова, а когнитивному сознанию, где она представлена в виде обобщённого образа нормы поведения. Подобная информация фиксируется и хранится в образах предметов, действий, эмоциональных состояний, поведения, которые группируются в сознании в виде пропозиций – цельных синкретических ансамблей. Такие структуры обладают ярко выраженной национальной спецификой, следовательно, для того, чтобы общение состоялось, понимание между коммуникантами было достигнуто, пропозиции в процессе перевода должны быть вербализованы адекватными способами, которые и предстоит отыскать переводчику.

3. Эти способы подчинены закону *гомоморфизма рецептивного смысла интенциональному*, т.е. смыслу, «который автор вкладывает в объективное

языковое значение в ходе вторичного семиозиса, исходя из прагматической интенции» [Крюков 1996, с. 108].

В интерпретативной концепции А.Н. Крюкова затрагивается целый ряд актуальных вопросов общетеоретического плана, предлагаются пути их решения, которые, как показывает время, оказались весьма удачными и послужили исходным моментом для дальнейшей разработки и детализации. Тезис о том, что *переводу подлежат структуры сознания* (хотя эта идея была выражена в другой терминологии), для конца 80-х годов был сравнительно новым. Он способствовал исследованию национально-культурной специфики речевого общения и закономерностей перевода, формировал базу для этнопсихолингвистических исследований 90-х годов, связанных, например, с этнокультурной спецификой языкового сознания.

Вместе с тем некоторые из таких вопросов не получили однозначного толкования прежде всего в силу неупорядоченности представлений о понятиях, которые они обозначают. Так, не совсем понятным остался статус «диффузированного слоя сознания, который неизбежно формируется на границе фоновых и собственно языковых знаний» [Крюков 1988, с. 34]. Неясно, каков механизм формирования доминанты интенционального смысла, которая призвана ограничивать «рецептивный произвол» переводчика.

Судя по описанию его функционирования, мы предполагаем, что этот механизм должен действовать подобно тому, который связывается с формированием доминантного смысла. По нашему мнению, термин «доминанта интенционального смысла» А.Н. Крюкова соотносим с термином «*доминантный смысл*», который вводит в теорию перевода В.А. Пищальникова, привнося в него положения, разработанные ею для эстетической речевой деятельности [Пищальникова 1993; 1999].

«Доминантный смысл концептуальной системы (и текста) выявляется не из интегративного значения фиксирующих его лексем, а из ассоциативно и логически связанного ряда концептов, представленных совокупностью

лексем, репрезентирующих доминантный личностный смысл» [Пищальникова 1999, с. 47]. Элементы доминантного личностного смысла автора различны генетически, но в пределах определённого текста гомоморфны, акцентируя авторскую позицию. Выбор языковых единиц, объективирующих личностные смыслы, их структурное и эстетическое оформление в тексте мотивированы актуальностью этих смыслов для автора, и, в конечном итоге, актуальностью доминантного смысла. По доминантным смыслам текста или совокупности текстов определённого автора возможно реконструировать его концептуальную систему. В трактовке концептуальной системы В.А. Пищальникова опирается на теорию Р.И. Павилёниса о концептуальной системе и смысле языковых выражений [Павилёнис 1983, с. 383] и даёт собственное определение концептуальной системы (картины мира), определяя её как «континуальную систему смыслов, структурирующуюся в деятельности индивида в результате присвоения а) конвенционального опыта, б) перцептивных процессов и в) собственно рефлексии» [Пищальникова 1999, с. 36].

Восприятие, процесс понимания речевого произведения также осуществляется на основе концептуальной системы, но теперь уже реципиента, читателя (в интересующем нас случае – переводчика). На её основе происходит построение определённой релевантной структуры смыслов с использованием языковых знаков, которые выступают как средство символической репрезентации, конвенциональной ориентации в концептуальной системе автора и в содержащейся в ней информации.

Этим свойством языковой единицы и объясняется способность дискретных языковых единиц представлять континуальные и непрерывные смыслы. Языковой знак, его значение как стабильные компоненты включаются в конструирование смысла, но восприятие языкового знака – лишь «точка отсчёта» («намёк на значение», по А.А. Потебне) в интерпретационном процессе построения смыслового пространства текста,

который начинается с осмысления языкового знака и переходит на следующий уровень – понимание, где осуществляется проникновение «за значение» слова. При восприятии языкового знака актуализируются другие составляющие концепта: его образное, понятийное, эмоциональное и ассоциативное содержание.

Таким образом, положения психопозитической теории, связанные с доминантным смыслом, с природой интерпретационных процессов не только подтверждают существующее мнение о текстах как о «смыслопорождающих» устройствах [Лотман 1999], о положительной роли, норме неполного совпадения смыслов в процессе коммуникации, способствующих приращению нового смысла, но и предлагают эмпирически выверенное теоретическое обоснование этому.

Ещё одно, *третье* направление, представленное психолингвистическими моделями, имеет много общего с описанными выше теориями извлечения смысла текста, но обращение к смысловосприятию и последующему смыслопорождению происходит с учётом (*этно*)психолингвистического типа участников переводческого процесса. В переводческом процессе впервые заявлено о главенствующей роли переводчика. Речь идёт об «интеллектуально-эмоциональном типе личности со специфической структурой речевого (и неречевого) коммуникативного поведения, определяемой культурными особенностями того общества, к которому данная личность принадлежит» [Сорокин 1998, с. 81].

Тип личности оказывает влияние на актуализацию содержания текста. Психологи объясняют это, обращаясь к понятию «проекция», под которой понимают «осознанное или бессознательное перенесение субъектом собственных свойств, состояний на внешние объекты» (Психология. Цит. По: [Оболенская 1998, с. 130]). Развивая данную точку зрения, психолингвисты ссылаются на выдвинутое В. Фон Гумбольдтом и А.А. Потебнёй предположение о зонах понимания, на библиопсихологическую теорию

Н.А. Рубакина, согласно которой содержание текста – это всегда перереконструирование текста читателем в соответствии с его проекцией понятого. В результате формулируется положение о том, что восприятие и порождение любого текста представляют собой процесс «векторизации», в ходе которого понятийно-денотативная, речевая, эмоционально-оценочная структура личного опыта реципиента соотносится с понятийно-денотативной структурой воспринимаемого им текста, вызывая различную степень осознания, модификации, приращения смысла текста или его искажения (см., например, [Белянин 1988; Залевская 2001; Масленникова 2004; Сорокин 1985, 1998; Фесенко 2000 и др.]).

Понимание – это всегда индивидуальный и глубоко субъективный процесс «смыкания» (А.А. Брудный) содержания текста и содержания сознания читателя, происходящий на ментальном уровне. Но межъязыковой перевод предоставляет уникальную возможность получить материальную презентацию различной степени этого «смыкания» или его отсутствия в тексте перевода.

Барьеры на пути понимания иноязычного текста разнообразны. В тексте перевода фиксируются ошибки, свидетельствующие о том, что переводчиком не освоены даже *социально принятые значения* языковых знаков. Они искажают подлинник, создают неверное представление у читателей о произведении и его авторе. Не будем касаться подобных неудач, которые часто можно объяснить отсутствием у переводчика в нужный момент словаря⁸. Переводческая проекция текста, актуализируемая в переводе, может указывать на отсутствие, частичное или неполное наличие в концептуальной системе переводчика знаний, связанных с *объективной реальностью* (термин Г.И. Богина) как собственной культуры, так и культуры переводящего языка.

8. Удивительное количество игнорируемых при переводе расхождений между системами двух языков в рамках одного произведения описаны в статье С.Б. Жулидова [Жулидов 2001]. Достаточно привести пример перевода распространённого в английском языке фразеологизма *to drink like a fish* - *беспробудно пьянствовать*, употреблённого в следующем контексте: *I drank like a fish and gambled away the generous allowance*. Предлагаемый переводчиком вариант звучит следующим образом: *Я пил, как рыба, и проигрывал в карты приличные суммы денег*.

Так, при переводе рассказа американского писателя Дж. Д. Сэлинджера «*The Daumier-Smith's Blue Period*» игра под названием *Musical Chairs* (досл. *Музыкальные стулья*) превращается в «*Море волнуется*», что свидетельствует о том, что проекция, выстроенная переводчиком при восприятии текста, искажена. Следует отметить, что данное несоответствие тексту оригинала не приводит к кардинальным смысловым изменениям транслята, хотя внимательный читатель, знакомый с правилами игры, может выказать недоумение по поводу того, откуда в тексте появились стулья, и почему герой мечтает занять место на одном из них. Однако обратимся к иному аспекту. Перевод позволяет увидеть больше – он помогает с определённой долей достоверности реконструировать процесс векторизации, происходящий в сознании переводчика, в очередной раз демонстрируя зависимость транслята от его способности освоить «содержательность» (содержание+смысл) переводимого.

Возможно предположить, что в вышеприведённом примере в основе переводческой неточности лежит совмещение двух фреймов, которые перекрещиваются, представляя информацию о сходных правилах двух игр (в обеих участники должны по сигналу приостановить движение). Однако каждый из фреймов содержит дополнительную информацию, типичную только для одной игры: во *фрейме 1* играющий должен успеть занять место на стуле, число которых меньше, чем число игроков. Во *фрейме 2* участник должен просто замереть на месте. Избранный переводчиком языковой знак выводит на *фрейм 2* (*Море волнуется*), а атрибуты, представленные в тексте, соотносимы с *фреймом 1*. Это даёт основание предположить, что в непосредственном опыте переводчика, в его концептуальной системе фрагмент действительности, на который осуществляется выход в процессе перевода, представлен диффузно и нечётко.

Ещё более рельефно переводческий психотип вырисовывается в случаях, когда переводу подлежат *образы субъективной реальности* (термин

Г.И. Богина). Чаще всего это происходит в процессе переводов художественных произведений, когда рефлексия, сопровождающая встречное смыслопорождение, основана на синтезе жизненного и дискурсивного опыта переводчика. Его интеллектуально-эмоциональные особенности определяют ход рефлексивной деятельности, сопрягая актуализацию языковой формы с постоянным изменением в смысловом пространстве произведения – в результате смыслы наращиваются, растягиваются, появляются новые. Это особенно ярко прослеживается при переводе смысловых «узлов» - заглавий литературных произведений – переводчиками различных психотипов, с разными концептуальными системами, поставленными в разные социально-исторические и временные условия.

Известно, например, что название романа американского писателя Кена Кизи «*One Flew Over The Cuckoo's Nest*» было адекватно переведено на русский язык: «*Как сбежать из психушки*» (*cuckoo* - чокнутый, спятивший, не в своём уме [НБАРС]). Однако фильм американского режиссёра М. Формана, поставленный по одноимённому роману, вышел у нас под названием: «*Пролетая над гнездом кукушки*». Ещё большее разнообразие, не всегда соответствующее смысловой доминанте оригинала, находим в переводах заглавий театральных пьес, поставленных по роману: «*Кто-то пролетел над гнездом кукушки*», «*А этот выпал из гнезда*» [МП-5, с. 51].

В соответствии с «глубиной прочтения текста», которая может больше зависеть от эмоциональной тонкости человека, чем от его формального интеллекта (см. [Лурия 1975, с. 246]), подвергся изменению и перевод заглавия романа Дж. Брейна «*Room At the Top*». Первоначальный буквальный перевод «*Комната наверху*» уступил место более объёмному, метафорически переосмысленному названию «*Путь наверх*», который, однако, как часто случается в переводе, не претендует на окончательный вариант прочтения романа. Так, по мнению С.П. Романовой и А.Л. Оралловой, суть

произведения наиболее полно могла бы быть представлена заглавием «*Место под солнцем*» [Романова, Коралова 2004, с. 18].

Напомним, согласно теории Н.А. Рубакина, личность читателя есть определённый психобиологический тип, появившийся в результате воздействия на него «факторов расы, среды и момента». Этот тип с определённой долей вероятности предопределяет инвариантную реакцию на текст. Любопытно в этом плане мнение американского переводчика романа И.С. Тургенева «*Отцы и дети*» Ральфа Мэтлоу. В предисловии к роману он делится трудностями, связанными с его переводом и поясняет, что, несмотря на существовавший перевод названия «*Fathers and Children*», он останавливается на варианте: «*Fathers and Sons*», принимая во внимание, что для англоязычного читателя *sons* ближе передаёт духовный и интеллектуальный облик молодого поколения романа [Turgenev 1966, p.vii].

Хорошо известно высказывание Р. Якобсона: «Языки различаются между собой главным образом в том, что в них не может не быть выражено, а не в том, что в них может быть выражено» [Якобсон 1978, с. 22]. Языковая структура заглавия романа Джона Стейнбека «*East of Eden*» предоставляет возможность «закодировать» в ней синкретичные смысловые слои текста. Структурные особенности русского языка «не могут оставить невыраженным», а потому вынуждают переводчика сделать выбор, эксплицитно представить в переводе заглавия свою версию прочтения романа, задавая тем самым перспекцию для его восприятия читателем. Тонкий сравнительный анализ двух вариантов перевода заглавия произведения содержится в работе А.В. Кремнёвой. По мнению автора, вариант «*На восток от Эдема*», отражает смысл оригинального библейского интекста как места, куда бог изгнал Каина. «*К востоку от Эдема*» основан на интерпретации, амбивалентно совмещающей библейскую притчу и её философское осмысление автором, указывая на место, где живут современные Каины. «Второй вариант представляется нам не просто более ёмким по своему

смысловому наполнению, а более адекватно отражающим систему авторских смыслов текста», - заключает исследователь [Кремнёва 1999, с. 14].

Неоднозначность истолкования смысловой доминанты произведения, результат переводческих размышлений и заключений, обусловленных его образом мира, связанных с учётом психотипических особенностей потенциального читателя, наглядно представлены в разных переводах заглавия стихотворения Р. Кипплинга «*If*»:

- | | | |
|--------------|---|---------------------|
| С. Маршак | - | <i>Если...</i> |
| В. Корнилов | - | <i>Когда</i> |
| М. Лозинский | - | <i>Заповедь</i> |
| А. Грибанов | - | <i>Если сможешь</i> |
| А. Шарапова | - | <i>Из тех ли ты</i> |

Таким образом, перевод неизменно подтверждает, что текст есть каждый раз заново построенная функция читателя/переводчика. Текст, представленный различными зонами понимания, «взаимодействуя с тезаурусом / лексиконом, деформируется в сознании воспринимающего и существует лишь как его *проекция* – вариант» [Сорокин 1998, с. 111].

В иноязычном тексте, в котором «семантическая масса» структурируется специфическим образом, читательская проекция текста может быть искажённой по сравнению с авторской из-за присутствия определённых текстовых единиц, которые осознаются неадекватно, неполно, диффузно. Речь идёт о *лакунах* – сигналах зон неполного понимания в тексте [Степанов 1965; Сорокин 1977; 1985; Сорокин, Марковина 1988; Жельвис 1977; Муравьёв 1980; Власенко 1996; Рябов 1997; Быкова 1999].

Этот термин естественным образом возвращает нас к понятию культурноспецифического и попытке определить его природу и характер презентации. Лакуны понимаются как «сигналы не только специфических реалий, но и специфических процессов и состояний, противоречащих узуальному опыту носителя того или иного языка (культуры)» [Сорокин 1989, с.

96], как «некоторые фрагменты текста (или весь текст), которые (который) оцениваются как нечто непонятное, странное, ошибочное» [Сорокин 1998, с. 112]. Лакуна может быть имплицитной, остаться незамеченной или интерпретироваться не так, как это было бы типичным для реципиента культуры-источника. Представленные характеристики лакун в трактовке психолингвистов относят их не только и не столько к сфере языковых форм, сколько к области культуры и сознания.

Всё сказанное позволяет сделать вывод о том, что:

2. В силу основополагающего свойства психолингвистических моделей – обращённости к языку как достоянию индивида – переводчик в этих моделях занимает центральное положение. В отличие от коммуникативных моделей, где его появление в центральной части модели межъязыковой коммуникации, связанное с меной кода, перемещало перевод в «мистическую, ненаблюдаемую якобы никакими методами плоскость» [Витренко 2003, с. 54], психолингвистические модели *предложили механизмы*, направленные на объяснение принципов успешного осуществления переводческой деятельности. Это позволяет схематически представить суть психолингвистических моделей перевода как тесную взаимообусловленность, взаимодополнительность системных свойств текста и индивида, порождающего и воспринимающего этот текст в рамках своей концептуальной системы (КС).



Схема 3. Представление процесса перевода в психолингвистических моделях

2. В психолингвистических моделях перевода проблема культурноспецифического не связывается больше исключительно с языковыми соответствиями, с местом языковой единицы в системе языка. Культурная специфика индивида, сформированная его окружением, системой предметных значений, социальных стереотипов и когнитивных схем, находит отражение в его сознании, в концептуальной системе. В связи с этим наполнилось новым содержанием, распространилось на область изучения этнопсихолингвистических аспектов сознания понятие «лакуна», которое в разное время привлекало внимание исследователей в интра- и интер- языковых и культурологических исследованиях и оказалось особенно востребованным в межкультурном общении.

1.4. Потенциал когнитивной лингвистики в решении проблем культурной специфики в процессе перевода

Представив перевод как вид деятельности, сторонники психолингвистических моделей связали её с представлением смыслов, которые могли появиться только в результате интерпретативной деятельности переводчика. Понимание, как известно, осуществляется посредством интерпретации языковых и неязыковых интерпретантов в рамках определённой концептуальной системы, а речепорождение предполагает выбор интерпретантов, которые в определённой концептуальной системе с определённой долей уверенности выводят на предполагаемые смыслы.

Эту же мысль в предисловии к своей книге «Язык и знание» высказывает Е.С. Кубрякова, поясняя, что употребляет термин «интерпретация» «для характеристики того, что обозначается в нашей работе общим термином «осмысление мира»» [Кубрякова 2004, с. 18]. Такой подход к понятию интерпретации совпадает с неоднократно цитируемым мнением

В.З. Демьянкова о том, что интерпретация речи человеком – это «вид когниции, непосредственным объектом которой является продукт речевой деятельности, а результаты и инструменты обладают разветвлённой типологией и насквозь пропитаны личностными характеристиками» [Демьянков 1994, с. 27]. Всё это даёт основание рассматривать термины «интерпретативный» и «когнитивный» как рядоположенные, а границы, разделяющие психолингвистические и когнитивные модели, считать условными.

Для перевода пересечение когниции и интерпретации не ново. На него указывал ещё Р. Якобсон, отмечая, что «когнитивный уровень языка не только допускает, но и прямо требует перекодирующей интерпретации, т. Е. перевода» [Якобсон 1978, с. 22]. Интеграция лингвистического, психолингвистического и когнитивного подходов способствует тому, что ряд актуальных для перевода понятий переосмысливаются, получают новый статус.

Начало когнитивных исследований традиционно связывается с готовностью части лингвистов к смене предметно – объектных областей их науки (парадигм) и носит объяснимый характер. Во-первых, познающий субъект постоянно стремится расширить, углубить и разнообразить предмет своего изучения для наиболее полной и объективной характеристики интересующего его объекта. Во-вторых, и сам объект может претерпевать определённые изменения. Например, традиционным объектом лингвистики начала прошлого века в понимании приверженцев сравнительно-исторического метода, структуралистов и до определённой степени генеративистов выступал язык как система конструкторов и правил их комбинирования.

Желание проникнуть в глубь объекта исследования видоизменяет предметный ракурс, «расшатывает парадигму» и требует новых познавательных возможностей. Такие возможности появились в генеративной

теории Н. Хомского при рассмотрении языка как ментального, психического феномена, «языка внутри нас». Интеграция когнитивной лингвистики с другими областями знаний обусловила гетерогенность представленных в ней направлений, но объединила их признанием того, что за языковыми структурами стоят структуры знаний [Баранов, Добровольский 1997; Кубрякова и др. 1996; 1996а; Ченки 1996; Cassirer 1953; Jackendoff 1992; Lakoff, Johnson 1980; Langacker 1999]. В оформившейся когнитивной лингвистике язык привлекает исследователей как средство доступа к ментальным процессам, происходящим в сознании индивида, как средство, участвующее в познании мира. «Исследуя язык с когнитивной точки зрения (т.е. по его участию во всех типах деятельности с информацией, протекающей в мозгу человека), можно **одновременно** вынести суждения не только о рассматриваемых языковых явлениях, но и о стоящих за ними ментальных сущностях – концептах, концептуальных структурах как структурах знания и опыта, мнений и оценок, планов и целей, установок и убеждений» [Кубрякова 2004, с. 13].

Заявленная программа когнитивной лингвистики не может не привлечь внимание теоретиков перевода, особенно к той её части, где планируется через анализ языковых форм прийти к пониманию того, как работает человеческий разум. Перевод в этом плане предоставляет дополнительные возможности получить «неповторимые сведения об общей деятельности интеллекта» [Рябцева 1997, с. 47]. Это связано с тем, что хотя речемыслительные процессы и проявление языковой способности при переводе, как и в любом виде речемыслительной деятельности, поддаются лишь опосредованному наблюдению, они обладают рядом признанных особенностей:

- перевод – вторичная речевая деятельность, и формирование мысли переводчиком в этом процессе осуществляется как операция переформулирования смысла в замысел;

- в переводе речесмысловосприятие и речесмыслопорождение осуществляются дважды;
- обе фазы ориентированы преимущественно «не на себя», а «вовне», на других;
- перевод является культурно-обусловленным процессом и вовлекает в круг своих интересов весь комплекс человеческих знаний без их разделения на языковые и энциклопедические;
- в переводе происходит обязательный сдвиг, обработка и модификация содержания поступающей информации с учётом концептуальной системы реципиента;
- информация на «входе» (текст на исходном языке) и «на выходе» (текст на переводящем языке) «по необходимости» запечатлевается материально.

Перечисленные свойства перевода не могли не вызвать встречный интерес к нему со стороны тех, кто занят решением проблем языкового сознания, изучением протекания мыслительных процессов в межличностном и межъязыковом общении. Показательно, что на очередном симпозиуме по психолингвистике и теории коммуникации (Москва, 2003г.) секция «Межкультурная коммуникация и перевод: теория и практика» была самой многочисленной (см. [Языковое сознание ... 2003]).

Переводческая деятельность объективно обладает выраженным когнитивным характером. Межъязыковой перевод, являясь одной из форм межкультурного общения, может успешно осуществляться лишь при «подобии интеллектов» коммуникантов, при наличии у них общности знаний о мире. Такие знания, постоянно формирующиеся, континуальные, отражающие познавательный опыт носителей языка, встроены в концептуальную систему индивида. Этот опыт носит гетерогенный характер. Он отражает не только языковой, но и доязыковой период становления отдельной концептуальной системы, связан не только с индивидуальной, но и

социальной деятельностью человека. Следовательно, знания о реалии, приравниваемые к значениям ассоциируемой с ней языковой единицы, обусловлены не только свойствами самой реалии, но и деятельностью, в которую она вовлечена. Так как характер деятельности от культуры к культуре меняется, не совпадают значения, меняется конфигурация познавательной структуры реалии, переводчик оказывается вовлечённым в целый ряд процессов, требующих поиска способов решения различных задач, связанных с обработкой информации в процессе перевода.

В исследованиях последних лет, посвящённых проблемам перевода, большинство авторов солидарны в том, что переводческая деятельность выступает реализацией взаимодействия когнитивных и языковых структур, что переводу подлежат «нетождественные когнитивные модели», стоящие за словом в разных языках, а межкультурное общение целесообразно рассматривать как переход от одной специализированной когнитивной модели к другой [Тарасов 2000; Фесенко 2002; Хайруллин 1995; Шабес 1994]. При этом в качестве оперативных единиц мыслительной деятельности обращаются к разным «форматам знаний»: пропозициям, концептам, фреймам и т. д.

В зарубежном переводоведении начало когнитивных исследований ассоциируется с семантикой «сцен» и «фреймов» (*scenes-and-frame semantics*) Ч. Филлмора [Fillmore 1977]. Понятие «фрейм» в ней соотносится с выбором разноуровневых языковых единиц, которые ассоциируются с прототипными «сценами», а «сцена», в свою очередь, представляет собой значимую ситуацию, известную из опыта. Процесс коммуникации предполагает активизацию в сознании коммуникантов языковых фреймов и когнитивных сцен. Переводчику предстоит адекватно соотнести «фреймы», ассоциируемые в его языковом сознании со «сценами» исходного текста, и «фреймы», которые бы вызвали у реципиента адекватные «сцены» в переводящем тексте⁹.

9. Терминология, предложенная в статье Ч. Филлмора [Fillmore 1977], наглядно отражает

Немецкий переводовед П. Кусмаул развивает концепцию «сцен и фреймов» [Kussmaul 1995]. Он пытается объединить традиционный подход выделения семантических признаков в значении слова и ситуативный (событийный) подход. По мнению П. Кусмаула, определённая «сцена» может способствовать актуализации (*foregrounding*) одних признаков в значении слова и нейтрализации / погашению (*neutralizing / suppressing*) других.

«Сцена» выводит на передний план признаки слова, релевантные в данном контексте. При этом для характеристики определённой «сцены» значимым оказывается не только перечень признаков, но и их иерархия. Слово, в свою очередь, «тянет» за собой, позволяет воспроизвести «сцену» как фрагмент соответствующего опыта, как величину, обладающую прототипным эффектом в рамках определённого лингвокультурного сообщества.

Например, в пьесе О. Уайльда «Как важно быть серьёзным» леди Брэкнелл, желая получить представление о финансовом статусе потенциального жениха своей племянницы, задаёт вопрос о его загородном доме: «*How many bedrooms?*». Вопрос сформулирован подобным образом не потому, что леди Брэкнелл интересуется количеством комнат, в которых имеется кровать. В терминологии Ч. Филлмора, избранный «фрейм» соответствует прототипичной «сцене», связанной в английском сознании с возможностью узнать о размере дома. В немецком, австрийском, русском языковом сознании такая «сцена» отсутствует, размер дома обычно измеряется не количеством спален, а комнат. В описываемой ситуации ведущий признак английского существительного *bedroom* CONTAINING A BED (содержащая кровать) нейтрализуется, погашается, что даёт основание переводчикам на другие языки рассматривать в качестве адекватных следующие варианты перевода:

формирующийся, не устоявшийся характер современной когнитивной лингвистики, когда разные термины используются для обозначения сходных понятий, или один относится к разным явлениям. Такое произошло с термином «сцена», который в более поздних работах Ч. Филлмора заменяется «фреймом» и обозначает «унифицированные конструкции знания или схематизации опыта» [Филлмор 1988, с. 54], что соотносимо с «фреймом» в понимании М. Минского как «одного из способов представления стереотипной ситуации» [Минский 1988, с. 289].

«Сколько комнат?» (русск.) или «Wieviele Zimmer?» (нем.) [Kusmaul 1995, p. 94-95].

В работах Ч. Филлмора и П. Кусмаула осуществляется одна из первых попыток моделирования ментальных процессов, сопровождающих переводческую деятельность. В них создаётся основа для анализа и последующего объяснения сложных процессов речесмыслопорождения.

В отечественном переводоведении В.И. Хайруллин одним из первых экстраполировал теорию фреймов на описание культурологических особенностей перевода [Хайруллин 1995]. Автор сосредотачивает внимание на выявлении культурного своеобразия когнитивных структур в категориях, которые представляют наиболее общие элементы действительности (материальный объект, пространство, время, действие). Анализ роли переводчика, выбор стратегий, используемых им для наиболее успешного соотношения познавательных структур в двух языках, не выносятся в качестве отдельных задач исследования В.И. Хайруллина, хотя в нём упоминается ответственность, возлагаемая на переводчика как эксперта, «фильтрующего» инокультурные маркеры с целью их последующей адаптации или возможности оставить «без изменений».

Качество перевода, обусловленное социо- и этнокультурной компетенцией переводчика, является предметом исследования в работах Т.А. Фесенко [Фесенко 1999; 1999а; 2001; 2002].

Следуя за Ю.А. Сорокиным в том, что перевод предстаёт формой семиотического опыта, исследователь привносит своё видение этого процесса и определяет перевод как «вербальную проекцию этноментального опыта одной лингвокультурной общности через интеграцию ментальных пространств переводчика как представителя другой лингвокультурной общности» [Фесенко 2001, с. 25].

Нам во многом близка позиция Т.А. Фесенко. Это касается, например, утверждения, что в переводе как одном из видов речемыслительной деятельности

переводу подвергаются не вербальные формы, а стоящие за ними концепты, следовательно, определяющая роль при переводе принадлежит учёту и соотношению концептуальных систем общающихся. Мы разделяем взгляд на переводчика как на «перекодирующего интерпретатора», принадлежащего к определённому психосемиотическому типу, обладающего определёнными когнитивными ресурсами.

Вместе с тем, в некоторых моментах наши подходы, например, к эффективности деятельности переводчика, различаются. Это, в частности, относится к утверждению о том, что переводческие варианты «представляют собой не трансляцию образов сознания исходного культурного пространства, но проекцию образов сознания *культуры-реципиента*» [Фесенко 2002, с.27] (курсив мой. – Т.П.). Действительно, понимание – это всегда проекция, всегда вариант, «превращение чужого», но *не в своё*, а всё-таки в «*своё-чужое*».

Осуществляется такое превращение в сознании индивида и реконструируется с помощью единиц ментального уровня. Понятие «концепт», в том виде, как оно трактуется психолингвистами, обладает для этого наибольшим потенциалом (см. [Пищальникова 1993, 1999; Бутакова 2001; Лукашевич 2002, 2004; Рогозина 2003, Сонин 2000 и др.]). В.А. Пищальникова, основываясь на определении концепта / смысла Р.И. Павилёнисом как «информации относительно актуального или возможного положения вещей в мире (т.е. того, что индивид знает, предполагает, думает, воображает об объективном мире» [Павилёнис 1983, с. 102], представляет концепт как *сложный смысл*. Функционально концепт выступает операциональной единицей сознания, которое в описываемой концепции представлено *тремя* составляющими. К традиционным двум, *психологическому значению*, объективному, зафиксированному в языке, следовательно, устойчивому, представляющему «содержание общественного сознания» [Леонтьев А.Н. 1977, с. 297], (т.е. сопоставимому с понятием) и *личностному смыслу* - «личному отношению субъекта к миру,

фиксирующемуся в субъективных значениях» [Там же, с. 147], добавляется *смысл*, который объединяет «визуальные, тактильные, слуховые, вкусовые, вербальные и другие возможные характеристики объекта» [Пищальникова 1999, с. 11]. Исходя из такого определения, термин «смысл» оказывается более общим. Включая в себя психологическое значение и личностный смысл, он предполагает и учёт перцептивной информации, чувственных знаний, возникающих на основе этой информации, наполняя, таким образом, более глубоким содержанием овнешняющие его языковые единицы.

Е.В. Лукашевич [Лукашевич 2004, с. 126-127] вносит уточнение в понимание концепта и предлагает последовательное разграничение *концепта* как **психического явления** и *концепта* как **модели концепта** – конструкта. Концепт как динамическая когнитивная модель отображает структуру смысла – ментального содержания, соотносимого с определённой реальией. В структуре концепта выделяются предложенные В.А. Пищальниковой составляющие: тело знака, понятие, представление, предметное содержание, ассоциация, эмоция и оценка. Каждая составляющая, в свою очередь, состоит из конвенциональной и субъективно-индивидуальной части, последняя во многом формирует и направляет креативный потенциал индивида.

Концепт имеет полевую структуру, в центре которой находится стабильное, чёткое понятие или его отдельный признак. Но отношения между компонентами концепта строятся по функциональному принципу. Это означает, что слово или другой языковой знак, репрезентирующий концепт, может переместить с периферии в центр любой его компонент, оттеняя или высвечивая как определённые свойства и признаки реальности, так и разные аспекты репрезентации этой реальности в сознании человека.

Что привлекательного обнаруживает переводчик в психолингвистическом подходе к концепту? На наш взгляд, прежде всего возможность получить ориентир в континуальном и безграничном пространстве смысла. Модель концепта служит опорой для построения

переводческой программы, в которой сознательное прогнозирование и координация рефлексивных процессов будут осуществляться с учётом составляющих и внутренней организации коррелирующих концептов у представителей разных лингвокультурных сообществ.

Сделаем ещё одно уточнение. Концептуальная система, формируясь в определённом культурно-историческом, географическом и социальном пространствах человека, испытывает на себе их влияние. Отсюда следует, что эта система и конституирующие её концепты не могут не обладать культурной спецификой¹⁰. Степень представленности последней в концепте подвержена изменению, градуальна, она может быть латентной, но неизменно проявляется в межкультурном общении, при переводе, где не всегда присутствует «общность языковых сознаний» коммуникантов, принадлежащих к разным лингвокультурным сообществам. Однако, представляется, что это не является основанием для внесения в структуру концепта дополнительного самостоятельного культурологического компонента, как это предлагает сделать Н.Л. Дмитриева [Дмитриева 1996, с. 30]. Этот компонент может присутствовать практически в любой из уже выделенных составляющих концепта, причём независимо от того, определяется ли концепт как «психолингвистический», «когнитивный» или «лингвокультурологический» феномен, что только подтверждает условность подобного деления, которое, если и существует, то исключительно в исследовательских целях.

Культурная специфика концепта – величина непостоянная. В

10. Любопытный пример, дающий основания сомневаться в том, что человеческая природа одинакова и не зависит от времени и места, находим в рассказе Л. Боунен «Шекспир в джунглях» (L. Bohannan «Shakespeare in the Bush»). Американская исследовательница, попавшая в джунгли Западной Африки, вынуждена скрашивать досуг аборигенов, описывая им трагическую судьбу принца Датского. Непредсказуемая и неожиданная реакция слушателей, в корне отличная от привычных для героини воззрений на сюжет, мотивы поступков главных героев, а, в конечном итоге, на этическое и философское звучание трагедии, заставляют её изменить прежние представления и принять положения, с которыми она не могла согласиться прежде. Одно из них гласит: «Можно легко ошибиться в интерпретации универсального из-за неправильно понятого частного» (One can easily misinterpret the universal by misunderstanding the particular) [Bohannan 1966, p. 203].

повседневных исследованиях лингвист имеет дело с концептами, значение которых в разной степени универсально или культурно зависимо. Это обусловлено тем, что культурноспецифическое возникает на основе разных компонентов модели концепта, оно проявляется в разном уровне владения смыслом концептов (в терминах А. Вежбицкой, концептом-максимумом / концептом-минимумом) у разных носителей одного языка, и ещё больше различается у носителей разных языков и культур, и, наконец, степень культурной специфики концепта по-разному осознаётся в зависимости от мотивировки, обусловленной характером деятельности владеющего языком. Ещё раз отметим, что культурноспецифическое может присутствовать в любом концепте, но присутствие культурноспецифического автоматически не относит подобный концепт в разряд культурных.

Культурные концепты, являясь сопоставимыми и соизмеримыми по строению, содержанию, области бытования и способам овнешнения (объективации, репрезентации) с другими концептами, отличны от них. Согласно хорошо известному определению, они предстают «сгустками культуры в сознании человека» [Степанов 2001, с. 43]. Они могут быть выбраны в результате обращения к культуре отдельного народа и представлены в виде списка, словаря констант, отражающих непреходящие ценности, устои, верования, самобытность этого народа и его культуры. Культурные концепты, как известно, отбираются по признаку их важности для демонстрации особенностей культуры; они выступают «ключом» к её пониманию.

В данном исследовании нас в большей степени интересуют «обычные» концепты и их «необычные превращения», когда в процессе перевода открывается так часто описываемое А. Вежбицкой несходное в сходном, культурно специфическое в том, что ранее представлялось универсальным. Однако такие открытия происходят не всегда. Они могут остаться незамеченными, неверно могут быть интерпретированы соотношения

универсального и культурноспецифического. Переводческие ошибки подобного плана служат ценным материалом для изучения ментальной организации человека. В вышеупомянутых работах Т.А. Фесенко как раз и анализируются случаи *несовпадения* когнитивной модели перевода и исходного текста, в них в качестве исходного заложено *отсутствие* соотнесённости совмещённых ментальных пространств автора исходного текста и его переводчика, различие в их проекциях при восприятии текста. Основанием для такого предположения служит то, что при совпадении вербального кода автора сообщения и переводчика не совпадают их концептуальные системы [Фесенко 1999а, с. 5]. Нас же, напротив, *привлекает* возможность исследования изменений в концептуальной системе переводчика, её адаптации, функционального порождения в ней новых познавательных, интегративных структур в соответствии с мотивами, целями и экологией (реальной ситуацией), в которой происходит общение. Это предполагает обращение к проблемам языковой способности переводчика, к новым подходам в её трактовке, которые и возникли благодаря потенциалу когнитивных наук.

Выводы по главе

1. Подводя итоги анализа последовательно изменяющихся точек зрения на локализацию *культурноспецифической информации* и на *роль переводчика* в её обработке и передаче, отметим, что их эволюция протекала в полном соответствии с постановкой проблем и путями их решения в смежных науках, особенно в лингвистике.

2. На начальных этапах переводческой практики дихотомия «универсальное/культурноспецифическое» формировалась на базе антиномии переводимости/непереводимости, напрямую связывалась с существовавшими воззрениями на соотношение языка и мышления и утвердилась в качестве самостоятельной, предопределив интерес к

культурологическим изысканиям, на рубеже XVII – XVIII вв. Процесс перевода был полностью ориентирован на текст, оставляя переводчика вне сферы внимания исследователей.

3. Методология сформировавшаяся к середине XX в. Теории перевода была представлена *лингвистическими моделями*, в которых перевод рассматривался как преобразование, трансформация текста на ИЯ в текст на ПЯ. Внимание переводоведов было сосредоточено на системе языков, вовлечённых в перевод, на выделении их специфических черт, на разработке аппарата наблюдения и фиксации способов преобразования переводимых текстов. Намеренное стремление избежать любого проявления субъективности обусловило отсутствие интереса к личности переводчика.

Культурноспецифическое при этом однозначно локализовалось в языке как системно-структурном образовании, культурологические аспекты перевода оказывались подчинёнными языковым и решались в рамках языковых соответствий, реализуемых наиболее рациональными способами, выделенными на основе уже осуществлённых переводов.

Фигура переводчика стала вырисовываться на месте «прозрачного стекла» благодаря идеям представителей коммуникативных моделей перевода. В результате в переводе обозначились проблемы понимания, связи основополагающих корреляций языка и культуры, пришло осознание актуальности выводной информации, извлекаемой переводчиком из текста.

4. Идеи, только наметившиеся в рамках коммуникативных моделей, получили дальнейшее развитие и детализацию в психолингвистических (деятельностных, интерпретативных) моделях перевода. Перевод в них предстал как психолингвистический процесс, в котором посредством интерпретирующей деятельности переводчика на базе оригинала осуществлялось речесмыслопорождение текста. Сторонники психолингвистических моделей представили своё видение переводческой деятельности, заявив: а) что она осуществляется с учётом

этнопсихолингвистического типа участников перевода (*кто переводит*); б) что переводу подлежит доминантный личностный смысл переводимого, представленный генетически и формально разноплановыми средствами, гомоморфно отражающими позицию продуцента (*что переводится*); в) что переводческий процесс осуществляется посредством специфически деятельностных механизмов, например, опережающего отражения действительности в форме вероятностного прогнозирования, а также механизма опор, механизма выводных знаний, инференции и т. д. (*как переводится*).

В психолингвистических моделях проблемы культурноспецифического тесно связываются с *сознанием* участников коммуникации и обусловлены несовпадением национально-специфических «образов мира», а в качестве «инструмента регистрации» такого несовпадения избирается понятие *лакуны* – сигнала не только специфических реалий, но и специфических процессов, поведения, которые не совпадают с опытом участвующего в коммуникации индивида.

5. Не раз отмечалась способность перевода гибко реагировать на новые предметно-объектные области различных философско-гносеологических дисциплин. Методы и способы исследований, предложенные когнитивной лингвистикой, не могли не привлечь переводоведов, прежде всего постоянным соотнесением языковых данных с широким кругом проблем психологического, биологического, культурологического и социального порядка. Благодаря этому обстоятельству в переводе, который осуществляется именно на таком фоне, появились возможности не только признать, например, активную роль переводчика, описать различные стороны её проявления, но и **объяснить** исследуемый феномен.

Так, предложенный в рамках когнитивистики подход к языковой способности индивида как к совокупности операциональных ментальных механизмов, экстраполированный на перевод, может оказаться полезным при

исследовании ещё одного аспекта переводческой деятельности – *посреднического*, к которому мы обращаемся в нашей работе.

В связи с этим проследим: 1) как посредническая деятельность переводчика предопределяет *характер взаимоотношения языка и со-знания*, т. е. языковых единиц и стабильных, дискретированных языком, ставших фактом сознания структур знания; 2) каким образом посреднический аспект деятельности преломляется в мышлении, осмысленном и целенаправленном процессе переработки, изменения и дополнения знаний, т. е. обратимся к характеру взаимоотношения *речевой деятельности и мышления*.

ГЛАВА 2

ВЗАИМООБУСЛОВЛЕННОСТЬ ТИПОЛОГИИ ЯЗЫКОВЫХ ЗНАКОВ И ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ КОММУНИКАНТОВ В ВЕРБАЛЬНОЙ ПОСРЕДНИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПЕРЕВОДЧИКА

Идентичность

рождается из осознания различия.

Ц. Тодоров

Переводческий процесс осуществляется в двух разнородных, но взаимодетерминированных и взаимоадаптированных системах - человека и языка. Результаты посреднической деятельности во многом зависят от имманентных свойств каждой из них.

Первый аспект, предопределяющий перечень проблем и ракурсы их рассмотрения в данной главе, связан с признанием того, что языковые знаки, выступая средством формирования и передачи мысли, одновременно выполняют функцию *семиотических посредников*, медиаторов (В.П. Зинченко) между сознанием и культурой. В основе данного утверждения лежат положения культурно-исторической теории Л.С. Выготского, в которых раскрывается сущность взаимоотношений между знаковыми средствами (психологическими орудиями) и деятельностью сознания. Хорошо известна мысль Л.С. Выготского о том, что все высшие психические функции «появляются на сцене дважды»: прежде чем стать внутренними, собственно психологическими, они сначала складываются как внешние. Иными словами, эти функции формируются в результате процессов интериоризации внешнего поведения, обращения с предметами или знаками, замещающими их, которые сложились в определённом обществе, *в его культуре* [Выготский 1996, с. 185-295].

Применительно к языковым знакам, подобный подход позволил Л.С. Выготскому определить их значение как «единство общения и обобщения». Развивая эту мысль, А.А. Леонтьев также считает, что значение выходит за пределы общения и, формируя образ мира человека, становится основной когнитивной (познавательной) единицей [Леонтьев 1997, с. 23]. Культура входит в сознание человека постепенно, но начало этого процесса неразрывно связано с освоением языка. Специалисты в области когнитивного развития детей утверждают, что, узнавая слова, ребёнок учится мыслить в терминах культуры. При этом имеется в виду не только известная способность слов «расчленять мир в определённом направлении», но и то, что благодаря языку как средству репрезентации появляется возможность познания не только собственного мира, мира ближайшего социального окружения, но также более широкого мира культуры определённого народа. «Как только мышление (ребёнка - Т.П.) начинает осуществляться с помощью языка, культура входит в его сознание. В отличие от двухлетних детей мышление старших, как и взрослых людей, оказывается не только социально, но и культурно опосредованным» [Nelson 1998, p. 151].

Языковая картина мира, сконструированная с помощью языка, «создавая русла» для потока человеческих мыслей, не навязывает сознанию раз и навсегда закреплённых и упорядоченных схем и образов окружающей действительности, тем не менее она ориентирует человека в мире. Отсюда *ещё один аспект исследования* представленного в главе материала, тесно связанный с первым. Языковое сознание переводчика - искусственного билингва, под воздействием нового языка, привносимой им схематизации опыта, находится в состоянии постоянного реструктурирования. Профессиональная посредническая деятельность переводчика одновременно оптимизирует и гносеологически упорядочивает этот процесс, предопределяя направление переводческой рефлексии. Оно (направление) связано с поисками языковых знаков в переводящем языке, которые могли бы

наилучшим способом передать структуры знаний, объективированные языковыми знаками исходного языка в конкретном фрагменте речевой деятельности.

Прежде чем перейти к характеристике языковых знаков, передающих культурноспецифическую информацию, к моделированию связанных с ними рефлексивных процессов в сознании переводчика, обозначим ракурсы обращения к сложному и многогранному понятию «культура», которым мы будем оперировать в данной работе.

2.1. Культура как среда мышления

Признание языка неотъемлемой частью действительности предопределяет обращение к культуре как базе для осуществления плодотворной переводческой деятельности. В настоящее время утвердилось мнение о том, что переводчик должен владеть не только системами двух языков как специфических семантических кодов, но и ориентироваться в культурном пространстве их бытования. От переводчика требуется, как отмечает Х. Фермеер, «обладать бикультурными и билингвальными способностями» (be bicultural and bilingual) (Цит. по: [Snell-Hornby 1995, p. 42]). Практика перевода не раз доказывала, что часто одного лишь знания языка бывает недостаточно, чтобы перевести текст, состоящий из самых простых слов, ибо, как известно, значение формируется в контексте культуры, и чтобы постичь его, необходимо суметь расслышать тот особый «нестройный гул импликаций» («hum and buzz of implication» - L. Trilling), который неизменно сопровождает слово в культуре.

Для переводчика проще в полемике по вопросу о понятии «культура», которую, например, ведёт А. Вежбицкая с Э. Вольфом, принять точку зрения последнего. Э. Вольф подвергает сомнению необходимость понятия «культура» и, ссылаясь на Франца Боаса, возражает против того, «что каждая

культура составляет некую своего рода особую и самостоятельную монаду» (Цит. по: [Вежбицкая 2001, с. 38]). Однако практика неизменно подтверждает, что культуры неоднородны, каждая из них обладает собственным содержанием, хотя и релятивным по своему характеру. Действительно, границы культур расплывчаты, они взаимопроницаемы, но от этого уникальность каждой культуры не исчезает - она лишь очевиднее выявляется при соприкосновении с другой.

Эрик Вольф выразил крайнюю точку зрения на понятие культуры. Многовековой опыт эволюции человека, обращение к различным аспектам этого опыта с разных методологических и телеологических позиций способствовали появлению бесчисленного количества определений культуры, превратив её, по образной, хотя и преувеличенной оценке М. Агара, в «концептуального монстра» [Agar 1994, p. 109].

Многообразие и сложность современных подходов и определений этого феномена обусловлены, вероятно, в первую очередь, неоднозначностью понятий «природа» и «цивилизация», что изначально предполагает их разведение и является отправным пунктом большинства работ не только по культурологии или лингвокультурологии, но и по психолингвистике и переводу, связанных с культурологическими направлениями [Сорокин, Марковина 1988; Хайруллин 1995; Красных 1999]. Мы не преследуем цели решить проблему соотношения этих сложных явлений, но считаем необходимым представить те исследовательские позиции, которые нам наиболее близки и которыми нам предстоит оперировать в ходе исследования.

Так, представляется убедительной точка зрения Ю.С. Степанова, который, основываясь на данных словарей и специальных исследований, отмечает, что в русском языке слово «культура» (от лат. cultura, представляющее концепт, связанный с обустройством места проживания, с обработкой земли, с уходом за ней, а также с почитанием богов, с обережением ими людей, которые живут в таком месте и которые так хорошо

поступают), первоначально сохранявшее значение целенаправленного воздействия человека на природу, с течением времени освободилось от компонента «натура, природа», развиваясь в противопоставлении к ним. Ю.С. Степанов обращает внимание на то, что «Толковый словарь русского языка» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой в издании 1992 г. уже не фиксирует это противопоставление, описывая культуру как совокупность производственных, общественных и духовных достижений людей [Степанов 2001, с. 13-14].

Развивающиеся общественные институты, памятники литературы и искусства, архитектуры и строительства традиционно именуется «высокой» культурой и ассоциируются с её внутренним *духовным* устройством. Совокупность *материальных и социальных* аспектов, явившихся результатом прогресса, развития общественного производства закрепились за близким к культуре понятием «цивилизация». Однако разделение культуры на материальную и духовную и причисление «цивилизации» к первой из них весьма условно, как условно и само подобное деление: «в культуре нет ни чисто материальных, ни чисто духовных явлений, те и другие идут парами» [Там же , с. 18]. Слова и вещи сосуществуют в неразрывной связи друг с другом - на это указывали немецкие учёные ещё в начале прошлого века, изучая гомологические отношения на страницах журнала «Слова и вещи». О «человекообразности» вещей говорит В.Н. Топоров: «Когда вещь приобретает символическое значение или употребляется прежде всего как символ..., мир вещей переключается к сфере духовного и человеческого как особый язык и симболярий» (Цит. по: [Телия 1996, с. 223]). Таким образом, соотношение «культуры» и «цивилизации» намного многограннее и сложнее: от прямого противопоставления и утверждения в теоретическом плане, что каждая культура имеет свою цивилизацию, которая является, по сути, смертью культуры (О. Шпенглер), цивилизация есть завершение и исход культуры (Г. Шпет) до их переименования в концептуальном плане: «Концепт

Цивилизация включается в эту сферу (находится внутри сферы, определяемой концептом «Культура»), - пишет Ю.С. Степанов [Степанов 2001, с. 629]. Например, в практике изучения национально-специфической коммуникации культура понимается как «универсальная технология» осуществления специфического способа человеческой деятельности и трактуется как сумма *персистентной* технологии, а цивилизация - как сумма *развивающейся* технологии [Сорокин 1998, с. 34].

Интерес к культуре со стороны представителей различных наук: философов, антропологов, этнографов, социологов, культурологов, лингвистов - предопределил расширение ракурса проводимых исследований, но в то же время, как указывалось выше, лишил термин «культура» необходимого единообразия даже в рамках одной конкретной дисциплины. Так, в лингвистически и дидактически ориентированных обзорах по пониманию и определению этого явления отсутствует единство как в отношении количества, так и выбора параметров, положенных в основу описываемых классификаций [Елизарова 2000; Лейчик 2001; Маслова 2001; Smith, Paige & Steglitz 1999].

Наибольшее разнообразие позиций в определении термина «культура» представлено в работе В.А. Масловой [Маслова 2001, с. 13-16]. Каждое из одиннадцати перечисленных ею направлений выделяет отдельный аспект, существенные черты описываемого понятия. Некоторые из них оказываются трудно разделимыми, так как обращены к смежным элементам и проявлениям культуры. Так, различные грани ценностей и идеалов одновременно являются объектом изучения *описательного, духовного и ценностного* подходов, но при всей важности ценностного параметра, его присутствие не исчерпывает понятия «культура», более того, внутри подходов наблюдается дальнейшее сужение, ограничение либо только духовными ценностями, либо только «лучшими творениями», при этом остаётся без внимания всё многообразие человеческой деятельности. Достаточно условная грань разделяет

герменевтический и информационный подходы, поскольку каждый из них обращён к тексту. Основой *герменевтического* подхода является утверждение о том, что «культура» - множество, совокупность текстов, которые рассматриваются как вместилище информации, но и в рамках *информационного подхода*, на что указывает его название, культура трактуется как система создания, хранения, использования и передачи информации, как система знаков, которые используются обществом и в которых зашифрована социальная информация, и чаще всего она существует именно в текстах. Не удивительно, что оба направления связаны с именем Ю.М. Лотмана.

Не существует однозначного определения культуры и в работах по межкультурной коммуникации. Так, американские специалисты в этой области высказывают диаметрально противоположные мнения. Можно привести такой пример: в начале 90-х годов прошлого века стали раздаваться призывы к тому, чтобы расширить это понятие. Культурная принадлежность связывалась не только с принадлежностью к какой-либо нации, но и к этнической, религиозной группе и даже полу (*identity groups*). В то же время предлагалось внести некоторые ограничения на употребление понятия. Так, Д. Карбо [Carbaugh 1988] выносит на обсуждение три качественных признака, которые, по его мнению, укладываются в определение «культура»:

- а) культурные модели должны восприниматься членами сообщества как знаковые (*deeply felt*);
- б) они должны быть понятными и ясными для них (*commonly intelligible*);
- в) они должны быть широко доступны для них (*widely accessible*).

Практически те же признаки несколько позже появляются в работе В. Гудикунста и Ю. Ким. Исследователи считают, что культура может быть представлена как система знаний. Предполагается, что эти знания известны большому кругу людей и передаются от поколения к поколению [W. Gudykunst, Y. Kim 1992, p. 69]. Таким образом, проявляя сходство взглядов в плане доступности и поколенного наследования знаний, учёные

демонстрируют и некоторые отличия: Д. Карбо подчёркивает семиотический характер культуры, а В. Гудикунст и Ю. Ким являются сторонниками когнитивного направления и представляют культуру прежде всего как сумму знаний, необходимых для адекватной ориентации индивида в жизни общества.

На наш взгляд, более прагматичным, позволяющим совместить различные ракурсы такого сложного понятия как «культура», мог бы быть подход, не разделяющий, а *холистически объединяющий отдельные переменные величины вокруг определённых констант*. С целями нашего исследования в большей степени соотносимы идеи сторонников *семиотического* подхода к культуре, традиционно ассоциируемого с именами К. Гирца, К. Леви-Стросса, Ю.М. Лотмана, У. Эко, Р.Я. Якобсона, совмещённые с *деятельностным* подходом к культуре, заложенным и развиваемым в работах Л.С. Выготского, Б. Малиновского, Э. Маркаряна, а также представителей Московской психолингвистической школы.

В понимании первых, культура предстаёт как система знаков, репрезентирующих мир и способных функционировать как средство общения, при этом универсальной операцией в поисках значения выступает интерпретация. Такой подход зиждется на главной особенности человеческого бытия - способности к символизации, способности «представлять (репрезентировать) объективную действительность с помощью «знака» и понимать «знак» как представителя объективной действительности и, следовательно, способность устанавливать отношения «значения» между какой-то одной и какой-то другой вещью» [Бенвенист 1974, с. 28].

Так, в определении К. Гирца понятие «культура» приобретает вполне чёткие очертания, которыми можно оперировать в работе, она определяется как «исторически передаваемая модель значений, облачённых в символы, как система наследуемых представлений, выраженных в символической форме, посредством которых люди общаются, сохраняют и приумножают знания о

жизни, о своих установках» [Geertz 1973, p. 89]. Однако понять, интерпретировать эти символы и знаки возможно лишь в определённом контексте, в широком контексте культурной действительности (context of cultural reality), составляющими которого являются материальный инвентарь, различные виды деятельности, интересы, моральные и эстетические ценности, с которыми коррелируют знаки [Malinowski 1998/1935, p. 258]. Следовательно, в понятие культуры входят не только знаки и образованные ими модели, но и контекст, в котором они актуализируются, *культура выступает контекстом, в котором знаки приобретают значение.*

Нам представляется, что «контекст культурной действительности» Б. Малиновского соотносим с понятием «среды» (шире «мира» - человек + среда, «универсума»), распространённым в современной лингвистике в связи с расширением её пределов, с взаимодействием со смежными дисциплинами, образующими комплекс гуманитарных наук. Более того, «*среда* - это не только окружающий ландшафт и климатические условия, это множество социологических факторов, обусловленных обычаями и традициями, наследуемыми взаимоотношениями и существующими социальными институтами, начиная от семьи и заканчивая таким трудно формулируемым понятием, как общество» [Nash 1971, p. 25]. Но если культура может выступать в качестве контекста, а контекст - это среда, то, следовательно, *культура есть среда.* Именно такое определение культуры находим у Э. Бенвениста. Он определяет её как «человеческую среду», как всё то, «что помимо выполнения биологических функций придаёт человеческой жизни и деятельности форму, смысл и содержание. < ... > Культура - сложный комплекс представлений, организованных в кодекс отношений и ценностей: традиций, религии, законов, политики, этики, искусства - всего того, чем человек <...> пропитан до самых глубин своего сознания и что направляет его поведение во всех формах деятельности» [Бенвенист 1974, с. 31]. Аналогичного подхода придерживаются специалисты по когнитивному

развитию детей (см. [Nelson 1998] и ссылки в её книге на работу М. Donald 1991 г.), которые считают, что эти два понятия находятся в синонимических отношениях. Отсюда правомерно, на наш взгляд, заключить, что *культура/среда, предопределяя пути, по которым осуществляется процесс познания, обеспечивает познающего необходимыми для этого элементами опыта, приобретаемого в результате локально и темпорально востребованных видов и способов деятельности.*

Причисление «различных видов деятельности» к составляющим культурного контекста, к среде заставляет вспомнить одно из наиболее обобщённых определений культуры, в котором она предстаёт как «всё, создаваемое человеком» (А. Hershkovits), ещё более определённо на деятельный характер культуры указано в итоговом определении А.Л. Кребера: «Культура может быть определена как все виды деятельности и нефизиологические результаты (продукты) человеческих особей, не являющиеся безусловно рефлекторными или инстинктивными. Это далее означает, выражаясь языком биологии и физиологии, что культура состоит из условно-рефлекторных и приобретённых обучением видов деятельности.... В свою очередь, идея обучения снова возвращает нас к тому, что является социально передаваемым, то есть передаваемым по традиции, что приобретено человеком как членом общества. Таким образом, быть может, вопрос «Как это получается?» является более отличительным признаком культуры, чем вопрос «Чем это является?» (Цит. по: [Степанов 2001, с. 15-16]).

Казалось бы, общность биологических, нейрофизиологических, психологических начал в человеке должна обусловить универсальность деятельностных процессов. В то же время разнообразие природных, исторических условий и социальных норм не может не влиять на специфический «способ деятельности», под которым понимается «спектр объективных средств осуществления активности» [Уфимцева 2000, с. 207],

принятых в отдельной лингвокультурной общности. Эта активность во многом предопределяет неповторимость этнических культур, являясь результатом не столько уникальности элементов опыта - многие из них повторяются во множестве культур - сколько особой, свойственной лишь данной культуре системы их организации [Маркарян 1969, с. 68].

Именно в таком ракурсе - *сложного переплетения семиотического (знакового) и деятельностного, сопряжённого с опытом* - предстаёт «культура» в переводе, выступая универсальной средой, в рамках которой приходится принимать переводческие решения. Однако хорошо известно, что человеческий опыт включает в себя взаимодействие с миром и воздействие на мир, неотъемлемой частью которого является язык; поэтому, «когда мы говорим об «опыте мира», мы подразумеваем и «опыт языка», который сам по себе является средой, вне которой немислимо существование человека» [Кравченко 2001, с. 34]. Отсюда вполне понятный, хотя далеко не новый, интерес к взаимовлиянию культуры и языка в переводческих работах: ведь если культура живёт и развивается в «языковой оболочке», то её обязательная смена при переводе даёт уникальный материал, позволяющий судить о вкусах, предпочтениях, акцентах, особенностях восприятия и мышления тех, кто однажды избрал ту или иную «оболочку».

Итак, мы основываемся на принципиальном положении, связанном с пониманием культуры как среды бытования языка/человека, предопределяющей пути познания мира человеком, которые формируются в локально и темпорально востребованных видах/способах деятельности. Такое понимание культуры требует специфического подхода к изучению самой культуры и языка в культуре - холистического, утверждающего процессуальную взаимозависимость переменных и стабильных величин в изучаемом явлении.

2.2. Семиотические и когнитивные характеристики языковых знаков, маркирующих культурноспецифическую информацию

2.2.1. Различные подходы к пониманию знака

Возможность осознать, каким образом языковая форма и значение «находят» друг друга, осуществима только при обращении к процессу семиозиса, так как обращение к знаку - один из способов установить связь между человеком, языком и культурой. Языковой семиозис связывается с поиском конкретной формы как способа представления содержания, формы, которая способна заместить определённую концептуальную структуру, структуру знания. Хорошо известно, что, новый языковой знак может появиться лишь в результате некоего «смыслового задания». Он - итог сложного процесса концептуализации и категоризации окружающего мира своим создателем, воплощающий и отношение этого создателя «к содержанию (концептуальной структуре) формируемого знака, который должен отражать «субъективный образ объективного мира» [Кубрякова 2000, с. 7]. Таким образом исследователь языка получает уникальную возможность наблюдать, как отдельный народ «охватывает мыслью мир», потому что тело знака - это не просто овнешнение образа мира, а важная часть информации о том, как преломляется в сознании этноса окружающая действительность, с каким элементом (элементами) опыта она связывается.

Любой знак - сложное и многоаспектное явление. Это рельефно проявляется при сравнении двух наиболее известных современных теорий знака: семиологии Ф. де Соссюра и семиотики Ч. Пирса - Ч. Морриса. По Ф. де Соссюру, *лингвистический* знак определяется как «двусторонняя психическая сущность», обе стороны которой - означаемое (понятие) и означающее (акустический образ) - неразрывно связаны друг с другом, подобно двум сторонам листа бумаги [Соссюр 1977, с. 99]. При этом знак,

как утверждает Ф. де Соссюр, не имеет никакой естественной связи с референтом, с предметом реального мира, и, как следствие, заявляет о необходимости разграничения языка и речи, отдавая, таким образом, в своей знаковой теории предпочтение *синтактике*, оставляя без внимания семантику и прагматику.

Заслуга возвращения знаку *семантического* принадлежит Э. Бенвенисту. Развивая учение Ф. де Соссюра о знаке, Э. Бенвенист также обращал особое внимание на специфику *языковых* знаков, выделяя в качестве их важнейшего свойства ярко выраженный семиотический характер, заключённый и в их природе, и в аспектах функционирования, вследствие чего они приобретают способность к семиотическому моделированию - способность сообщать другим системам знаковые свойства, свойства передавать значения. Языковой знак характеризуется символическим способом функционирования, то есть способностью репрезентировать, замещать вещь в сознании. Вот как описывает эти два взаимосвязанных процесса Э. Бейтс: «Репрезентация создаёт ментальные целостности, символизация отбирает какие-то части, которые должны представлять это целое» [Бейтс 1984, с. 96]. Э. Бенвенист связывает символизм с основной, по его мнению, *познавательной* функцией языка, и только на её основе при актуализации в речи язык выполняет свою *коммуникативную* функцию¹.

1. Различные воззрения на иерархию функций языка прослеживаются на всем протяжении истории лингвистических учений. На заблуждения относительно того, что от слов языка «нет другой пользы, кроме того, что они служат нам средством сообщения своих мыслей», указывал, например, Э.Б. де Кондильяк (Цит. по [Зубкова 1999, с. 45]), отмечая, что не менее важной является функция языка способствовать образованию мысли.

Против представления о том, что язык создаётся только в процессе общения, предостерегал и Г. Гийом. По его мнению, хотя мысли и формируются в ходе использования языка, «самая глубинная часть языка в гораздо большей мере зависит от постоянного и глубокого раздумья человеческого мышления, чем от непосредственного упражнения в речи» [Гийом 1992, с. 68]. Г. Гийом, как и Э. Бенвенист, выводит на первый план познавательную функцию языка, считая, что в процессе мышления формируются средства, основное предназначение которых служить «перехватом» того, что рождается в мышлении.

Таким образом, он видит первичную функцию языка в том, чтобы «воспроизводить действительность» [Бенвенист 1974, с. 27]. Но она не может быть выполнена, если отсутствует референтная связь с обозначаемым. Отсюда возникает необходимость: к *семиотическому способу* означивания, выделяемому Ф. де Соссюром, свободному от всяких референций, суть которого в том, что «знак представляет чистое тождество с самим собой», «служит материалом выражения», «существует в том случае, если опознаётся как означивающее всей совокупностью членов одного языкового коллектива и вызывает в общем одинаковые ассоциации и одинаковые противопоставления» [Там же, с. 88], добавить *семантический*. При этом способе означивания принимаются во внимание все референтные связи знака. Благодаря такому «двойному означиванию», языковой знак предстаёт результатом взаимосвязи всех своих реальных зависимостей: от действительности, от ментальной деятельности пользователей знаком, от своего функционирования. «Семиотическое (знак) должно быть *узнано*, семантическое (речь) должно быть *понято*», - заключает Э. Бенвенист [Там же, с. 88].

В настоящее время двуплановый модус существования языка ни у кого не вызывает сомнения, а положение о том, что значение языкового знака должно рассматриваться с учётом двух направлений связей - с фрагментом действительности (через посредство мыслительного отображения) и с его актуальным семантическим наполнением во всех его речевых реализациях, является общеизвестным. Иными словами, содержание языкового знака конституируется не только отношениями, обусловленными его отражательной функцией, ориентированной на языковую действительность, и придающими знаку статус цельной единицы, но и воздействием речевых значений, обусловленных функционированием знаков в речи.

Практический опыт владения родным и иностранным языком, а тем более, обучение переводческой деятельности, убеждают в том, что,

действительно, недостаточно лишь *опознать* знак, и, в первую очередь, потому, что он не открывает доступ к своему значению автоматически - означаемое и означающее находятся не только в отношениях «детерминированного соответствия», эквивалентности, базирующихся на фиксированных, стабильных, неизменяемых связях, но и в отношениях инференции, отношениях, основанных на умозаклчениях, на выводных знаниях. Это в самом деле требует того, чтобы речь была понята, но не только в контексте окружающих знак языковых единиц, не только в традиционно лингвистическом, узком, широком или даже экстралингвистическом контексте, а с учётом «специфической системы координат», ориентированной на «многообразие факторов и условий, связанных с *психической жизнью* активного субъекта речемыслительной деятельности, включённой в другие виды деятельности в составе социума» [Залевская 1999, с. 37] (курсив мой. - Т.П.), с учётом непрерывно формирующегося, широкого и разнопланового опыта индивида, пользующегося знаком, связанного с отдельными сторонами его жизни, в том числе и культурой. Мы говорим о принципиально разных контекстах, в которых знак обретает значение, что обусловлено разными подходами к понятию «язык». Необходимо дифференцировать язык - конструкт (система знаков, характеризующихся стабильными отношениями означающего и означаемого) и язык - феномен (смысл, явление, данное нам в опыте, в различных формах познания, характеризующееся нестабильностью, неустойчивостью, динамикой развития) (Об этом см. [Залевская 1999, с. 29-34, 2003; Пищальникова 2001, 2002]). Соответственно языковой контекст конституируется языком - конструктом, а контекст речесмыслопорождения, в котором осуществляется перевод, предполагает обращение к языку - феномену.

Такое понимание знака отходит от традиционного сосюрковского, от установленной им «непереходимой грани» между знаком и речью, между

двумя способами означивания Э. Бенвениста, ориентирующегося на эту концепцию, и восходит к пониманию знака представителями психологического направления в языкознании. В этом вопросе многие исследователи [Алпатов 2001; Зубкова 1999; Кацнельсон 2001; Пищальникова 2001] отмечают большой вклад А.А. Потебни, который, следуя за В. фон Гумбольдтом и Х. Штейнталем, подвёл нас к осознанию того, что «языковые знаки являются по природе символами, смысл которых хотя и не дан, но всё же задан «намёком» их внутренней формой, допускающей неоднозначную интерпретацию и бесконечно порождающей всё новые и новые смыслы» [Зубкова 1999, с. 148].

Именно этот принцип знака лежит в основе современных когнитивных теорий, например, концептуальной интеграции (blending) - когнитивной операции по созданию нового значения на базе старого, - которое отнюдь не является простой суммой составляющих, а результатом креативной потенции сознания участников коммуникации. Слово, знак не обозначает - оно подсказывает, представляет возможность посредством находящихся в распоряжении человека ментальных механизмов вывести, «сконструировать» новое знание-значение. Мысль, к которой постоянно возвращаются в своих работах по концептуальной интеграции Ж. Фоконье и М. Тёрнер, по сути перекликается с идеями А.А. Потебни. «Значение выражения никогда не присутствует непосредственно в словах (is never «right there in the words»). Понимание выражения никогда не является простым пониманием того, что заключено в словах (is never «just what the words say»). Сами по себе слова не выражают ничего, что бы не было связано с глубиной наших знаний, с мощным потенциалом когнитивной обработки, свойственной человеку», - читаем в работе зарубежных лингвистов [Turner, Fauconnier 1999, p. 409]. «По отношению к значению слова знак есть только указание. Он только намекает на это значение, даёт возможность в случае надобности остановиться на нём и постепенно привести его в сознание, но позволяет и не

останавливаться», - отмечал более века назад А.А. Потебня [Потебня 1964/1888, с. 145].

Имя А.А. Потебни, к сожалению, мало известно в западном языкознании. Идея символизма знака, его способность служить репрезентантом определённого знания, вовлечение человека в интерпретативный процесс, связанный с пониманием знака, и сама возможность осуществления такого понимания только в рамках человеческого сознания в большей степени связывается там с именем его американского современника Чарльза Сандерса Пирса (1839-1914). При этом нужно отметить, что судьба семиотического проекта Ч. Пирса также не была однозначно и безоговорочно воспринята в своё время, и сегодня часто говорится о том, что нам ещё предстоит до конца осознать важность высказываемых учёным положений.

В *логико-философской* концепции Ч. Пирса «знак, или репрезентамент, есть нечто, что замещает (stands for) собой нечто для кого-то в некотором отношении или качестве. Он адресуется кому-то, то есть создаёт в уме этого человека эквивалентный знак, или, возможно, более развитый знак. Знак, который он создаёт, я называю *интерпретантом* первого знака. Знак замещает собой нечто - свой *объект*. Он замещает этот объект не во всех отношениях, но лишь отсылая к некоторой идее, которую я иногда называю *основанием* (ground) репрезентамента» [Пирс 2000б, с. 48]. Выделим два момента в приведённом определении. Во-первых, вопрос о значении знака Ч. Пирс решает семиотически, для него значение - это перевод одних знаков в другие, более развёрнутые. Позже Р. Якобсон, ссылаясь на концепцию Ч. Пирса, продолжит эту мысль, утверждая, что значение любого знака выводится только при обращении к вербальному коду: «значение может и должно определяться в терминах чисто лингвистических разграничений и отождествлений» (Цит. по: [Кубрякова 2004, с. 499]). Во-вторых, мы видим, в пирсовом определении знака подчёркивается активная роль его

пользователя. Знак, знаковый комплекс существует лишь в том случае, если он адресован кому-то, интерпретирован кем-то, то есть включён в коммуникативный акт. Присутствие человека в семиотической теории Ч. Пирса представлено и в свойственной его размышлениям крайне нетривиальной идее о параллельности мысли и знака, человека и знака (хотя он признаёт, что отличия между ними, несомненно, есть) и появлении, в конечном счёте, человека-знака. Ч. Пирс исходит из того, что в человеческом сознании нет ничего такого, что не имело бы чего-то соответствующего в слове (знаке). Он считает, что содержание сознания есть знак, разворачивающийся по законам вывода, отсюда: мысль отсылает к другой мысли, так же как знак отсылает к другому знаку. Но, как известно, мысль неопределённое знака, она неожиданно появляется и готова распасться, так и не завершившись. Понимая это, Ч. Пирс считает, что мысль, «совершаясь», не может обойтись без знака. Очень образно это положение комментирует В. Ю. Сухачев в послесловии к двухтомному изданию Ч. Пирса: «Мысли ползут без связи, связность им даёт только означивание за счёт неустанного и непрерывного процесса замещения и операций свёртывания, упаковки в знаки. Поэтому в мысли, увязанной в семиотическую структуру, тяжеловесность марша, совершаемого концептуальной машинерией, уравновешена скользящим менуэтом семиозиса» [Сухачев 2000, с. 348]. (Не менее ярко описывает Ю.Н. Караулов качественную оппозицию временно-дискретного и континуального применительно к уровням языковой личности: «Ассоциативно-семантический уровень всегда красноречив, схематично обнажённый тезаурус - всегда косноязычен» [Караулов 2002/1987, с. 178].

Связывая мысли, семиозис оказывается нерасторжимо связан с человеком: «...люди и слова взаимно обучают друг друга; каждое увеличение объёма имеющейся у человека информации подразумевает соответствующее увеличение объёма информации, имеющейся у слова, и наоборот» [Пирс с.

2000а, с 49]. Это даёт ему основание заключить, что «слово (или знак), употребляемое человеком, *есть* сам человек», и далее: «мой язык есть совокупность меня самого; ибо человек есть мысль» [Там же, с. 49, 50].

В более традиционном плане фигура пользователя знаком предстаёт в семиозисе Ч Морриса: к трём компонентам этого процесса, выделенным Ч. Пирсом, он добавляет четвертый - интерпретатора. В таком понимании семиозиса интерпретанта определяется как «реакция субъекта на знак» [Моррис 1983, с. 39].

Таким образом, наше исследование акцентирует понимание знака как стимула начала процесса порождения смысла (с позиций реципиента) и репрезентанта смысла (с позиций продуцента).

2.2.2. Локализация культурноспецифической информации как результата процесса познания и способы её объективации в языке

Мысль Ч. Пирса о значении как переводе знака в другие знаки существенным образом повлияла на судьбу перевода в последнее десятилетие. Нельзя не согласиться с И.Э. Клюкановым, считающим, что перевод начал терять свой маргинальный статус и перемещаться, приобретая подобающее место в лингвистической теории, прежде всего благодаря идеям интерпретативной семиотики, представителями которой выступают Р. Якобсон, Ю.М. Лотман, У. Эко [Клюканов 1999, с. 18]. Как форму существования семиотического опыта одной лингвокультурной общности в знаковых средствах другой лингвокультурной общности определяет перевод Ю.А. Сорокин [Сорокин 1998, с. 31]. Отсюда *взаимообусловленность, синергийность информационных потенциалов интерпретатора и знака, концептуальной системы переводчика и типа знака, включённого в межъязыковой коммуникативный процесс.*

Обладая собственной эволюцией, отдельная концептуальная система уникальна, но каждый этнос характеризуется «наличием базового стереотипного ядра знаний, повторяющегося в процессе его социализации в данном обществе, и достаточно стереотипного (на уровне этнической культуры, а не личности) выбора элементов периферии» [Прохоров 1996, с. 14]. В немалой степени это обусловлено способностью знаковых средств совмещать коммуникативные, межсубъектные и когнитивные, субъектно-объектные информационные процессы, благодаря чему они (знаковые средства) и становятся синтезом «общения и обобщения». Этот синтез обеспечивает возможность существования взаимонаправленного информационного потока, идущего как от индивида к коллективу, так и от коллектива к индивиду. В культуре это функциональное свойство знаков проявляется в том, что они служат «мостиком», по которому опыт индивида переносится в коллективную память культуры, а коллективно выработанная информация способна попасть к индивиду в виде языкового знака (см. об этом: [Чертов 1993, с. 256]). В конечном счёте, усвоение смысла слов происходит благодаря разнообразному дискурсивному опыту человека, который он приобретает в различных ситуациях.

Знаковая система национального языка, которая в потенции является «заместителем культуры» [Лихачёв 1996, с. 148], наиболее целесообразным образом призвана служить ей, и, следовательно, адекватно передавать все нюансы разноплановых связей и отношений, возникающих в ядерной или периферийной зоне. Вслед за Э. Сепиром и А. Вежбицкой, можно с уверенностью утверждать, что «язык является символическим руководством к пониманию культуры» (Цит. по: [Wierzbicka 1997, p. 1]). Он способен обеспечить означивание как существующих во всех языках универсальных элементов мыслительного содержания (отсюда феномен языковых контактов, сама возможность перевода), так и идиоэтнических,

культурноспецифических (являющихся причиной колебаний в степени адекватности переводов).

Как указывалось выше, результаты процесса познания, куда включена речевая деятельность, а, следовательно, и перевод как её вид, предопределены культурой / средой, в которой осуществляется познание. Это предполагает существование тесной взаимозависимости между свойствами предметов, между свойствами языковых знаков, способных представлять, замещать эти предметы, и характером деятельности, в которую они включены. Значение как «превращённая форма деятельности» (М. Мамардашвили, А.А. Леонтьев) хранит не простую информацию о мире, а определённым образом преобразованные знания, «настроенные» на представление тех объектов и их свойств, которые *актуальны и востребованы в определённом сообществе, являются неотъемлемой частью культурно-исторического бытия человека в определённый отрезок времени.*

Современное состояние общества, отчётливая тенденция к глобализации, изменение и совершенствование источников, путей усвоения информации, мобилизация существующих и генетически заложенных способов познания расширяет зону универсального в сознании современного человека, но при этом не делает проблему культурноспецифического менее актуальной. Например, А. Вежбицкая, несмотря на выделяемые ею семантические универсалии, не отрицает существование «всеохватывающего релятивизма», усматривая его проявление в двух моментах: 1) в уникальности и культурной специфике семантических систем различных языков; 2) в отсутствии абсолютной эквивалентности в языковом употреблении даже при наличии в языковых системах «воплощённых» (лексикализованных) универсалий [Вежбицкая 1999, с. 18]. В этом, как отмечалось выше, - познавательная установка большинства работ А. Вежбицкой, основной принцип её подхода к языковым явлениям, очень точно сформулированный в следующем выводе, сделанном по результатам

высказываемых ею суждений: «изучая семантику якобы сходного, прежде всего ищи различия» [Фрумкина 1999, с. 5].

Предложенная А. Вежбицкой идея противопоставлять владение значением слова на уровне концептуального максимума и концептуального минимума, то есть «полное» владение смыслом слова, присущее рядовому носителю языка и «неполное», которое, тем не менее, не должно быть ниже определённого предела, может реализовываться в пределах одного языка, что убедительно подтверждается данными проведённых ассоциативных экспериментов (об этом см. [Лукашевич 2002]). Тем более это верно в отношении концептов, объективированных «синонимическими» языковыми единицами и функционирующими в разных языках. Аналогичного мнения придерживается и В.Г. Гак, оперируя термином «ложные друзья» лингвострановедения. Учёный отмечает, что квазисинонимичные слова могут выражать одно и то же общее понятие, но его реализация в двух социумах «не совпадает в *подробностях*» (курсив мой. - Т.П.), и ссылается на Л.В. Щербу, который говорил, что «наш *прокурор* - не то же самое, что прокурор в буржуазных странах, но, тем не менее, мы переводим его словом *procureur* и так в бесконечном ряде случаев» [Гак 1998, с. 149].

Практика перевода предоставляет множество подобных примеров. Американское *dinner* и русское *обед* - оба обозначают главную еду в течение дня, но происходящую в разное время в каждой из культур: в середине дня в русской и вечером в американской. Переводчику необходимо об этом помнить, однако, например, в рассказе Э. Хемингуэя «Убийцы» метаязыковая информация текста самостоятельно компенсирует эту лауну в сознании реципиентов. Когда посетители небольшого кафе высказывают недовольство по поводу того, что указанное в меню блюдо ещё не готово, в ответ они получают следующее объяснение:

«That's the dinner», George explained. «You can get that at six o'clock».
George looked at the clock behind the counter. «It's five o'clock»
(Hemingway).

- Это из обеда, - пояснил Джордж. - Обеды с шести часов.

Джордж взглянул на стенные часы над стойкой.

- А сейчас пять (пер. Е. Калашниковой).

Не совпадает в образе мира русских и англичан традиционное для англичан понятие *cottage* - small house, esp. an old one in the country. These are often thought of in a very romantic way as being safe and cozy, and having a thatched roof and roses round the door [ELAC, p. 289] и русское *коттедж*, заимствованное из английского, но изменившее значение на практически противоположное. Английский небольшой, часто с камышовой крышей деревенский домик в романтическом стиле уступил место в русском социуме, по данным словаря 1986 года, «небольшому жилому дому в пригороде, обычно двухэтажному» [МАС 1986], а в «Словаре языковых изменений» 1998 года читаем: «Коттедж: Частный, двух-, трёхэтажный жилой дом повышенной комфортабельности, расположенный обычно в пригороде и предназначенный для городских жителей» [ТСРЯ 1998]. Следовательно, при переводе предложения, опубликованного в газете «Комсомольская правда»: «Для среднего горожанина строительство индивидуального *коттеджа* в пригороде нереально по причине высокой стоимости подобных проектов» [КП, 18.11.93], переводчику придётся отказаться от квазисинонима *cottage*, заменив его нейтральным *country house*.

Даже в рамках одного языка, но разных его вариантов, присутствует так называемый «барьер общего языка» (Д. Томас). Так, английское *government*, относящееся к премьер-министру и его кабинету, не соответствует структуре американского политического устройства, где этот термин используется для

обозначения всех трёх ветвей власти, а также службы по сбору налогов и охраны парковых зон.

Попытки найти объяснение того, каким образом культурная информация формируется, хранится и передаётся языковым знаком, существовали всегда. Эта проблема являлась предметом многочисленных дискуссий о лингвистической релевантности фоновых знаний, способах их хранения в индивидуальном сознании и путях «вплетения» в речевую «ткань» [Крюков 1988]. О ней рассуждали, стараясь определить соотношение между лингвистическим и экстралингвистическим, между семантикой языковой и неязыковой [Кузнецов 1992]. «Теперь уже установлено, что культурная информация может быть представлена *в номинативных единицах языка* четырьмя способами: через культурные семы, культурный фон, культурные концепты и культурные коннотации», - пишет В.А. Маслова [Маслова 2001, с. 54] (курсив мой. - Т.П.)

Отметим, однако, что опознание информации в качестве культурной предопределено не номинативными единицами языка, не языковым знаком как таковым. Хорошо известно, что тождественные языковые средства в тождественных условиях способны реализовывать разный смысл, способны проявлять черты культурной специфики, но могут оставить это свойство и нереализованным. *Всё зависит от среды бытования знака, которая определяется содержанием концептуальной системы коммуникантов* и представляет собой совокупность ментальных условий, необходимых для функционирования языка. В более широком смысле, как указывалось выше, среда отождествляется с культурой, в которой и формируется определённая концептуальная система, складываются функциональные и системные (интегральные) качества культурных предметов, к которым причисляются и языковые знаки. Указанные качества культурных предметов отличны друг от друга. Мы разделяем мнение Е.Ф. Тарасова, который считает, что если *функциональные* качества материально воплощены в культурном предмете,

то *системные* не представлены материально, не наблюдаемы, часто знаковы и символичны. Они принадлежат не самим предметам, а качествам системы. «Знаковый, символический характер системных качеств культурных предметов, не обнаруживающий себя в культурных предметах, открывается только человеку, обладающему знанием системы, в которой конкретный культурный предмет приобретает эти качества» [Тарасов 1998, с. 33].

Высказанное положение соотносимо с мнением Б.М. Величковского о том, что кардинальным в характере любого знания оказывается не вопрос «Что есть внутри вашей головы?», а вопрос «Внутри чего находится ваша голова?» (Цит. по: [Залевская 1999, с. 81]). В самом деле, культура влияет на наше поведение, мышление и сознание, но происходит это в результате *совокупного опыта*, полученного в экспериенциальном контексте и коммуникативном контексте, в котором посредством языковых знаков, с помощью взрослых в раннем возрасте, с помощью со-коммуникантов в зрелом, в течение всей жизни происходит приращение знаний, образование особых *вербально-познавательных (когнитивных) структур*. *Когнитивная структура - это структура знания, репрезентирующая различные соотношения содержания ментальных компонентов в сознании человека с помощью вербальных средств, которые являются частью когнитивной структуры и средством доступа к ней.*

Из данного определения следует, что когнитивная структура - структура ментального уровня. Однако присутствие в ней вербальной единицы, компонента языкового уровня, не нарушает логики излагаемого. Мы руководствуемся мнением Р. Джекендоффа, который считает, что отношения между двумя уровнями: *ментальным*, уровнем концептуальных структур, и *языковым*, уровнем семантических структур, могут быть представлены двумя способами. Согласно первому, концептуальные структуры образуют уровень, следующий за семантическими. Согласно второму, которого мы и придерживаемся, семантические структуры могут

образовывать отдельный подуровень в составе концептуального, куда включаются ментальные структуры, приобретшие вербальное оформление [Jackendoff 1986, p.19].

Таким образом, когнитивные структуры - эволюционно возникшие структуры сознания, «языковлѐнного познания, суть которых заключается в специфическом синтезе ментального (структуры / модели) и вещественного (вещь, звук)» [Пищальникова 2001, с. 73]. Сущность этих структур соотносится с положениями современной когнитивно-дискурсивной парадигмы, в которой язык одновременно служит и познанию, и коммуникации [Кубрякова 2001, с. 12-13; Nelson 1998, p. 12]. Именно обращение к феномену когнитивных структур позволяет с наибольшей определѐнностью реконструировать проявление культурной специфики сознания отдельных этносов, и, исходя из этого, избрать направления и сделать выбор в пользу наиболее рациональных переводческих стратегий.

Проявление культурноспецифического выходит далеко за рамки общеизвестных реалий типа: *sandwich*, *caucus*, *щи* или *сомbrero*. В [Wierzbicka 1997, p. 10-17] называются три взаимосвязанных и взаимообусловленных, но далеко не исчерпывающих принципа, позволяющих соотнести слово, языковой знак с культурноспецифическим: принцип культурной разработанности, принцип частотности и принцип «ключевых слов».

Примером культурной разработанности, (которая, на наш взгляд, соотносима с «семантической плотностью», согласно терминологии В.И Карасика [Карасик 1996]), может служить часто цитируемая детализация наименования *снега* в эскимосском языке, *риса* в китайском, *верблюда* в арабском; некоторые заповеди русской наивно-языковой этики, например, связанные с тем, что нехорошо преувеличивать свои достоинства и чужие недостатки - *хвастаться*, *хвалиться*, *рисоваться*, *кичиться*, *чернить* (см. [Апресян 1995, с. 351]). Подобные примеры нередко вызывают скепсис ряда

исследователей, считающих культурно обусловленную синонимию случаем тривиальным и мало убедительным [Pinker 1994, p. 64], но тот факт, что сам принцип культурной разработанности является основополагающим, служит «путеводителем» по пониманию культуры, образу жизни, мыслям, ценностям и чувствам народов, не становится от этого менее релевантным.

В качестве следующего признака, позволяющего считать слово маркером культурной специфики выступает частотность, которая используется не как абсолютный, но весьма важный показатель значимости концепта, номинированного языковой единицей в данной культуре.

Третьим признаком, связывающим слово и культуру, является принцип «ключевых слов», слов важных и показательных для отдельно взятой культуры, для её понимания, которые являются в этой культуре общеупотребительными, они часто используются в определённой семантической сфере (эмоций, моральных суждений), являются составной частью фразеологических единиц, изречений, прецедентных феноменов: *авось, душа, тоска, удаль, простор*, например, в русском; *Angst, Ordnung* в немецком; *gentleman, privacy, fair play* в английском и *enryo, on, omoi-yari* в японском.

Культурная специфика языка проявляется не только в значении слов, грамматических форм и конструкций (статический аспект), но и в том, как эти слова объединяются в предложении, какова «чувствительность» отдельных категорий, например, коммуникативно-грамматических, к социокультурным нормам общества (См. [Гак 2000; Козлова 1999]), какова стратегия организации языковых единиц, принятая в отдельном лингвокультурном сообществе в зависимости от типа дискурса, в котором они употребляются (динамический аспект) [Condon, Yousef 1975; Lieberman 1997].

Признавая возможность объективации культурноспецифической информации языковыми средствами любых уровней, отметим, что для нас

особый интерес представляют *фразеологическая единица* и *слово* - «наиболее чувствительный показатель культуры народа» [Wierzbicka 1997, p. 1]. Мы разделяем точку зрения А. Вежбицкой, считающей, что культурноспецифические слова «представляют собой концептуальные орудия, в которых запечатлен прошлый опыт осуществления деятельностной и мыслительной активности в отдельном сообществе» [Op. cit., p.5], но при этом подчёркиваем, что, естественно, «орудиями» являются концепты, средством доступа к которым и служат интересующие нас знаки.

Мы полагаем, что языковые знаки, связанные с передачей культурноспецифической информации, наделены особыми функционально детерминированными свойствами, изначально сопряжёнными с их семиотической и когнитивной природой. Эти свойства достаточно наглядно проявляются в процессе перевода, задавая направление переводческой рефлексии и оказывая влияние на выбор способов перевода.

2.2.3. Типология языковых знаков и её отражение в межъязыковом переводе

2.2.3.1. Иконическое в природе знака и его реализация в переводе

В широком подходе к пониманию знаков Ч. Пирса [Пирс 2000, с. 57] привлекает внимание представленная им классификация триадических отношений, в основе которой лежат составляющие семиозиса - знак (репрезентант), объект и интерпретант. В хорошо известной трихотомии, рассматривающей отношение знака к своему объекту, выделяются следующие **типы знаков: иконы, индексы и символы**. Для перевода преимущества представленной типологии обусловлены не только более глубоким проникновением в различия взаимоотношений означающего и означаемого знака, но и возможностью координации переводческой

программы в соответствии с соотношением между языковой и концептуальной структурой информационного сообщения, принимая во внимание интерпретативную силу знаков различного типа.

В классификации Пирса в дополнение к традиционным *знакам-символам*, знакам-законам, устанавливаемым человеком, которые связаны с объектом конвенционально и обладают определённым значением, добавляются *иконические знаки*, соотнесённые с денотатом отношениями подобия, и *индексальные знаки*, ситуативно-связанные с денотатом, находящиеся с ним в отношениях смежности. Пирс специально подчеркивал, что принадлежность знака к конкретному типу относительна, что в знаках могут присутствовать качества, являющиеся результатом переплетения характеристик всех трёх типов. Тем не менее некоторые языковые явления преимущественно ассоциируются со знаками определённого типа. Так, действительные местоимения являются типичными индексальными знаками, а явления звуко-символизма (рус. *тон-тон*, *вжиг*, англ. *splash*, *whack*) или количественные соотношения элементов означающего и означаемого, как это происходит при образовании множественного числа существительных в английском языке (*cat - cats*), связываются с проявлением принципа иконизма.

Как видим, репрезентация объекта через подобие может осуществляться не только благодаря представлению, чаще всего звуковому образу, как бы он ни был условен. По Пирсу, иконический тип репрезентации может складываться в схемах, в которых при отсутствии полного сходства существует некоторая аналогия в отношениях между частями знака и объекта, между структурой языка и структурами действительности.

В более поздних концепциях понимания сущности иконического знака отмечается, что гораздо важнее уяснить не то, какого рода подобие существует между знаком и объектом (объективного сходства между ними может и не быть), а то, что знак репрезентирует образ объекта в сознании

субъекта. Подобная точка зрения развивается У. Эко, который, в отличие от Ч. Пирса, считает, что иконический знак обладает сходством не столько с объектом, сколько с перцептивной моделью, вызываемой им в психике субъекта (подробнее см. [Чертов 1993, с. 153]). Высказанное наблюдение соответствует современным идеям теории иконичности, в которых семиотические теории пересекаются с когнитивными. Иконичность в данном случае определяется как «соответствие структуры языка той концептуальной структуре действительного мира, которая сформировалась в сознании человека на основе данного опыта» [Кобозева 2000, с. 40]. Иными словами, речь идёт об иконической мотивированности в её диаграмматическом варианте, заключающейся в существовании отношений соответствия между количественной представленностью, последовательностью и расположением частей языковой и концептуальной структур, отражающих действительность. Такой подход в настоящее время представлен тремя наиболее часто описываемыми принципами [Кобозева 2000; Молчанова 2001, Haiman 1983; Ungerer, Schmid 1999]:

- *принципом последовательности*, или «порядка упоминания». Он в полной мере реализуется, например, в известной формуле рекламного бизнеса: *AIDA - attention, interest, desire, action*, в которой порядок следования компонентов информационной структуры соответствует логически ожидаемой, а не импульсивной последовательности психологических реакций потенциального покупателя: *внимание, интерес, желание, действие*;
- *принцип дистанции*, согласно которому формальное расстояние между единицами соответствует концептуальному расстоянию между ними. В качестве иллюстрации можно привести данные, связанные с изучением различных способов выражения качественной характеристики действия в английском языке. Отмечается, что концептуальное расстояние между действием и его качественной характеристикой увеличивается в

зависимости от формального выражения, то есть от того, выражается ли эта характеристика адвербиальной *семой*, входящей в структуру значения «адвербиальных» глаголов (минимальное расстояние), *наречием* образа действия, *сочетаниями* с существительными адвербиальной семантики *way, manner, fashion* или многообразием *конструкций*, передающих это значение и, наконец, отдельным предложением, вводимым с помощью *this/that way* в рамках текста (максимальное расстояние) (см.: [Шляхова 2003]);

- *принцип количества*, основанный на соотношении количества информации с количеством обозначаемого (*more form - more meaning, less form - less meaning*). По нашему мнению, именно этот принцип своеобразно преломляется в знаках, маркирующих культурноспецифическое.

Наиболее эксплицитно это наблюдается в лексикографической практике. Наглядным примером здесь могут служить способы, принятые при переводе таких знаков в англо-русском лингвострановедческом словаре «Американа» [Американа 1996]. Например,

1. *billing* - биллинг // Расстановка имён актёров на всей печатной продукции, относящейся к спектаклю;
2. *redeye* - красный глаз // Ночной авиарейс, билеты на который стоят дешевле;
3. *saloon* - ист. салун. // Питейное заведение в маленьких городах на Западе в период освоения Фронттира;
4. *valet* - «*наж*» // Служащий гостиницы, в обязанности которого входит отгон автомобиля постояльца на стоянку или его подача к подъезду.

Во всех приведённых примерах семантизация осуществляется однотипным образом: сначала даётся краткий вариант перевода, появившийся

как результат транскрибирования (примеры 1, 3), калькирования (пример 2), переводческого аналога (пример 4), но он не обладает функциональной значимостью, так как у реципиента не сформированы структуры знания, с которыми коррелируют языковые единицы переводящего языка.

Перевод - слово является средством доступа к пустым или крайне расплывчатым референтам для русскоязычного пользователя словаря. Для него роль такого знака в коммуникации минимальна. Это «недопереведённые», «недотрансформированные» (А.Д. Швейцер), «недоинформативные» знаки, хотя и достаточно частотные в современном дискурсе, например, русском: *экзерцис, инкумбент, колумнист, гламурные топ-модели, франшизные магазины* или английском: *babushka, dacha, remont, pirozhki*, но не вписывающиеся в вербально-ассоциативную сеть переводящего языка и, в результате, не приобретающие свойств «живого» слова.

На семантический потенциал таких знаков можно взглянуть и с точки зрения их интерпретативной силы, т. е. способности их интерпретанта фокусироваться на объекте, репрезентируя (маркируя) его определённым способом. Интерпретативная сила знака как динамическая величина функционирует по принципу действия силового поля, в котором она находится в прямой зависимости от расстояния между знаком и объектом, который он репрезентирует [Клюканов 1998, с. 60]. В таком случае символические знаки далее всего удалены от объекта, они обладают наибольшей интерпретативной силой и представляют, высвечивают самые сущностные свойства объекта. Подобное свойство символических знаков соответствует их характеристике в типологии Пирса, где интерпретант репрезентирует их как знаки умозаключения. Индексальные знаки находятся ближе к объекту и обладают меньшей интерпретативной силой. Они позволяют воспринимать объект как обладающий определёнными свойствами, в терминологии Пирса, они - знаки факта. Иконический же знак ближе всех знаков расположен к объекту, и силовое поле, в которое включён знак,

является наименее напряжённым. Это значит, что такой знак раскрывает объект в самых общих, мало определённых чертах, он, по Пирсу, знак возможности. Элемент интерпретации присутствует в нём в самом общем виде, оставляя знак максимально широким и неопределённым по значению.

Неудивительно, что в лексикографической практике, которой придерживаются авторы вышеупомянутого словаря «Американа», для таких знаков первый этап семантизации дополняется вторым, увеличивая «количество» формы. Иконический принцип количества представляет собой соотношение между протяжённостью языкового выражения и сложностью познавательной структуры, ассоциируемой с ним, в разных культурах. С помощью описательного перевода, представленного развёрнутой синтаксической конструкцией, помещённой в словаре после двух косых черт, делается попытка соотнести, модифицировать имеющуюся в сознании читателя когнитивную структуру с новой, средством доступа к которой и может стать тело подлежащего переводу знака.

Можно предположить, что количественный принцип иконичности в его когнитивной интерпретации является механизмом реализации известного положения Ч. Хоккетта о том, что языки различаются не столько *возможностью* что-либо выразить, сколько той *относительной легкостью*, с которой это может быть сделано [Hockett 1954, p. 122]. Действительно, каждое лингвокультурное сообщество располагает достаточно целесообразным и экономным языковым инвентарём для реализации своих коммуникативных и познавательных задач. Перефразируя Джона ДюБуа («grammars code best what speakers do most» (Цит. по: [Кибрик, Плунгян 1997, с. 281]), можно утверждать, что язык лучше кодирует то, что более актуально для говорящих на нём людей.

Количественная асимметрия компонентов, вербализующих одну и ту же информацию на исходном (ИЯ) и переводящем (ПЯ) языках, проявляется и в речевых произведениях (см. [Пшёнкина 2004]). Так, Т. Сэйвори отмечает, что

различия в образе мира обусловили отсутствие в испанском языке лексемы, соответствующей английскому слову *jungle* - джунгли. Это привело к тому, что названию известного произведения Р. Киплинга «*Jungle Book*» суждено было увеличиться в три раза при переводе на испанский: «*El Libro de las Tierras Virgines*». Аналогичное явление наблюдаем и на практике перевода с русского на английский. Из-за референциальной неопределённости топонима *Дон* в сознании английского читателя, из-за желания привнести оттенок эпичности переводчику Ст. Гарри также пришлось изменить структуру заглавия романа М. Шолохова «Тихий Дон», введя в него несколько дополнительных элементов, и книга на английском языке появилась под названием «*And Quiet Flows the Don*».

Приведённые примеры создания познавательной структуры, связанные со структурной декомпрессией языкового знака, попадают под рубрику явлений, которые определяются в переводе как адаптация - приспособление текста на ИЯ к тому, чтобы он был понят читателем на ПЯ. Описанные факты относятся к так называемой *внутренней адаптации*, происходящей непосредственно в тексте и ведущей к преобразованию структуры предложения, главным образом, к её расширению за счёт введения дополнительного разъяснения, конкретизирующих слов и т.д. Отдельные случаи и типология подобных экстенсивных преобразований подробно описаны в рамках лингвистических и коммуникативных моделей перевода и связаны с переводом реалий: [Бархударов 1975; Влахов, Флорин 1980; Комиссаров 2002; Томахин 1997; Багринцева 2001; Жених 2000].

Приведём ещё несколько примеров внутренней адаптации текста, основанной на увеличении компонентного состава языковых выражений ПЯ. Это может быть сделано с помощью непосредственного толкования в тексте перевода. Вот, например, как описывается «*славная бекеша*» главного героя в английском варианте перевода известного произведения Н.В. Гоголя «Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем»:

A fine bekesha [short shooting-coat] has Ivan Ivanovich! Splendid!

(Transl. by I. Hapgood)

Обратимся к нескольким случаям перевода ономастических реалий, представляющих собой имена собственные, хорошо известные носителям английского языка, но малоизвестные или неизвестные представителям иного социума.

1. He is the hardest-working President since F.D.R.
2. Dole opposed a plan last winter to tax Florida cane growers 2c for each pound of their product to help restore the Everglades (Time, Sept. 23, 1996).
3. Between Whitehall and St. James's Park is Horse Guards, once a guard-house for royal palace of Whitehall which now practically disappeared (L at L.)

Добавление нарицательного компонента - *президент* Рузвельт (1), *Национальный парк Эверглейдз* (2), *улица Уайтхолл*, *здание Королевской конной гвардии* (3) - в контексте представленных предложений является необходимым и достаточным приёмом, устраняющим расплывчатость референтов, обеспечивающим эквивалентность смысла.

Трудно не согласиться с мнением И.Э. Клюканова, утверждающего, что перевод, являясь формой межкультурного взаимодействия, «происходит в диапазоне между (почти) стопроцентной лакунизованностью («безэквивалентные знаки») и (почти) стопроцентной делакунизованностью» [Клюканов 1999, с. 21]. Естественно предположить, что чем лакунизованнее, маркированнее знак в культурном универсуме переводящего языка, чем меньше его интерпретативная сила, тем больше поясняющей информации потребуется при его переводе, тем многокомпонентнее будет структурное оформление варианта на переводящем языке. Это в полной мере проявляется при переходе *от внутренней адаптации к внешней*, когда делакунизация предполагает введение дополнительного материала в форме примечания, комментария, так как

функциональный аналог или описательный перевод, с одной стороны, могут привести к нежелательной многословности и перегрузить текст, а с другой, всё-таки не представить достаточно информации для формирования адекватной когнитивной структуры в сознании инофона, что обусловлено отсутствием исторических, географических, этнографических фактов в его когнитивной системе или знаний, связанных с событиями, обычаями, относящимися к иной эпохе.

Так, в романе Дж. Голсуорси «В петле» старый Джеймс Форсайт, наблюдая из окна похоронное шествие в день смерти королевы Виктории, вспоминает события уходящего века. Целый ряд имён, фактов, дат, из которых для Джеймса состоит век XIX, проплывают в его голове. Можно предположить, что некоторые из них мало знакомы и современному английскому читателю, но для большинства русскоязычных примечание, комментарий оказывается тем более необходим. Если контекст, ассоциации, представления и позволяют частично заполнить отдельные пробелы при восприятии текста, то часть культурной информации остаётся лакунизированной без переводческого комментария. Например, носителю современного русского языка и культуры трудно понять, о каком балконе на Пикадилли может идти речь, когда Джеймс вспоминает:

... it didn't seem much longer ago than Jubilee Year, when he had joined with Roger in renting a balcony in Piccadilly (J. Galsworthy).

... кажется, будто это было почти так же недавно, как Юбилейный год, когда они с Роджером сняли сообща балкон на Пикадилли

(пер. М. Богословской-Бобровой).

Из примечания к роману становится известно, что «для желающих наблюдать за церемониями на соответствующих улицах Лондона за плату сдавались окна, балконы и места на специально построенных подмостках» [Матвеев 1973, с. 852]. Здесь же сообщается, что *Юбилейный год* - это 1897

год, когда праздновалось шестидесятилетие царствования королевы Виктории (1837 - 1901). Таким образом, схематично путь образования когнитивной структуры в сознании реципиента при восприятии информации приведённого отрывка может быть представлен следующим образом:

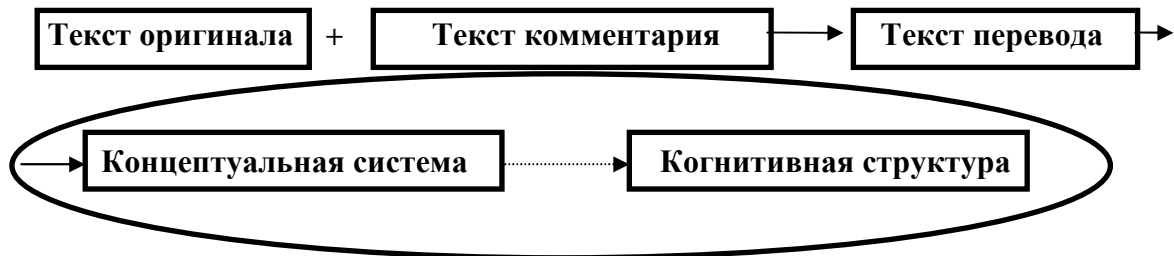


Схема 4. Схема формирования когнитивной структуры на базе культурных лакун текста оригинала

Содержание переводческого примечания и комментария отражает иконическую мотивированность языкового знака. Будучи сложными знаками, представая в форме словосочетания, предложения, сверхфразового единства, текста они являются необходимыми компонентами формирования многослойной концептуальной структуры, заполняющей лакуны при восприятии иноязычного текста.

Рассмотрим ещё один пример, более близкий по времени:

... he brushed his teeth and hair, and rode an elevator to the spacious lobby where a jazz band performed for happy hour (J. Grisham).

Почистив зубы и причесавшись, он спустился на лифте в просторное фойе, где по случаю «счастливого часа» играл джаз (пер. Бехтина).

Вынесенное в переводческий комментарий словосочетание «*счастливый час*» соотносится с определённым временем суток, когда в американских барах ресторанов и кафе снижаются цены на алкогольные напитки. Краткое примечание дорисовывает «привычные» свойства объекта, актуализирует косвенную фактологическую деталь, пробует «пересказать то, что никогда не было произнесено» (М. Фуко), уравнивая реципиентов

оригинала и транслята в возможностях выйти на аналогичные когнитивные структуры, включиться в интерпретативный процесс смысловосприятия.

В иконическом принципе количества своеобразно преломляются отношения между языком, мышлением и культурой. Перевод в силу своей специфики даёт возможность приоткрыть доступ к механизму этих отношений, представить особенности процесса когнитивной обработки информации переводчиком.

Обратимся к тематической группе слов, обозначающей фрагмент реальной действительности, связанный, например, с проведением предвыборной компании в США. Этот аспект политической жизни существенно отличается от практики, до недавнего времени существовавшей в России. Кандидат на какой-либо пост может быть представлен в самом широком смысле как *candidate*, он может быть номинирован как *incumbent*, если в период предвыборной гонки он занимает пост, за который идёт борьба; как *challenger*, если он оппонент, претендующий на этот пост, как *runner-up*, если он - лицо, занимающее второе место в предвыборном марафоне по количеству набранных голосов. В сознании переводящего - искусственного, формирующегося билингва, когнитивные структуры, вербализованные языковыми единицами с разноаспектной системой номинации участвующих в выборах кандидатов, отражающие учёт их статуса и рейтинга, находятся на разной ступени сформированности. Это достаточно наглядно выявляется при обучении переводу с родного языка на иностранный, когда появление избыточных компонентов в структуре английского предложения свидетельствует о том, что способ номинации, отвечающий максимальной целесообразности репрезентации концепта в англоязычном сознании, не совпадает со схемами мышления инофона. Например:

1. Ныне действующий президент Аскар Акаев набрал почти 85% голосов.

*The present incumbent Askar Akaev took nearly 85 per cent of the votes.

2. Его ближайший соперник отказался от дальнейшей борьбы.

*His closest runner-up quit the race.

В приведённых предложениях иконический принцип количества начинает действовать в регрессивном порядке: избыток формы ведёт к избытку информации и сигнализирует о неадекватно сформированной/несформированной когнитивной структуре, что, в свою очередь, затрудняет общение, так как нарушается коммуникативный постулат количества, сформулированный Г.П. Грайсом, - высказывание не должно содержать лишней информации. Однако и в первом, и во втором примерах в английских вариантах перевода с русского такая информация присутствует из-за избытка формы. В семантической структуре *incumbent* уже содержится сема «ныне, в настоящее время»: *incumbent* - 3. Currently holding a special office. *Current* - 1. Belonging to the present time; present-day [AHD]. Аналогичным образом, в *runner-up* присутствует сема «ближайший». *Runner-up* - one that takes second place. *Second* - next after the first. *Next* - closest in space or position [AHD].

Итак, в процессе перевода актуализируются иконические потенции знака, передающего культурную информацию. Наиболее наглядно они реализуются в принципе количества - «больше формы - больше знания/значения». Однако данный принцип может действовать и не столь прямолинейно, поскольку знак асимметричен, за ним стоит вся культура как система, обуславливающая его поведение, употребление и восприятие. Внешне количество формы ИЯ и ПЯ может остаться без изменения. Но если рассматривать форму не как материал, а как способ, «посредством которого народ выражает в языке мысли и чувства», «как совокупность чувственных впечатлений и произвольных движений духа, предшествующих образованию понятия, которое совершается с помощью

языка» [Гумбольдт 1964, сс. 91, 93], то мы неизбежно возвращаемся к хорошо осознанному факту, что «значения слов разных языков не совпадают (даже если они, за неимением лучшего, искусственно ставятся в соответствие друг другу в словарях), что они отражают и передают образ жизни и образ мышления, характерный для некоторого данного общества, и что они представляют собою бесценные ключи к пониманию культуры» [Wierzbicka 1997, р. 4]. Значит, для адекватного перевода культурноспецифического необходима не просто модификация формы за счёт расширения её компонентного состава, а экспликация её содержания, соотнесение её с культурным пространством, в котором функционирует языковой знак. Иными словами, для того, чтобы быть правильно интерпретированным, значение знака должно быть соотнесено с «кодами» культуры, известными говорящему, что предполагает присутствие индексальных характеристик, присущих описываемым знакам.

2.2.3.2. Индексальное в природе знака и его реализация в переводе

Как было отмечено выше, трихотомия, рассматривающая отношение знака к объекту, представлена знаками трёх типов. Наряду с символами и иконами, в ней присутствуют индексальные знаки. Специфический способ передачи информации индексальными знаками, их хотя и ограниченная, но более высокая по сравнению с иконами интерпретативная сила, обусловлены прежде всего своеобразием отношений между этими знаками и объектами, которые они замещают. Если икона не имеет динамической связи с объектом, который она репрезентирует, «случается так, что её качества сходны с качествами определённого объекта, благодаря которым икона вызывает ассоциации»; если символ соединён со своим объектом благодаря интерпретатору, то индекс «физически связан со своим объектом, они образуют органически согласованную пару, но интерпретирующий ум не

имеет с этим соединением ничего общего - он лишь отмечает его после того, как оно установлено» [Пирс 2000, с. 91]. *Индекс* находится под влиянием объекта, к которому он отсылает и который денотирует, так как он имеет с ним общее качество. Одновременно он выступает указательным, сигнальным знаком для субъекта, привлекая его внимание к наличным объектам путём «слепого принуждения». Это становится возможным в силу «существования динамической (включая пространственную) связи с индивидуальным объектом, с одной стороны, и с чувственностью или памятью того, кому он служит знаком, - с другой» [Там же, с. 94] (курсив мой. - Т.П.). Следовательно, можно говорить о двух функциях индексального знака: указательной - в отношениях между знаком и объектом и сигнальной - в отношениях между знаком и пользователем.

В знаке, связанном с передачей культурноспецифических знаний, где сочетаются элементы символического и иконического, элементы индексального характера (*indexical*) являются обязательными. Динамика семиозиса такого знака, вся его выводная информация приобретают актуализацию, только если внимание интерпретатора будет направлено на среду, на универсум, с которыми знак находится в отношениях смежности, иначе он (знак) останется информационно неопределённым. «Слепое принуждение» знака может быть репрезентировано для слушателя только путём отнесения его к опыту культуры, в которой он функционирует. Коммуникация, в ходе которой происходит постоянная смена культур, как это имеет место при переводе, требует средства, «которое оказывало бы динамическое воздействие на внимание слушателя (реципиента-переводчика - Т.П.) и направляло бы его на некоторый объект или событие» (в пространстве определённой культуры - Т.П.) [Пирс 2000б, с. 122]. Именно таким средством и является индекс, «всё, что фокусирует внимание на чем-либо, есть индекс» [Там же, с. 81], подобным качеством и обладают знаки,

маркирующие культурноспецифическую информацию, что обуславливает повышенное внимание к ним в процессе их функционирования.

При переводе это проявляется в явлении *напряжённости* - организующем факторе при восприятии, понимании и запоминании текста. Впервые описанное В.Г. Адмони применительно к синтаксису [Адмони 1965], оно связывается с пространственным расположением отдельных членов предложения в пределах одного предложения. Чем дальше отстоят тяготеющие друг к другу члены предложения, тем сильнее синтаксическое напряжение текста. Лексическое напряжение в тексте как психолингвистический фактор рассматривалось в [Колобаев 1994] на материале синсемантических (неполнозначных слов и слов широкой семантики *thing, material, matter, fact, etc.*) и дейктических единиц, использование которых в процессе передачи речевого сообщения, как считает автор, «создаёт и обуславливает постоянную мыслительную деятельность реципиента, позволяет отделить главное от второстепенного, способствует концентрации мысли» [Там же, с.163] (курсив мой - Т.П.).

Целесообразно говорить и о *переводческой напряжённости (энергии)*, возникающей при переводе культурноспецифического, восприятие которого нарушает равновесную среду - концептуальную систему переводчика, адаптированную к иной / родной культуре, и инициирует процесс структуризации (или переструктуризации) компонентов внутри концептов и самих концептов в концептуальной системе, способствуя порождению новых познавательных структур. Даже если языковая способность переводчика оказывается достаточно сформированной для функционирования в билингвальном режиме, *учёт того, для кого он переводит (и в этом отличие переводчика от любого другого билингва), направленность на концептуальную систему потенциального реципиента*, которая не находится в эквивалентно-репрезентативных отношениях с культурой исходного языка, *стимулирует переводческое мыслеречевосприятие и мыслеречепорождение*,

закономерно подводя его к рефлексии. В процессе рефлексии прошлый опыт связывается с настоящим, создаются условия постижения смысла, так как происходят взаимные сопоставления и противопоставления, приводящие к выражению одного содержания в другом [Богин 1982, с. 73].

Знаковость единиц с культурной спецификой по-разному представлена в сознании продуцента, языковая личность которого сформирована в рамках исходного языка, и переводчика-реципиента, наделённого качествами вторичной языковой личности (по терминологии И.И. Халеевой). Если для продуцента информация, передаваемая такими единицами, операционализирована и символична, то есть передаётся знаками-символами, (она, как правило, сигнификативна), то восприятие её переводчиком неоднозначно. Для него характер восприятия информации будет варьироваться на воображаемой шкале перехода от сигнально-индексального до символического уровня связи, и осуществление коммуникации будет происходить с помощью знаков, в разной степени совмещающих признаки индексов и символов.

Поясним сказанное на конкретном примере:

Traveling from Seattle to Philadelphia, the actor proved he can do more than play for laughs (Time, July 7, 1997).

Культурная специфика представленных в предложении топонимов не ограничивается их географическим положением на карте Соединённых Штатов. В контексте описания творческого пути американского актёра Тома Хэнкса они приобретают дополнительную информацию. Для автора журнальной статьи (продуцента) выделенные языковые единицы функционируют в качестве *знаков-символов* (по Пирсу), то есть они *репрезентируют* информацию, создавая ментальную целостность на *сигнификативном* уровне знаковости. Но, как было отмечено выше, опираясь

на существующее в данной культуре знание-соглашение, знаки замещают объект «не во всех отношениях», они «намекают», отсылают к событиям, связанным с ними, иными словами, они направляют внимание субъекта не на конкретно описываемую ситуацию, с реализацией только номинативной функции топонимов, а продвигают её дальше, апеллируют к сознанию читателя, привнося в его светлое поле ассоциации, смежные с фильмами, в которых снялся Том Хэнкс.

Для адекватного перевода первое, что требуется от переводчика, - это опознать *сигнал культурноспецифического*. Это необходимое условие для знаков любого типа: «Для того, чтобы знак смог осуществить свою репрезентативную функцию, он должен произвести сигнальное воздействие на интерпретатора, то есть вызвать у него определённую информационную реакцию» [Чертов 1993, с. 57]. Присутствие имён собственных облегчает задание: они автоматически отсылают к культурной составляющей смысла. Реализуя свои индексальные свойства, они направляют рефлексию (мыслительные операции) реципиента: сигнальная функция индекса открывает путь для указательной. Однако эти операции разворачиваются по-разному, так как по-разному преломляется «прошлый опыт», аккумулируемый в концептуальной системе переводчика и направляющий анализ языковых репрезентантов. Перевод - процесс встречного речесмыслопорождения. Он может пойти по ложному пути из-за невнимательности, небрежности, отсутствия достаточного информационного запаса в концептуальной системе начинающего переводчика, в результате возникает необоснованное приращение смысла, искажающее оригинал. Вот, например, как это представлено в одном из вариантов перевода:

В фильме «Путешествие из Сиэтла в Филадельфию» актёр доказал, что может играть не только в комедиях (Картотека).

Переход с сигнального на номинативный уровень может дать неоправданно конкретизированный буквальный вариант:

Путешествуя из Сиэтла в Филадельфию, актёр доказал, что способен на большее, чем просто играть в комедиях (Картотека).

Процесс смыслопорождения может остановиться на номинативном уровне, и конечный реципиент получит вполне нормативный, но противоречащий общему содержанию статьи, не передающий её смысл, вариант:

Актёр, путешествуя от Сиэтла до Филадельфии, доказал, что способен на большее, чем просто смешить публику (Картотека).

Рефлексия может осуществляться в несколько ином направлении, вызывая модификации в концептуальной системе переводчика, и, как результат, появляется новая когнитивная структура, актуализированная в переводческой трансформации генерализации:

Актёр, путешествуя по всей стране, доказал, что способен на большее, чем просто смешить публику.

Актёр, путешествуя через весь континент, доказал, что может больше, чем просто забавлять публику.

Путешествуя по всей Америке, ...

Проехав с гастрольями через всю страну, ... (Картотека)

Генерализация - результат обращения к визуальному представлению: города, о которых идёт речь, действительно расположены на

противоположных концах страны, в восточной и западной частях североамериканского континента.

Г.И. Богин считает, что «элементы нового опыта в акте понимания должны образовать организованность, то есть *некоторое целое, содержательно превышающее сумму своих частей*, благодаря чему акт понимания текста (и отдельного знака - Т.П.) и может приводить к новому знанию» [Богин 2002 / 1986, с. 34]. В данном примере в сознании переводчика имя собственное должно получить статус, аналогичный закреплённому за ним у представителей конкретной культуры (в нашем случае перейти в разряд событийных имён, характеризующихся кореферентным присутствием в своём составе (прецедентного) имени и события, связанного с ним, денотации и сигнификации (подробно см. [Степанова 2003]), чтобы обозначить не пространственное передвижение актёра по стране, а его творческий путь. Именно таким образом информация представлена в следующем, наиболее адекватном, на наш взгляд, варианте перевода, где даётся название фильмов, в которых снимался актёр и которые принесли ему большую известность. Речь идёт о фильмах «*Sleepless in Seattle*» и «*Philadelphia*»:

Актёр, пройдя путь от «Неспящего в Сиэтле» до «Филадельфии»,

доказал, что способен на большее, чем просто смешить публику

(Картотека).

Подведём краткий итог сказанному. Идексальность знаков, передающих культурноспецифическую информацию, обуславливает их относительный, ограниченный характер, обязательное соотношение с кодом культуры, в рамках которой они функционируют, выводной характер их содержания. Это содержание порождается энергией переводческой напряженности, формируется в процессе осознанной рефлексии, в ходе которой происходит взаимодействие генеративной силы знака, концептуальной системы

переводчика и конечного реципиента. В итоге в речевом произведении на переводящем языке воплощается результат встречного смыслопорождения.

В межкультурной коммуникации эффективность смыслопорождения во многом предопределяется позицией переводчика, его умением увидеть сходное в различном, идиоэтническое в универсальном, понять, как происходит осмысление опыта в разных культурах. Данное положение созвучно утверждению Ц. Тодорова, которое мы вынесли в эпиграф главы: «Идентичность рождается из осознания различия» (Цит. по: [Wierzbicka 1997, р. 20]). Но переводчику важно не только самому разглядеть сходство и различие двух культур. От дальнейших результатов его когнитивной и семиотической деятельности зависит успех коммуникации тех, для кого он выступает посредником. В сознании переводчика перспективно выстраиваются и сравниваются ступени семиозиса определённого коммуникативного акта: от ментальной целостности (репрезентации) до её редукции и замены частью, способной представить эту целостность (символизации), к ещё более редуцированному материальному образованию, представляющему часть (знаку). Переводческая рефлексия распространяется и на обратный процесс - на способность знака индуцировать определённый объём ментального содержания (См. [Бейтс 1984; Кубрякова 2000]). Осуществление подобных операций предполагает ориентацию переводчика в пространстве языка и культуры представителей взаимодействующих сообществ, т.е. его компетенцию в межъязыковой и межкультурной коммуникации.

2.3. Перевод и межкультурная коммуникация: аспекты взаимодействия

В современном переводоведении, независимо от избранных исследователями теоретических подходов и оснований, достаточно последовательно складывается практика обращения к переводу в аспекте

межкультурного общения и/или смежных с ним понятий «диалога культур», «трансляции культур» и т. д. [Баранов 2001; Клюканов 1999; Комиссаров 2002; Сорокин, Марковина 1988; Сорокин 1998; Фесенко 1999а; 2001; Хайруллин 1995; Халеева 1999; Хухуни 1996; Швейцер 1999; Есо 2001; Kraiser-Cooke 1994; Lambert 1994; Snell-Hornby 1995; Vermeer 1994 и др.]. Если при этом и высказываются сомнения в правомерности рассмотрения перевода, например, в рамках диалога культур [Лейчик 2001, с. 73-74], то для их обоснования достаточно сложно найти конкретные и убедительные аргументы. В первую очередь, это обусловлено широким и неопределённым характером описываемых понятий, причём не только понятия «диалог культур», которое сравнительно ново для перевода, но и более распространённого термина «межкультурная коммуникация», не уступающего по количеству определений термину «культура».

Если исходить из понимания *коммуникации* как процесса, символического по своему характеру, в котором создаются значения, совместно разделяемые коммуникантами (*shared meaning*) [Lustig, Koester 1999, p. 25], то *межкультурная коммуникация*, в определении тех же авторов, относится к случаям, когда серьёзные культурные различия препятствуют сходной интерпретации коммуникативных событий и не соответствуют ожиданиям об их успешном результате [Op. cit., p. 59]. Из такого определения следует, что успешная межкультурная коммуникация сопряжена с определёнными усилиями, требует от своих участников изменений в их эмоциональной, поведенческой, когнитивной сфере, предполагает опыт участия в межкультурном общении, последующую интерпретацию и осознание этого опыта.

Основная мысль большинства работ одного из ведущих специалистов в области межкультурной коммуникации Мильтона Беннетта как раз и заключена в указании на поступательный (*developmental*) характер межкультурного общения. Он считает, что в определённых условиях человек может пройти путь от этноцентризма (монокультурное общение) до

этнорелятивизма (межкультурное общение), но при этом отмечает, что именно монокультурная среда является тем окружением, в котором большинству людей суждено прожить всю жизнь [Bennett 1993; 1998].

Эта же идея, сформулированная в [Smith et al. 1999, p. 9], представлена следующим образом: «Межкультурализм не является естественным состоянием человека (Being intercultural is not a normal condition of human beings). Культуры обеспечивают нас инструментом для выживания в собственной среде, и им гораздо труднее сделать это, если мы осмеливаемся покинуть её пределы».

Практически в тех же терминах, но на разных основаниях, рассматривается межкультурное общение (МО) в отечественной психолингвистике, где оно отождествляется с *диалогом* культур, который происходит в «рамках несовпадающих (частично, в существенной степени, а иногда и полностью) национальных *стереотипов мышления и поведения*» [Стернин 1996, с. 97], *познавательных структур* [Пищальникова 2003]. С позиции этой науки (а хронологически точнее с позиции универсальных диалогических отношений М.М. Бахтина, в понимании которого сознание предполагает несовпадение с самим собой, диалог с собой, а, следовательно, там, где начинается сознание, там начинается диалог), межкультурное общение - это диалог сознания. Не *разных сознаний*, а образов разных культур в рамках *одного сознания*. «Первоначальный диалог культур происходит в сознании бикультурного билингва, который, владея образами сознания своей и чужой культур, рефлектирует над различием этих образов и описывает это различие в текстах, которые затем осмысляются, интерпретируются, комментируются, тиражируются и т. д.» [Тарасов 1996, с. 9].

Е.Ф. Тарасов по сути солидарен с мнением американских исследователей, приведённым выше, но высказывается более категорично, заявляя, что межкультурное общение «в известной мере патологично», оно «отклоняется от нормы», и объясняет это в первую очередь именно

отсутствием общности сознаний, приводящим к нарушению автоматизации речевого общения, «когда становятся заметны составляющие его части, которые в норме не различимы» [Там же, с. 11]. Высказанная точка зрения встречает возражения. Например, И.И. Халеева считает, что такое определение верно только при допущении, что коммуниканты не подозревают об «инаковости» друг друга и не настроены на неё. В её понимании, «речь о межкультурной коммуникации можно вести лишь тогда, когда партнёры по общению *осознают* (курсив автора) факт «чужеродности» друг друга» [Халеева 1999, с. 6].

Мы не видим *противоречий* между приведёнными воззрениями на межкультурное общение. Очевидное же *различие* между ними в том, что они выстраиваются на разных основаниях: первое - суть онтологическое, второе - представляет психолого-оценочную характеристику ожиданий профессионально ориентированной (вторичной, переводческой) личности. Представляется, что осознание инаковости само по себе не приближает межкультурную коммуникацию к нормам монокультурной. Его значимость заключается в том, что, координируемое переводческой эмпатией, осознание инаковости предопределяет *выбор целесообразных переводческих стратегий*, в первую очередь направленных на создание *интегративных когнитивных (познавательных) структур* в сознании коммуникантов.

Теоретическое обоснование данного положения связано с основными направлениями нескольких наук, с их постоянно совершенствующимися возможностями и новыми аспектами, направленными на более полную и аргументированную характеристику языковых явлений, на представление этих явлений в сознании коммуникантов, принадлежащих к разным лингвокультурным сообществам. В числе таких наук - психолингвистика, сформировавшая базу для этнопсихолингвистических исследований и выделившая в качестве её основы образ мира, существующий в сознании носителей определённой культуры, формирующий «систему координат», в

которой будут восприниматься явления действительности, поведенческие и эмоциональные процессы, осуществляться интерпретация языковых знаков (см.: [Языковое сознание... 1996; 1998; 2000; 2003]).

Широкие возможности для формирования совместных аспектов взаимодействия МО и перевода предоставляет когнитивная лингвистика. В рамках этих дисциплин в настоящее время обозначился круг проблем, которые группируются вокруг:

- 1) сопоставительных исследований образов сознания, репрезентируемых квазиэквивалентными словами различных языков, что предоставляет доступ к «неосознанным знаниям» в образах каждой из культур, которые не замечаются без их сопоставления;
- 2) производства новых знаний в процессе диалога культур.

Если первый круг проблем достаточно традиционен, то второй требует дополнительных пояснений. Действительно, стороны, вступающие в диалог, населяют пространство, виртуально изменяющее свои границы: то, сужая их до размеров «глобальной деревни», то, расширяя до пределов «глобальной семиосферы». Для осуществления общения, культурного обмена в таких пространствах необходима выработка общего (в широком, семиотическом плане) языка, «тождественного кода».

Что может выступать в качестве такого кода? Е.Ф. Тарасов, исследуя феномен культурного обмена и основываясь при этом на схеме анализа, представленной Ю.М. Лотманом [Лотман 1999, с. 193-205], считает, что в культурном диалоге крайне важно понять, что передаётся и что принимается при взаимодействии культур. По мнению учёного, объектом донорства и рецепции в диалоге культур может быть только производство *новых знаний*, ассоциированных с новым словом, предметом или деятельностью в культуре-реципиенте, основанных на информации о том, как принимаемые предметы «потребляются, или распредмечиваются, а деятельности заимствуются в виде образцов, вместе с орудием, при помощи которых можно осуществлять эту

деятельность» [Тарасов 2002, с. 116]. Иными словами, в диалоге культур на первое место выходит не презентация и употребление конкретных реалий действительности, а исследование связанных с ними структур знания, способных сформировать в концептуальной системе реципиентов на основе имеющегося у них ассоциативно-апперцепционного содержания мышления *новые познавательные структуры*, с помощью которых и может осуществиться общение представителей разных лингвокультурных сообществ.

В свою очередь, деятельность, направленная на моделирование соотношения когнитивных структур, представленных в сознании владеющих исходным языком и их партнёров с иным этническим сознанием; предполагает момент, связанный с выбором когнитивных моделей, наиболее оптимальным путём актуализирующих ментальное содержание в определённой ситуации общения. Сказанное позволяет подойти к определению «диалога культур» с несколько иных позиций, отличных от ранее представленных. Вслед за В.А. Пищальниковой, мы определяем «диалог культур» как «процесс активизации и/или создания механизмов, способов и средств порождения и репрезентации новых для лингвокультурной общности когнитивных моделей и структур» [Пищальникова 2003, с. 11].

Такой подход к данному понятию продуктивен для перевода, а среди механизмов его осуществления важное место занимает языковая способность. В многочисленных характеристиках языковой способности, где она предстаёт в разных ракурсах (более подробно см. 3.1), подчеркнём смыкание двух видов деятельности - познавательной и коммуникативной. Этот синкретизм отражён в определении, данном А.М. Шахнаровичем, где языковая способность характеризуется как «пересечение когнитивных структур, получаемых в результате отражения реальных предметных отношений, и коммуникативных правил, релевантных для данной культуры» [Шахнарович 2001, с. 317]. В исследовании переводческой деятельности как аспекте межкультурной коммуникации наиболее «притягательным моментом» как раз и оказываются

поиски оптимизирующих когнитивных стратегий, способствующих успешной корреляции ментального содержания и языковых знаков в коммуникативном пространстве двух языков.

Последовательно и целостно, в интересующей нас плоскости, взаимодействие между переводом и межкультурной коммуникацией раскрывается в работах И.Э. Клюканова [Клюканов 1998; 1999; 2003], в которых представлена интегративная теория динамики межкультурного общения, где перевод, трактуемый максимально широко как семиоперевод - динамическое единство объекта, знака и интерпретанты (согласно концепции Ч. Пирса), выступает *механизмом* межкультурного общения.

И.Э. Клюканов обращается к базовым для данной области операциональным параметрам взаимодействия культуры, индивидуума и общества, сформулированным в антропологических, социологических, лингвистических концепциях Э. Холла, Г. Хофстеда, Э. Сепира, Б. Уорфа: к категории культурного контекста (High- and Low- Context Cultural Patterns), к таксономиям культурных моделей Г. Хофстеда, включающих следующие противопоставления: дистанция власти (Power Distance), стремление к определённости (Uncertainty Avoidance), индивидуализм / коллективизм (Individualism - Collectivism) и др. Однако суть описываемой концепции как раз и состоит в том, что отдельные и разрозненные проблемы с помощью разработанного автором концептуального аппарата дают возможность комплексного анализа основного принципа построения коммуникативного универсума межкультурного общения - кон/текстности и его параметризации с точки зрения отношения культуры к знанию в целом - эпистемности. Движение культур в коммуникативном универсуме (континууме знаков) осуществляется в трёх направлениях: акториальности (социологический аспект), пространственности (пространственно-социальные отношения) и темпоральности (отношение культур к временному континууму).

Мы, разделяя точку зрения исследователя по ряду вопросов, например, в отношении маркированности, которая лежит в основе МО, интерпретативной силы знаков, влияющей на характер их значения, трактовки перевода (всех трёх его видов) как основополагающего фактора для выявления реальности знаков. Тем не менее, нам трудно согласиться с самостоятельным, независимым статусом знаков и связанных с ними объектов (ср. «знаки не столько переводятся переводчиком, сколько переводят сами себя» [Клюканов 1998, с. 78]), с их большей значимостью по сравнению с переводчиком, сутью профессии которого провозглашается «беспристрастность и безличность». Представляется, что, выступая посредником в речемыслительном процессе межкультурной коммуникации, переводчик отнюдь не ассоциируется с «пассивным инструментом» или «личностью, умирающей в переводе». Напротив, нас как раз и привлекают особенности языкового сознания индивида, который осуществляет интерпретацию знаков в синергетическом пространстве двух языковых систем и двух культур. Обязательное присутствие в таком пространстве элементов становления оказывает влияние на то, что смыслы «ускользают» от чётко артикулированных форм, а формы, в свою очередь, от сконструированного смысла. Но для того чтобы форма и содержание в конечном итоге встретились, переводчик, в силу своей профессии, действительно обречён, по образному выражению австралийского теоретика перевода Э. Пима, «странствовать по межкультурному пространству» (см. об этом [Перевод как испытание...2000, с. 115-116, 127]). Однако, представляется, что этот «счастливый путешественник», отнюдь не превращается, как полагает Э. Пим, а за ним и И.Э. Клюканов, в фигуру бездомную и никому не принадлежащую, стремящуюся в качестве идеала обрести полную беспристрастность и безличность. Попытаемся аргументировать сказанное в следующем параграфе.

2.4. Ориентация переводчика в межкультурном пространстве

Объединяющим моментом большинства современных переводческих моделей, несмотря на разноплановость стоящих перед ними задач, является их обращённость к центральной фигуре переводческого процесса - переводчику. Переводческая деятельность совершенно правомерно сопоставляется с опытом, который имеет гетерогенный характер: этноментальный - в таком случае перевод предстаёт вербальной проекцией этноментального опыта одной лингвокультурной общности через интеграцию ментальных пространств переводчика как представителя другой лингвокультурной общности [Фесенко 2001, стр. 25], или семиотический - когда разные лингвокультурные общности существуют в знаковых средствах друг друга [Сорокин 1998].

Известно, что переводческая деятельность осуществляется с учётом четырёх факторов: 1) соотношения сознаний коммуникантов (их перцептивных, концептуальных и процедурных знаний); 2) особенностей задействованных кодов, представленных языковыми знаками, в значениях которых тесно переплетаются коммуникативные и гносеологические функции; 3) типа текста и его функций, выделение которых, хотя и варьируется в зависимости от исходных оснований, тем не менее представляет текст как «дискретный знак недискретной сущности» [Лотман 1999, с. 21], за которым признаётся способность провоцировать смыслопорождающую деятельность; 4) позиций, которые занимают описываемые явления на соответствующих осях координат в межкультурной коммуникации.

В сложном процессе межкультурной коммуникации переводчик занимает центральную позицию. Он организует и выстраивает циклическую двуаспектную деятельность - понимания / извлечения смысла и смыслоречепорождения, - руководствуясь соотношением концептуальных систем коммуникантов, а также результатами рефлексии над сопоставлением

интериоризованных им когнитивных структур разных языков, преломляя их в конкретном акте коммуникации. Осуществление подобных операций требует формирования и совершенствования у переводчика совокупности механизмов и стратегий, с помощью которых могут корректироваться существующие и создаваться новые познавательные структуры, операционально связывающие концептуальные системы участников коммуникации на исходном и переводящем языках. Большинство из этих стратегий формируются вокруг ориентации переводчика в пространстве смысла.

В современных работах, посвящённых восприятию и концептуализации действительности, формированию этнической картины мира, а priori подразумевается, что центром процесса познания окружающего мира является человек. Человек активный и пристрастный. Он «никогда не может «отвлечься» от самого себя: он всегда ставит себя в центр этого процесса, непроизвольно, делая себя «мерой всех вещей», им познаваемых, и неустанно «напоминает» об этом самым содержанием создаваемых им понятий» [Гуревич 1998, с. 33]. Такой взгляд лежит в одном русле с основной концепцией философской антропологии, считающей человека своим исходным началом и утверждающей, что онтологический статус мира определяется познавательной деятельностью человека, что мир таков, каким он предстаёт в человеческом мышлении. Но и сам человек непосредственно погружён в бытие. Указывая на единство мышления и бытия, испанский философ Ортега-и-Гассет предлагает «представить нашу жизнь как дугу, соединяющую мир и Я, но не сначала Я, потом мир, а одновременно оба» (цит. по [Петров 1997, с. 19]). Как видим, философская антропология трактует познание не в традиционных теориях Декарта и Канта как взаимодействие внешних по отношению друг к другу субъекта и объекта, а полагает, что «процесс познания следует представить как *познание бытия бытием* (курсив мой. - Т.П.) - не кто-то внешний противостоит бытию, но само бытие из себя, т. е. из человека, открывает в себе смыслы» [Петров 1997, с. 19].

Признание в качестве центральной в познавательной деятельности человека, субъекта, кроме того, отказ от его *обязательного* отождествления с *говорящим* для нас представляется принципиальным. Несмотря на всю значительность фактора говорящего, его потенциальную возможность расслоения на: 1) я - говорящий, 2) я - подлежащее, 3) я - субъект речи, 4) я - внутреннее Эго (В.З.Демьянков), его абсолютизация в языке вряд ли правомерна (ср. с четырьмя ролями, различаемыми у говорящего Е.В. Падучевой: 1) говорящий как субъект речи, 2) говорящий как субъект дейксиса, 3) говорящий как субъект сознания, 4) говорящий как наблюдатель). Присутствие «субъективного», связанного с местоположением в пространстве, с которого видится объект, появляется в значении многих лексических и грамматических единиц, причём не обязательно имеющих статус пространственных выражений, и связывается не только с фигурой говорящего, но и *наблюдателя*, который «как элемент интерпретативной модели языкового значения в последние годы прочно вошёл в систему языкового анализа» [Кравченко 1996, с. 19].

Мы считаем возможным *расширить границы присутствия наблюдателя*, выведя его из семантического пространства одного языка в многомерный и разнонаправленный коммуникативный универсум и *наделив этой функцией переводчика*, полагая, что именно такая позиция может способствовать успешной реализации представленных выше механизмов переводческого процесса. Понятие коммуникативного универсума предложено И.Э. Клюкановым и трактуется им как силовое поле, созданное разницей потенциалов в пространстве отношений между взаимодействующими субъектами и коммуникативной дистрибуцией задействованных знаков [Клюканов 1998, 1999]. Разница потенциалов, в свою очередь, зависит от степени маркированности знака в различных культурах.

Степень маркированности знаков, а также равновесие в коммуникативном универсуме, смещение этого равновесия, его степень и

последующее возвращение в равновесное состояние могут быть выявлены и скорректированы именно с позиции наблюдателя. Подобно исследователю семиотики культуры, которому удаётся обнаружить культурное значение поз одного народа только переместившись в среду другого народа и взглянув на них «извне» [Степанов 1998, с. 42], переводчик способен определить вектор направления и степень смещения в значении знаков, увидеть культурноспецифическое - немаркированное в одной концептуальной системе и маркированное в другой - в том, что ранее воспринималось универсальным, только при «пересечении» языковой и культурной границы - *снаружи, извне*.

Однако это лишь один из возможных ракурсов восприятия ситуации переводчиком - наблюдателем. В антропологических исследованиях Ф. Боас выдвинул противоположный тезис, смысл которого заключался в том, что каждая изучаемая культура должна быть понята в *её собственных терминах*, а не в системе координат исследователя, являющегося носителем другой культуры, т. е. должна быть понята - *изнутри*.

Сходную точку зрения по отношению к «постижению» национальной языковой картины мира находим у О.А. Корнилова: «Нюансы чужого мировосприятия могут быть восприняты только через этап сознательного остранения, путём реализации принципа «презумпции незнания», превращения собственного языкового сознания в *tabula rasa*» [Корнилов 2000, с. 30].

Такой подход к исследуемому явлению культуры, взгляд на неё изнутри и снаружи основан на старой философской оппозиции понимания и объяснения. Он реализуется в терминах *emic* и *etic*, предложенных американским учёным К. Пайком [Pike 1966], заимствованных им из лингвистики, где инвариантно-вариантное устройство материальных языковых единиц представлено в двух рядах терминов: «эмических» (*emic*), используемых для обозначения единиц как инвариантов - *фонема, морфема,*

лексема и т.д., и «этических» (*etic*), обозначающих варианты единиц - фон, аллофон, морф, алломорф и т.д. (ср., например, эмо-терминологию, используемую М.Я. Блохом). В современных культурологических и этнопсихологических работах термин *etic* ассоциируется с культурно-специфическим подходом, направленным на понимание изучаемых явлений. Термин *etic* означает универалистский подход и направлен на объяснение изучаемого.

Применительно к переводческой практике основные особенности обоих подходов можно суммировать определённым образом.

При *emic* подходе:

- объектом наблюдения и рефлексии одновременно являются культурноспецифические элементы, образы сознания, овнешняемые текстами или текстовыми фрагментами на одном языке, в образах одной культуры, средствами одной языковой системы, изучающиеся с точки зрения носителя языка, изнутри;

- имеющийся в распоряжении языковой материал анализируется с точки зрения языковой способности носителя языка;

- явления, требующие дополнительного анализа и рефлексии, раскрываются исследователю постепенно.

При *etic* подходе:

- объектом наблюдения и анализа являются образы сознания, овнешняемые текстами и текстовыми фрагментами на двух языках. Анализируются образы двух культур, средства двух языковых систем с целью изучения их сходства и различия, причём переводчик занимает позицию внешнего наблюдателя;

- явления квазисоотносимости могут быть сконструированы переводчиком заранее.

Однако практика межкультурного общения, перевода наглядно демонстрируют, что реальный процесс смыслопорождения, путь от значения к

смыслу и от смысла к значению гораздо сложнее. Он не ограничивается раз и навсегда определённым положением переводчика, потому что в переводе, как и в межкультурной коммуникации в целом, наиболее уязвимым может оказаться определение даже не отдельных составляющих признаков реалии, а их соотношение в сознаниях представителей разных культур, функциональное совпадение главных и второстепенных характеристик, фигуры и фона.

При попытке найти объяснение явлениям чужой культуры исследователи часто не могут избавиться от присущих им собственных стереотипов мышления, которые, накладываясь на иные культурные феномены, затемняют и/или искажают их. Наглядный пример псевдо-*etic* сравнения приводится в культурологической работе Г. Триандиса. Триандис отмечает, что ассоциация, возникающая у большинства европейцев на японское слово *гейша*, - «женщина лёгкого поведения». Однако такое сравнение неправомерно, а найти подлинное *etic* значение данного понятия, можно лишь, по мнению Триандиса, проанализировав культурно-специфическую (*emic*) роль гейши в японской культуре. Выясняется, что гейша - это человек искусства, искусница развлекать мужчин не только пением, танцами, застольными играми, но и своей образованностью, шутками, умением оценить мужское остроумие. Лучшими считаются не самые молодые и красивые, а более опытные и талантливые гейши. Всё это позволяет отыскать более точную аналогию в европейской культуре японскому понятию *гейша*. При дворах европейских феодалов в средние века аналогичную функцию - развлекать гостей и хозяев - выполняли шуты. Следовательно, заключает Триандис, подлинно *etic* будет сравнение гейши не с женщиной лёгкого поведения, а с шутком (Цит. по [Стефаненко 1999, с. 41]).

Оставим культурологам право судить об адекватности избранных культурных параллелей. Для посреднического процесса целесообразность «челночного» перемещения *emic* - *etic* - *emic* в качестве стратегического компонента деятельности переводчика представляется вполне убедительной.

Обратимся к конкретному примеру. В *resume* сотрудника российского государственного учреждения, которое требовалось перевести на английский язык для оформления гранта Информационного агентства США, в качестве особого признания его профессионального мастерства и высокого служебного положения приводился аргумент, связанный с тем, что за ним была закреплена персональная служебная машина. Действительно, ценностные ориентиры, к которым апеллирует работодатель для характеристики соискателя гранта, на определённом отрезке времени общепризнаны и значимы в российском обществе - взгляд изнутри (*emic*). Однако для большинства американских фирм (а в настоящее время и многих российских) предоставление своим работникам автомобиля для служебного пользования - широко распространённая практика, которая не расценивается как знак их особого социального и / или профессионального отличия. Следовательно, при *etic* сравнении сходные факты занимают разное место на шкале ценностей двух культур. Принимая это во внимание, в качестве одной из стратегий при переводе резюме, о котором идёт речь, может быть выбрано изменение акцентного статуса исходного фрейма, его уточнение, метонимизация, перенос коммуникативного фокуса с информации о персональной машине на более адекватную для американца в соответствующей ситуации (*emic*) информацию о персональном шофёре, предоставляемом фирмой.

При этом важно удачно выбрать подходящую познавательную модель, в которой бы оптимальным образом фиксировалась корреляция ментального содержания и вербальной формы. Иными словами, из нескольких альтернативных средств номинации переводчику предстоит выбрать то, значение которого в определённом лингвокультурном сообществе операционально профилировало бы, «возбуждало представление» о содержании, подлежащем передаче. В ситуации, о которой идёт речь, отдельного решения требует перевод русского *шофёр*. Анализ его английских коррелятов, синонимов *driver* и *chauffeur*, приводит к выводу, что выбор должен

быть сделан в пользу последнего. При этом мы руководствовались следующим. *Driver* означает: *a person who drives* [ELAC], т. е. акцентирует активную позицию деятеля - шофёра, продвигая его в центр описываемого процесса. В номинации *chauffeur* - *a person employed to drive a car for smb. else* [ELAC] присутствует смысл, характерный для грамматического пассива (см. [Мощенникова 2004]). Смысл активирует в сознании читателя сцену, в которой кроме шофёра незримо присутствует ещё один, доминирующий участник ситуации. В когнитивной ситуации он выполняет прототипическую роль агенса, одновременно акцентирующую его высокий социальный статус. Таким образом, существительное *chauffeur* обладает дискурсивно-прагматическим потенциалом, наиболее адекватно отвечающим целям конкретной коммуникативной ситуации.

Таким образом, эффективное осуществление посреднической роли переводчика может происходить только в результате его последовательного обращения к культурноспецифическим и универсалистским аспектам изучаемых явлений, что достигается последовательным перемещением в пространстве сравниваемых культур в направлении *emic* - *etic* - *emic*. Сформированные в ходе такого рефлексивного перемещения познавательные структуры должны соединиться в когнитивных моделях с языковыми знаками, наиболее целесообразным путём выводящими на образ мира, схемы мышления представителей определённого лингвокультурного сообщества. Это предполагает рассмотрение «главных составляющих» речевой деятельности: психологического и лингвистического элементов, сознания и вербальных способов его овнешнения.

2.5. Языковое сознание переводчика и вербализация культурноспецифической информации

В данном параграфе, кратко суммировав важные для нас аспекты феномена «языковое сознание», мы делаем акцент на его этноментальном характере и останавливаемся на особенностях овнешнения сознания в процессе перевода, выдвинув предположение, что в этом случае объективируется сознание, обусловленное специфической посреднической деятельностью индивида.

2.5.1. Языковое сознание: подходы, содержание, определение

На протяжении нескольких лет в отечественной психолингвистике проводится мысль о том, что в теории межкультурного общения, которая является частным случаем теории речевого общения, главная причина непонимания лежит не в различии языков, а в различиях, присутствующих в ментальной информационной базе индивидов, принадлежащих к разным этносам [Залевская 1999], в несовпадениях концептуальных систем коммуникантов и в нетождественности используемых ими познавательных структур [Пищальникова 1999, 2002], в отличиях их национального языкового сознания [Сорокин 1994, 1998; Стернин 1996, 2004; Тарасов 1996, 1998, 2000, 2003; Уфимцева 1996, 1998, 2000, 2003].

Привлечение понятия «*сознание*» - традиционного объекта философии и психологии, обращение к термину «*языковое сознание*» и к соотносимым с ним понятиям открывают новые познавательные возможности для перевода, но не устраняет всех вопросов, связанных с их сложностью и неоднозначностью. Это особенно касается спорного, «вводящего в заблуждение» термина «*языковое сознание*», дискуссии вокруг которого не прекращаются в течение ряда лет

среди специалистов разных направлений (см., например, [Денисова 2003; Залевская 2003; Крюков 1988; Леонтьев 1993; Никитин 2003; Портнов 2004; Стернин 2004; Тарасов 1996, 2000; 2003; Ушакова 2000, 2004 и др.]).

Понятием «сознание» оперирует несколько гуманитарных наук, каждая из которых вкладывает в него собственный смысл. Основопологающим является *философское* определение, в котором сознание предстаёт как форма отражения бытия, то есть отражения объективного, действительного мира, и в этом плане оно может быть соотнесено с картиной мира субъекта. Содержанием гносеологического отражения является информация, предстающая как образ, копия в закодированном, преобразованном виде отражаемого объекта.

В *психологии* сознание понимается как «открывающаяся субъекту картина мира, в которую включён и он сам, его действия и состояния» [А.Н. Леонтьев 1977, с. 125]. Из определения следует, что субъекту при подобном подходе отведена активная роль в построении образа отражаемой действительности. Следовательно, и картина мира должна трактоваться не как зеркальное отражение действительности, а как одна из возможных «пристрастных» культурно-исторических моделей мира, которые создаёт единичный или коллективный субъект.

В такой трактовке идеи сложного взаимоотношения человека и бытия оказываются близки положениям *антропологически ориентированного направления философии*, вводящего представление о человеке, существующем в единстве с окружающим миром. Согласно обобщающей мысли Г.Г. Шпета, «сознание субъекта, как и он сам, есть часть действительного бытия» (Цит. по: [Зинченко 2001, с. 68]). Эту мысль развивает испанский философ Ортега-и-Гассет в своём известном тезисе: «Я есть Я и мои обстоятельства». Подобное заявление созвучно идеям культурно-исторической теории Л.С. Выготского, о которой шла речь в начале данной главы.

Содержание сознания - знание, уникальный человеческий опыт, полученный как результат познавательной деятельности в определённой среде / культуре, требует передачи, присвоения, а следовательно, материализации. Внешней формой существования сознания могут быть действия и (культурные) предметы: «...фигуры сознания как идеальные конструкции выступают схемой, планом будущих уже материальных творений. <...> В ритмике геометрического узора, в выборе красок, в пластике линий на языке образных метафор выражены миропонимание и мировоззрение различных национальных культур» [Петренко 1997, с. 28].

Но наиболее приспособленным выразителем психического состояния индивида остаётся язык. Хорошо известное высказывание А.Н. Леонтьева: «То, в чём и при помощи чего существует сознание общества, есть язык» (Цит. по: [А.А. Леонтьев 1993, с. 16]). С этих позиций, казалось бы, термин «языковое сознание» достаточно удачно подходит для обозначения внешнего сознания языковыми средствами. Однако сам учёный не раз подчёркивал, что при всей важности и огромной роли языка, он не является «демиургом человеческого в человеке». Во-первых, содержание сознания не исчерпывается языковыми единицами, а, во-вторых, что более существенно, его формирование может происходить без участия языка с привлечением универсального предметного кода, описанного Н.И. Жинкиным. В связи с этим считается логичным различать, вслед за П.Я. Гальпериным, *когнитивное (смысловое) и языковое сознание*.

Когнитивное сознание, приравниваемое к сознанию «вообще», «формируется в результате познания (отражения) субъектом окружающей действительности, а содержание сознания представляет собой знания о мире, полученные в результате познавательной деятельности (когниции) субъекта» [Стернин 2004, с. 142]. В таком случае *языковое сознание* - одна из форм когнитивного сознания, сознание «человека разумного, человека говорящего, человека общающегося, человека как социального существа, как личности»

[Зимняя 1993, с. 51]. Именно с таких позиций, как отмечалось в предыдущей главе, акцентируя существование двух уровней/форм сознания, объясняет различие между языковыми и фоновыми знаниями, между способами их хранения в индивидуальном сознании А.Н. Крюков. Однако в рассуждениях учёного присутствует упоминание некоего «диффузированного слоя сознания», формирующегося на границе фоновых и собственно языковых знаний, высказывается предположение о существовании явлений, характеризующих одновременно когнитивное и языковое сознание, которые «в значительной степени объясняют специфику речевого общения и закономерности перевода» [Крюков 1988, с. 34]. Подобные наблюдения вполне предсказуемы, а привносимые с ними трудности и непоследовательность в их разрешении (во всяком случае, в конце 80-х) лежат, на наш взгляд, в той же плоскости, что и у авторов континентальной теории языка, противоречия которой как раз и вскрываются в статье А.Н. Крюкова.

Пытаясь разрешить актуальную проблему соотношения лингвистического и экстралингвистического, Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров правомерно заявляют о том, что фоновые знания/лексический фон существуют в неязыковой форме. Тем не менее, учёные объявляют их элементами значения слова, придают им статус лингвистичности и локализуют в языковом сознании индивида, полагая, что именно там знания преобразуются, свёртываются и соотносятся с ключевыми языковыми единицами, приобретая возможность, выполнять кумулятивную (накопительную) функцию [Верещагин, Костомаров 1990, с.43, с.60]. Таким образом, в сочетании «языковое сознание» получает акцентуацию компонент «языковой». В свою очередь, А.Н. Крюков справедливо утверждает, что знания формируются не только значением слов национального языка, но и всем ходом участия индивида в разноструктурной деятельности. Знания, например, появляются благодаря многочисленным импликациям и пресуппозициям. Следовательно, неправомерно сводить реалии и фоновые

знания к номинативным единицам, так как они могут вообще не быть представлены в виде готовых языковых знаков. Их место, заключает учёный, в когнитивном сознании индивида. Но присутствие когнитивного слоя в сознании закономерно влечёт за собой вопрос о его соотношении с языковым. Отсюда, в заключении статьи А.Н. Крюкова и возникает упоминание некоего неупорядоченного элемента, некоего «диффузированного слоя» сознания.

В современных когнитивных исследованиях значение, вслед за М.В. Никитиным, определяется как концепт, связанный знаком. Согласно такому подходу, языковые значения и концепты имеют местонахождение в голове человека и не отличаются друг от друга как мыслительные формы разного рода и разного уровня. Мы разделяем мнение М.В. Никитина, настаивающего на том, что нет разумных оснований, которые бы оправдывали существование собственно языкового концептуального уровня сознания. «Сознание структурируется в конечном счёте вещественной и духовной деятельностью общественного человека в действительном мире и отражает структуру того мира, в котором эта деятельность развёртывается» [Никитин 2003, с. 277].

Сходные позиции по отношению к содержанию сознания представлены в психолингвистике последних лет. Опираясь не очень удачным и неоднократно критикуемым термином «языковое сознание», психолингвисты вкладывают в него собственное содержание. Данный термин не противопоставляется «сознанию вообще», а используется для описания этого феномена. «Языковое сознание» представляет собой совокупность структур сознания, сформированных на основе «социальных знаний, связанных с языковыми знаками», оно определяется как «опосредованный языком образ мира определённой культуры, совокупность перцептивных, концептуальных и процедурных знаний носителя культуры об объектах реального мира» [Тарасов 1996, с. 7].

Призывая абстрагироваться от «магии» сочетания *«языковое сознание»*, А.А. Залевская считает уместным напомнить, что *«сознание»* отнюдь не исключает присутствия в нём неосознаваемого, так как деятельность человека, по А.А. Леонтьеву и А.Н. Леонтьеву, протекает одновременно на различных уровнях осознанности: актуального сознавания, сознательного контроля, бессознательного контроля и неосознаваемого. В свою очередь, компонент *«языковое»* в психолингвистических работах предполагает специфический «угол зрения», избираемый исследователем при подходе к языку. Язык предстаёт как составляющее единого комплекса психических процессов, он лишь один из них и «не может ничего значить сам по себе, без опоры на перцептивные, когнитивные и эмоционально-оценочные переживания индивида» [Залевская 2003, с. 37]. (Ср. Психолингвистика изучает «язык как феномен, существующий прежде всего в психике индивидов и обеспечивающий социальные связи и общение» [Фрумкина 2001, с. 19]). Предложенный в психолингвистике подход к *языковому сознанию* заслуживает внимания, так как повседневная практика доказывает, что языковые значения могут приобретать семантическую функциональность в определённой концептуальной системе, только на базе «единой перцептивно-когнитивно-аффективной памяти индивида, включённого в социум (и шире - в культуру), воспринимающего окружающий мир, думающего, общающегося и эмоционально-оценочно переживающего свой многогранный опыт познания и общения» [Залевская 2004, с. 60].

Из представленного описания сущности *«языкового сознания»* очевидно, что в нём происходит интеграция информации обо всех видах и уровнях психического отражения, что делает его максимально подходящим и актуальным для исследования переводческой деятельности.

2.5.2. Этническое языковое сознание и языковая картина мира: взаимодействие в процессе перевода

В отечественной психолингвистике отмечается, что сознание формируется и овнешняется при помощи языковых единиц различных уровней, а также с помощью принадлежащих психике субъекта особых структурных образований, получивших различные названия: ассоциативных полей, языкового тезауруса, ассоциативно-вербальной сети и т. д. В обоих случаях в языковом сознании представлены знания определённой культуры, находят отражение этносоциокультурные особенности действительности, окружающей людей. Одним из способов упорядочения и систематизации языкового сознания представителей определённого лингвокультурного сообщества может быть выявление его ядра. «Ядро языкового сознания представляет собой лингвистическую проекцию бытия человека», оно ориентирует его в этносоциокультурной реальности, оно составляет основу его языковой картины мира [Ушакова 2000, с. 16].

С опорой на понятие «языковое сознание», на его ядро, большую определённую, на наш взгляд, получают такие своеобразные, расплывчатые, но востребованные в переводе понятия, как «дух языка», «колорит языка», относящиеся к сфере эмоциональной интерпретации языковых фактов. Из удачных метафор ближе к терминам перемещается особая «картинообразующая» функция языка, заключающаяся «в формировании в коллективном языковом сознании целостного представления конкретного народа о мире, формировании его уникальной «точки зрения» на мир» [Корнилов 2000, с. 3]. Реализация этой функции способствует поддержанию одного из «изменчивых образов языка» (Ю.С. Степанов), когда язык предстаёт как «дом бытия» духа народа. «Картинообразующая» функция воплощается в понятии национальной языковой картины мира, в которой этнический язык

признаётся наиболее удобной «одеждой» для выражения сознания народа и его мировоззрения [Пшёнкина 2003].

Не только отдельный индивид, но и отдельный народ демонстрирует пристрастность в формировании языковой картины мира. Она складывается как результат не унифицированного целого, а организована по принципу «пиков», связанных с наиболее значимыми потребностями, мотивами, установками, ценностями, опытом, фантазией представителей отдельного этноса, и во многом предопределена их духовно-эмоциональной сферой и настроением. Однако рядовой носитель языка часто оказывается невосприимчив к форме языкового знака, автоматически следуя по «колею, проложенной языком». У. Чейф в традиционной, но достаточно точной метафоре уподобил языковую форму оконному стеклу, сквозь которое осуществляется общение, и которое, как правило, не замечается. «Языковая форма прозрачна, - пишет Чейф, - и требуются определённые усилия, чтобы сконцентрироваться на ней, а не на том, что за ней лежит» [Chafe 1994, p. 38]. При этом он поясняет, что лингвисту требуется специальная подготовка, чтобы научиться видеть стекло, а не только то, что за ним находится.

Развивая мысль У. Чейфа, соотнося её с практической стороной перевода, мы считаем, что лингвист, занимающийся переводческой деятельностью, совершает это без особого труда. Ему приходится постоянно включаться в процесс сравнения, сопоставления двух языковых систем, двух образов мира, замечать разнообразие средств выражения в двух языках, и убеждаться в том, что «каждый народ по-своему расчленяет многообразие мира, по-своему нарезает и делит его» [Ортега-и-Гассет 1991, с. 347].

Практика даёт тому бесконечное множество примеров. Они относятся к хрестоматийным случаям, связанным с временем приёма пищи, когда приходится выбирать, что американцы делают вечером - обедают или ужинают. Ср.: 1) *But that night after dinner..*, - *Но вечером после обеда...* (Hemingway / Лорие). 2) *I'll sit late with the dinner drying up - waiting for Luther.*

- Я буду сидеть и ждать Лютера, а ужин будет сохнуть (St. John / Натаров). Они связаны с тем, как в двух языках представлено членение суток на периоды: *It was now about three o'clock in the morning and Francis Macomber ...wakened and slept again* - Было три часа ночи и Фрэнсис Макомбер проснулся ...и опять заснул (Hemingway / Лорие). При переводе не может остаться без внимания превращение сухого и прозаичного русского «люк» - открывающееся отверстие в крыше автомобиля - в поэтическое и образное английское *moonroof* (букв. лунная крыша).

Действительно, мир второго языка часто появляется в образах особенно причудливых, если они не совпадают с образом мира родного языка. Например, известное утверждение о том, что у англоговорящих «*four fingers and a thumb*»,² требует произвести определённые логические трансформации при переводе следующего предложения:

Naomi moves her index and second fingers to dry part of the bottle...

(M. Wandor)

Если счёт пальцев на руке в концептуальной системе англо-говорящих начинается с указательного - *index*, а у русских - с мизинца, то переводческие преобразования в тексте перевода необходимы, чтобы сохранить адекватные референтные отношения. В сознании русскоговорящего палец, следующий за указательным (*index*), не может быть *вторым* (*second*), поэтому в качестве варианта можно предложить следующий перевод:

Наоми проводит по бутылке указательным и средним пальцем, нащупывая сухую часть стекла (пер. мой. - Т.П.).

Языковое сознание русскоязычного коммуниканта не может не отметить, что в мире носителей английского языка мухи «*стоят*», а, например, теннисный корт «*сидит*»:

2. В английском языке номинация четырёх пальцев на руке осуществляется словосочетаниями с использованием родового *finger* - «палец», пятый (а в англоязычной культуре первый) - большой палец номинируется отдельным словом - *thumb*.

During World War II she maintained an immense Victory Garden where the tennis courts now sit... (The Chewonki Chronicle).

В англоязычном мире духи, как и косметику, если исходить из внутренней формы словосочетаний, «носят» (*to wear scent* - *душиться*); верёвка может «ломаться» (*the rope broke* - *верёвка порвалась*), а национально-культурная маркированность пространственной картины мира представляет болезнь или её симптомы как находящиеся «в» пациенте, а не «у» пациента, например:

In all seven patients there has been a syndrome associated with their acute states (Malignancy).

Не раз отмечалось, что язык оставляет отпечаток на познании, но переводческий опыт свидетельствует, что прежде всего сознание, творя мир, хотя и с «отлётом фантазии», облакает полученный образ в «подручный материал», представленный словами и выражениями, входящими в ядро языкового сознания определённого этноса. Такие языковые знаки имеют наибольшее количество ассоциативных, семантических связей с другими единицами в составе той же сети прежде всего потому, что с их помощью фиксируются и закрепляются актуальные образы, оценки, моральные ценности и культурные стереотипы лингвокультурного сообщества (см., например, [Уфимцева 1996; 1998; 2003]). При переводе «след» иного сознания в языковом знаке, случайно или намеренно оставленный переводчиком, не пожелавшим в соответствии со своей переводческой программой излишне доместицировать текст на ИЯ, является маркером «акцента» переведённого текста. Он иллюстрирует индивидуальный способ выражения отдельным народом своих мыслей и чувств.

Мы предложили 46 студентам старших курсов факультета иностранных языков БГПУ, получающим дополнительную специализацию переводчика-

референта, выполнить задание по идентификации двух небольших текстов и ответить для этого на два вопроса:

1. К какой категории относятся представленные тексты:

к оригиналу - №

к переводу - №

2. Почему Вы так считаете?

Отрывки содержали описание *Единственной Девушки на Свете* и *Единственного Юноши на Свете*, и оба были взяты из переведённого на русский язык юмористического рассказа американского писателя Фрэнка Салливана «Свидетельские показания специалиста по штампам» (*Frank Sullivan «The Cliche Expert Testifies on Love»*). Основанием для выбора именно этих текстов послужила их тематическая привязанность. Если следовать допущению, что человеческое тело представляет собой соматологическую карту, прочитываемую в зависимости от степени значимости её знаков-ориентиров (см. [Сорокин 1994]), то первый отрывок как раз и является описанием таких знаков - лица девушки, её глаз, зубов, губ, щёк, волос. Эти знаки предстают параметрами, по которым определяется женская привлекательность, они носят универсальный характер, их вариативность в различных культурах минимальна, а содержание, репрезентируемых ими когнитивных структур сходно в обеих культурах. Дескрипторы же, соотносимые с знаками-ориентирами (параметрами), напротив, объективируют канонические представления членов определённого лингвокультурного сообщества о красоте. Они выступают эталонами, в которых эти сообщества образно измеряют мир и фиксируют результаты в конкретных когнитивных моделях, связанных в каждой культуре с определёнными языковыми средствами. От переводчика требуется соотнести место эталонов в ментальном пространстве представителей сравниваемых культур и, исходя из результата, принять решение в пользу переводческого эквивалента, аналога, кальки или описательного перевода, руководствуясь при

этом принципом доместикации (ориентацией на образ мира реципиента) или форинизации (ориентацией на образ мира продуцента). Причём в последнем случае перевод способствует расширению ментального пространства конечного реципиента как за счёт введения дополнительной смысловой информации в его концептуальную систему, так и за счёт доступа к результатам типовой в культуре инофона речевой актуализации смысла.

В качестве эталона для идеального мужчины избираются не знаки-ориентиры человеческого тела, а социально-деятельностные приоритеты, одобренные в обществе и закреплённые в языке, что и нашло отражение во втором из представленных текстов.

Целью проведённого эксперимента являлось выяснить, почувствуют ли испытуемые присутствие «акцента исходного языка» в представленных отрывках. Если да, то с чем, по их мнению, это связано: с предметной ситуацией, описываемой в текстах, с образами сознания иной культуры, присутствующими в них, с принятыми переводческими решениями, связанными со способами перевода или с сочетанием нескольких составляющих.

В оригинале текста Фрэнка Салливана читаем:

1. Her eyes are like stars. Her teeth are like pearls. Her lips are ruby. Her cheek is damask. Her hair like spun gold.

2. He is a blond Viking, a he-man, and a square shooter who plays the game (F.Sullivan).

Студентам тексты были предложеныны в следующем переводе:

1. Её глаза, словно звёзды. Зубы похожи на жемчуг. Губы алые, а на щеках цветут розы. Волосы, будто золотая пряжа.

2. *Это белокурый викинг, настоящий мужчина и честный мальчик, который играет по правилам.*

В первом тексте мнения относительно его первичности (оригинал) или вторичности (перевод) разделились, с явным преимуществом в сторону признания его переводом. Текст № 1 признали:

оригиналом - 6 человек

переводом - 38 человек

затрудняюсь ответить - 2 человека

Из 38 человек, считающих, что они имеют дело с вторичным текстом, ни один не связал свой выбор с необычностью предметной ситуации. 34 участника эксперимента ответили, что имеют дело с переводом, так как в нём присутствует сочетание *на щеках цветут розы*, несоответствующее, по их мнению, речевой норме русского языка, и объяснили его появление неспособностью переводчика подобрать подходящий оригиналу коррелят в переводящем языке. Однако решающим для отнесения текста к переводу для всех 38 человек послужило нарушение конвенциональности национального восприятия в избранной системе образности описания щёк и волос девушки. Для концептосистемы русских чужим оказывается сравнение волос с пряжей, как и образ розы, расцветающей на щеках. В этническом сознании русских, в его ядерной части цвет щёк девушки обычно ассоциируется с прямым атрибутивным признаком (*розовые, алые, румяные*), а волосы могут быть *светлые, пшеничные* [РАС; СЭРЯ]. Напротив, в англоязычном сознании образное представление объективируется иным языковым стереотипом: в поэтической речи алый цвет щёк регулярно соотносится с дамасской розой, цветок служит мотивирующей основой для языковой единицы, употребляющейся при описании внешности девушки, что и фиксируется в лексикографической практике, при представлении в словарной статье наиболее частотных, типичных случаев употребления иллюстрируемой

языковой единицы: *damask* - *poet. pink: her damask cheek* [ELAC]. Дамасская роза - постоянный источник образности в английской поэзии, достаточно вспомнить шекспировские строки: *I have seen roses damask'd, red and white, / But no such roses see I in her cheeks.*

Что же касается второго отрывка, его принадлежность к переводу не вызвала сомнений. Все 46 человек отнесли его в разряд переводных, объяснив это ярко выраженными культурноспецифическими особенностями текста. *Viking* и *play the game* - языковые маркеры, открывающие доступ к отличной от русской концептуальной системе, к концептосфере с иным набором физических и ценностных эталонов.

Таким образом, в процессе семиозиса в языковых формах запечатляются фрагменты «отражённого мира», который, в свою очередь, является проекцией внешнего мира в сознании проживающих в этом мире людей. Различия, представленные в слиянии своеобразия действительного мира и его интерпретации отдельными лингвокультурными сообществами, наиболее полно раскрываются при сопоставлении языков, языковых картин мира, особенно если возникает необходимость «перевыражения» содержания высказывания с одного языка на другой. При переводе со всей очевидностью раскрывается правомерность утверждений психологов и когнитологов о том, что означенное словом «тянет» за собой намного его превышающий груз «невобранного в речь». Действительно, имея дело с единицами двух языков, сравнивая принятые в этих языках принципы номинации и категоризации, переводчик обнаруживает мир, стоящий за словом в каждом из них. Это особый мир, он представляет *реальность*, но преобразованную сознанием с учётом деятельности, в которую вовлечён человек, и, следовательно, акцентирует компоненты наиболее релевантные, существенные для активности и человека, и лингвокультурного сообщества, к которому он принадлежит, т. е. *психическую реальность*. Языковой знак, появляющийся в результате трансформации психической реальности в *знаковую*, представляет

не только различные формы восприятия действительности, но и её осмысление и осознание (ср. [Sperber, Wilson 1986; Кубрякова 2004, сс. 88, 328 и сл.]). Переводческая обработка столь сложной гетерогенной информации, где слово оказывается ассоциированным не с реалией, а с её пониманием, сложившимся в акте «языкового созидания народа», является когнитивным процессом. Его успех связан не только с формированием нового знания, но и с презентацией любого, старого или нового, наиболее эффективным для целей конкретного акта коммуникации образом.

Рассказ Ф. Салливана, из которого были выбраны отрывки для эксперимента, удачно иллюстрирует данное положение. В своём произведении писатель обращается к вечной теме человеческих отношений - проблемам любви и брака, но трактует её в собственном ключе. Доминантный авторский смысл, представляемый в тексте, направлен на постоянное и целенаправленное внушение того, что подобные отношения банальны, тривиальны и развиваются по заранее известному сценарию. Это и предопределяет внешнюю и внутреннюю организацию всего произведения, мотивирует целенаправленное использование в нём языковых единиц. В качестве средства, наиболее целесообразным образом актуализирующего личностные смыслы, автор избирает клише. Клише представляет собой готовую речевую формулу. Критерием для её выделения служит регулярность появления этой единицы в повторяющихся ситуациях речевого общения (см. [Красных 1998; Сорокин 1998]). Такие максимально типизированные единицы языка выводят на типизированные структуры сознания и акцентируют их единообразие и стандартизованное содержание. Это означает, что познавательные структуры, которые избирает автор для представления личностных доминантных смыслов, соотносимы со специфически организованными концептами - стереотипами. Тезаурусные области, содержание и акцентный статус таких познавательных структур хорошо известны большинству представителей определённого

лингвокультурного сообщества и позволяют им комфортно существовать в нём. В определённых временных рамках стереотипы являются инвариантными и стабильными, они направляют и регулируют деятельностную активность индивидов. Стандартизованным оказывается и набор средств, соответствующих определённому стереотипу в отдельном языке.

Часть таких средств универсальна для нескольких сообществ и легко переводится с помощью *межъязыковых эквивалентов*, часть поддаётся переводу лишь с помощью *аналога* или *описательного перевода*.

Из 92 клишированных выражений, употреблённых в рассказе, 38 % (34 единицы) демонстрируют унифицированный взгляд на мир, практически единообразно представленный единицами двух языков. Так, например, и для русско-, и для англо-говорящих *любовь слепая* - *love is blind*; влюбляются с *первого взгляда* - *at first sight*; влюбляются *безумно* - *madly*; в *единственную девушку на свете* - *the Only Girl in the World*. Оба языка фиксируют почти однотипные ракурсы взгляда на то, что *браки совершаются на небесах* - *marriages are made in heaven*; что *брак - это лотерея* - *marriage is a lottery*, что среди мужчин попадаются *волки в овечьей шкуре* - *wolves in sheep's clothing*, а девушке приходится *защищать свою честь* - *to defend her honor*. И всё-таки даже в представленных примерах нельзя не заметить, что при полном сходстве образной картины мира двух языков их когнитивные структуры в некоторых случаях модифицированы, отражая специфические фрагменты телесного опыта с объектами каждой культуры. Так, русская конструкция *на небесах* отражает плоскостное восприятие (поверхность) небесного пространства в русской ментальности, в то время как англ. *in heaven* рисует картину объёмного изображения (ср. русск. *на седьмом небе* :: англ. *in the seventh heaven*).

Однако более половины клише - 55, 4 % (51 единица) представленных в рассказе, описывающих общеизвестные истины, отражают кардинальное

отличие в восприятии мира, несоответствие в актуальности выделенных признаков, подлежащих номинации в двух языках. «В силу своих языковых установок, говорящий для обозначения в речи элементов экстралингвистической действительности отбирает такие черты, которые покрываются существующими в языке словами-понятиями, и такие связи, которые выражаются стереотипными для данного языка конструкциями» [Гак 1998, с. 217]. Поэтому в составе клише появляются чуждые для сознания русских образы, связанные с неизвестными прецедентными именами: *Gibson girl* - чистая, невинная девушка, образ девушек, знакомых американцам по рисункам художника-иллюстратора Чарльза Гибсона; *gay Lothario* - ловелас, по имени персонажа одной из старинных пьес. Всё это требует от переводчика выбора адекватных приёмов перевода, обращения к аналогам или описательным приёмам.

Эквивалентные на первый взгляд слова двух языков могут не оказывать ожидаемого воздействия на сознание инофона, так как они занимают иное место в его образе мира, не входят в ядро его языкового сознания и, как результат, не образуют разветвлённых ассоциативных связей. Например, *primrose* - примула для носителя русского языка может являться стимулом для возникновения только личностных смыслов, индивидуальных ассоциатов. В английском языке оно, входя в состав фразеологизма *primrose path*, образует «концептуальный максимум» в сознании носителей этого языка. Отсюда оптимальным приёмом перевода может быть избран аналог - *путь наслаждений, стезя утех*.

Особенности перевода рассказа Ф. Салливана связаны и с лексической категорией рода в английском языке. На просьбу одного из героев рассказа описать недостойных мужчин, о которых идёт речь, следует ответ: *They are snakes in the grass*. В обоих языках змея ассоциируется со скрытым врагом, но в русском ассоциатом является женщина - змея подколодная, что обусловлено грамматической категорией рода, а в английском змея ассоциируется с

вероломным мужчиной. Несколькими строчками ниже встречаем: *What does a woman do when a snake in the grass tries to rob her of her honour?* Наличие грамматической категории рода в русском языке позволяет переводчику довольно просто найти подходящий относительный эквивалент, не противоречащий стереотипам языкового сознания его читателей: *Что делает женщина, когда коварный змей пытается лишить её чести?*

Таким образом, единицы семантической сети, репрезентирующие компоненты ядра языкового сознания, наиболее полно раскрывают системные свойства реалий образа мира их носителей, эмоциональный и чувственный опыт народа. В них предстаёт характер интерпретационной деятельности людей, принадлежащих конкретной лингвокультурной общности. Такие единицы могут входить в состав клише и объективировать конвенциональные стереотипы, которые фиксируют и схематизируют определённое этническое мировоззрение. При этом языковые выражения оказываются крайне «чувствительными» к используемым приёмам перевода, так как неверный выбор может исказить как языковую, так и концептуальную картины мира. В зависимости от степени корреляции коллективного опыта в сравниваемых культурах, от соотношения сходных когнитивных структур в концептуальных системах их представителей используется перевод либо с помощью эквивалента, либо аналога. Незнакомые аспекты образа мира культуры исходного языка могут появиться и в чужих (*Viking*), но не «чуждых»³ (*Lothario*) образах для культуры переводящего языка.

Итак, для переводящего индивида перевод - это процесс когнитивный по своей сути. Он связан с деятельностью по организации обмена познавательными структурами между коммуникантами, принадлежащими к

3. Во время работы круглого стола на тему «Перевод как испытание культуры», Г.Т. Хухуни напомнил участникам о размышлениях В. фон Гумбольдта, появившихся в предисловии к трагедии «Агамемнон», где он говорит о том, «что задача переводчика сводится к умению разделить чужое и чуждое. Пока в переводе ощущается чужое, он выполняет свою задачу. Как только в переводе начинает ощущаться чуждое, это означает, что он до своего оригинала не поднялся» [Перевод как испытание..., 2000, с. 116].

различным лингвокультурным сообществам, с поиском наиболее адекватных средств вербализации этих структур, причём избранные формы должны наилучшим образом удовлетворять и требованиям коммуникации. Более того, перевод - извечное противоборство «недоперевода» и «переперевода», предпочтений в ориентации переводчика, направленных на культурные нормы продуцента или реципиента (принцип форинизации или доместикации). Принимая во внимание ценность и значимость фрагментов опыта, подлежащих трансляции, цель перевода и, наконец, компетенцию переводчика, можно согласиться с Ю.А. Сорокиным в том, что «талантливый перевод закрывает пути для сравнения и не опознаётся в качестве инокультурного. Тем самым, *утверждение о переводе как взаимодействии двух культур оказывается фиктивным для реципиента*» (курсив мой. - Т.П.) [Сорокин 1998, с. 36]. Однако подчеркнём - для реципиента, для читателя, но не для переводчика.

2.5.3. Некоторые особенности языкового сознания переводчика, обусловленные спецификой его посреднической деятельности

Сравнивая и описывая обработку информации, проводимую переводчиком и обычным реципиентом, А.Д. Швейцер совершенно справедливо отмечал: «Переводчик не только истолковывает содержание и коммуникативную интенцию отправителя, но и смотрит на них глазами носителя другого языка, другой культуры» [Швейцер 1988, с. 22]. Контаминированное восприятие поступающей информации в процессе перевода, её «примерка» на конечного реципиента признаётся сторонниками практически всех моделей, однако основания, механизмы и стратегии, с помощью которых осуществляется переводческая ориентация, как, собственно, и вся посредническая деятельность в целом, варьируется от модели к модели.

Обращение к представленному выше понятию «*языковое сознание*», предложенному отечественной психолингвистикой, даёт ряд преимуществ и оказывается продуктивным для перевода как вида речевой деятельности. Это обусловлено тем, что у переводчика появляется возможность расширить пространство, служащее источником информации при анализе воспринимаемых и продуцируемых речевых произведений. При этом во внимание переводящего попадает не только *значение*, традиционно соотносимое с языком как лингвистической реальностью, со знаниями, ассоциированными с телом знака и являющимися общими для представителей определённого лингвокультурного сообщества (ближайшее значение в теории А.А. Потебни), но и со знаниями, выходящими далеко за словарную часть значения, сливающимися с ней и образующими речемыслеобразное единство (дальнейшее значение).

Успешный процесс семиозиса в ходе перевода реализуется с учётом нескольких факторов, которые способствуют извлечению большего объёма информации из анализируемого содержания и увеличивают его ёмкость. Эти факторы объединены подходом к языку как к модели, где взаимодействуют различные типы знаний, как к *одному из психических процессов, который может протекать только во взаимодействии с другими и рассматриваться как одна из ментальных способностей человека*, реализуемых в ходе познавательной деятельности [Бардина 1996; Веккер 1998; Залевская 2003, 2004; Пищальникова 1999, 2001; Lakoff 1990 и др.].

1. Среди таких факторов следует назвать отказ от противопоставления лингвистического и экстралингвистического, *языковых и энциклопедических* знаний при анализе содержательной стороны высказывания. Выделение этих видов знаний, их статус в лингвистических исследованиях довольно долго являлся предметом дискуссий учёных разных направлений (см. об этом обзор [Кузнецов 1992]). Для перевода иррелевантность противопоставления знаний различных типов была актуальна всегда. Разнообразные аспекты фоновых

знаний, считающиеся неотъемлемым компонентом переводческой компетенции, предопределяющие глубину и направление выводных знаний и влияющие на выбор способа языкового представления, в разное время и с разных позиций критически освещались специалистами [Комиссаров 2002; Крюков 1988; Сорокин 2003; Швейцер 1988а; Hatim, Mason 1990; Snell-Hornby, 1995 и др.].

2. Оперирование понятием *языковое сознание* требует принять во внимание ещё один фактор, влияющий на качество описания содержательной стороны любого языкового знака - его *субъективную актуальность* для коммуниканта. Субъективная актуальность, пристрастность, создаваемая и регулируемая системой мотивов разносторонней деятельности индивида, при встрече с релевантной информацией, активизирует его концептуальную систему. В результате в концептуальной системе на различных уровнях осознаваемости отражается, переживается и континуально преобразуется весь познавательный и коммуникативный опыт человека: чувственный и логический, рациональный, эмоциональный и фантазийный, языковой и доязыковой. Содержание, возникающее в результате такого восприятия, конституируется не только дискретными, относительно стабильными во времени и пространстве (а если и варьирующимися, то только в зависимости от внешнего контекста) *значениями*, но и динамическими, потенциально бесконечными *смыслами*, которые «представляют собой *совокупность всех психологических фактов, возникающих в нашем сознании* благодаря слову» [Выготский 1956, с. 369] (курсив мой. - Т.П.). Смысл, представая континуальным, ментальным содержанием, обладает несколькими зонами устойчивости. Значение - «одна из наиболее устойчивых, унифицированных и точных зон смысла» [Там же, с. 369].

3. Исходя из представленной трактовки соотношения значения и смысла, принятой в теории деятельности, психологи и психолингвисты приходят к выводу о слитности в сознании индивида этих двух величин,

дающих начало «живому знанию». В его основе лежит целостность всех представлений о человеке, помещённом в определённый социальный, культурный, эмоциональный и деятельностный контекст, о человеке, существующем в единстве всех психических процессов. А. В. Брушлинский так описывает суть этого феномена: «...посредством динамических взаимопереходов все стадии психического процесса непрерывно вырастают одна из другой и поэтому онтологически не отделены друг от друга в отличие от разных циклов функционирования машины ... и в отличие от элементов математического множества» [Брушлинский 1990, с. 132] (ср. [Веккер 1998; Выготский 1956; Залевская 1999 - 2004, Зинченко 2001; 2002; Леонтьев 1969; Пищальникова 1993 - 2003; Nelson 1998]).

4. Слово, социальное по природе (М.М. Бахтин), живое, пластичное и гибкое, появляется в коммуникативном акте со шлейфом вобранных в него голосов и интенций, прошлых контекстов, представлений и ассоциаций. В ходе посреднической деятельности переводчику предстоит обеспечить актуализацию подлежащего переводу ментального содержания посредством противоположно направленных процессов осмысления значения и означивания смысла. Такая деятельность может реализоваться только в ходе *осознанной (направленной) рефлексии*, причём рефлексии не только над собственным смыслом воспринимаемого, но и над интенциональным смыслом продуцента текста, а также над тем, как может разворачиваться осмысление текста конечным реципиентом (Ср. [Богин 1986/2002; Тарасов 2001]).

5. Подобная рефлексия над содержанием высказывания сопровождается введением дополнительного фактора, связанного с представлением о *чувственной ткани* сознания, ассоциируемой с реалиями, о которых идёт речь. Чувственная ткань определяется как совокупность перцептивных данных, полученных от органов чувств человека и хранящихся в его памяти. Она придаёт реальность образу мира, который открывается субъекту [Леонтьев 1977, с 133; Тарасов 2001, с. 302].

Каждый из перечисленных факторов в отдельности хорошо известен в теории речевой деятельности. В переводе их комплексное взаимодействие способствует моделированию знания (языкового сознания), которое коммуниканты, относящиеся к различным лингвокультурным сообществам, со специфическими «способами бытия в мире», овнешняют в процессе продуцирования речи или конструируют при её восприятии. Их синтез детерминирует деятельность переводчика, оптимизирует его стратегии, важнейшие из которых направлены на формирование когнитивных структур, позволяющих *расширить, скорректировать, создать* зоны пересечения в языковом сознании коммуникантов. *В каждом конкретном случае переводческое речесмыслопорождение и речесмысловосприятие направлено на формирование базовых интегративных когнитивных структур, активизирующих коррелирующие познавательные пространства индивидов с разным этническим сознанием.*

Мы попытались обосновать значимость адаптации для перевода психолингвистического понятия «языковое сознание». Пересекаясь по своей природе с понятием «знание», а в силу непосредственной ненаблюдаемости, преимущественно представая в языковых овнешнениях, языковое сознание в полном объёме реализует свой потенциал, интегрируя данные других наук: лингвистики, психологии, когнитивной семантики и др. Подобное объединение разных областей знания, в центре внимания которых оказывается функционирование языка у индивида - общая тенденция современных лингвистических исследований. Её результатом нередко является сближение позиций одной науки с другой. Например, учёные отмечают, что за счёт обращения к данным теории восприятия обнаруживаются некоторые параллели между концептуализацией сенсорной действительности и языковыми явлениями, что подтверждает предположения психологов о размывании грани между «перцепцией» и «концепцией» (об этом см. [Кубрякова 2004, с. 460]). Информативность языкового знака увеличивается и

благодаря привлечению данных корпорального (телесного) опыта. С учётом сказанного выше, а также исходя из того, что понятие «языковое сознание» используется для анализа содержания, знаний, ассоциируемых коммуникантами с телами знаков, можно высказать предположение о соположенности понятий «языковое сознание» и «концепт».

Подтверждение этому находим в рассуждениях В.А. Пищальниковой об интегративной интерпретирующей модели исследования речевой деятельности. В качестве такой модели предлагается синкретический научный объект - концепт. *Концепт* представляет собой «совокупность всех знаний и мнений индивида, связанных с определённой реальией, и по сути, определяется идентично образу языкового сознания» [Пищальникова 2003, с. 9-10] (выделено мною. - Т.П.).

Использование предложенных понятий применительно к переводу требует уточнения и обращения к дополнительному ракурсу исследуемой проблематики. В этом виде деятельности содержание концепта или языкового сознания является результатом обработки информации, производимой индивидом со специфическим сознанием, со специфической системой концептов и со специфической структурой смысла внутри отдельного концепта: в различных теориях двуязычия за переводчиком закреплён статус *искусственного, или профессионального* (А. Мартине) *билингва*⁴.

Ранние лингвистические теории двуязычия предрекали билинговую низкую языковую компетенцию как первого, так и второго языка. Решающим аргументом в этом вопросе являлось то, что языковой опыт индивида неизбежно оказывался распределённым между двумя и более языками

4. Разноплановая характеристика билингвизма в том виде, как она предстаёт в обыденном и научном сознании, присутствует в определении Е. Протасовой: «Под двуязычием (билингвизмом) как частным случаем многоязычия (мультилингвизма) понимается в минимальном случае - способность выражаться на двух языках, в обычном смысле - близкое к уровню родного языка владение двумя языками, в научном смысле - регулярное пользование в жизни двумя языками» [Протасова 1999, с.1]. Вслед за Е.М. Верещагиным, Ю.Л. Оболенская определяет двуязычие как «психологический механизм (знания, умения, навыки), позволяющие человеку воспроизводить и порождать речевые произведения, последовательно принадлежащие двум языковым системам» [Оболенская 1998, с. 134].

(О. Есперсен). Совершенно очевидно, что такая позиция определялась методологической спецификой исследования, а именно подходом к языку только как *форме фиксации мысли*. Собственно когнитивные способности индивида рассматривались в отрыве от языка, но и успешное развитие первых в сравнении с монолингвом ставилось под сомнение.

Позже пришло осознание того, что билингв - это не простое объединение обладающих разной степенью языковой компетенции двух монолингвов, т. е. не удвоенный монолингв, а «индивид с особой языковой конфигурацией, складывающейся под влиянием *двух сосуществующих и постоянно взаимодействующих языков*» [Grosjean 1985, p. 471] (курсив мой. – Т.П.). В приведённом определении известного специалиста в области билингвизма Ф. Грожана «язык», на наш взгляд, рассматривается не только как конструкт, система знаков, но и как феномен, система знаний о мире, представленная в концептах и отражаемая в стратегиях пользования ими. Следовательно, «особая языковая конфигурация билингва» складывается не только под влиянием разных языков, но и разных образов мира. Наше предположение основано на утверждениях, выдвинутых учёным в ряде работ, в которых справедливо отмечается, что:

- у билингва иное знание родного языка;
- у билингва иное знание второго языка;
- у билингва иной тип языкового сознания;
- у билингва по-другому осуществляется когнитивная обработка данных, связанных с имеющейся в распоряжении языковой информацией [Grosjean 1982, 1985, 2001].

Подход Ф. Грожана находится в русле современных теорий билингвизма, сопряжённых с целостной трактовкой человека, основывающихся на том, что овладение содержанием концепта у индивида не может происходить иначе как на базе имеющегося у него ассоциативно-апперцепционного содержания мышления. Следовательно, в концептуальной

системе билингва должны быть синкретично представлены, хотя и на разных основаниях, по-разному структурированные, «родные» и «инокультурные» концепты.

Мы не ставили своей целью доказывать правомерность подобного суждения. Однако имеющийся в нашем распоряжении материал ассоциативных экспериментов, собранный для иных целей, предоставил интересные данные по интеграции содержания «своих» и «чужих» концептов в сознании билингва.

Так, информанты, владеющие двумя языками, на стимул, представленный языковыми знаками одного языка, дают ассоциаты, связанные с культурой или языковой образностью другого. Это проявляется:

- в широком присутствии в ассоциативных экспериментах парадигматических реакций, простейшими из которых служат межъязыковые корреляты, типа: *имя объекта - имя объекта: sofa - sofa; осень - Indian summer; Хаммер (внедорожник) - vehicle;*
- в появлении эмоционально-оценочных реакций на русском языке, являющихся ассоциатами на стимул, представленный по-английски: *Indian summer - хорошо;*
- в появлении тематических реакций, свидетельствующих о том, что стимул и реакция, выраженные на разных языках, объективируют наличие в сознании билингва сложноструктурированного концепта, вобравшего в себя информацию двух культур: диван - *couch potato*. Можно предположить, что схематически ассоциативный процесс через парадигматическую реакцию «*couch* - диван» выходит на ассоциат, представленный фразеологизмом *couch potato - a person who takes little or no exercise, but spends most of their time sitting around, esp. watching television [DELIC]*, характеризующим человека, ведущего малоподвижный образ жизни, проводящего время на диване возле телевизора;

- в фонетических реакциях, появляющихся как отклик на неидентифицируемое слово на родном языке. В таких случаях зона поиска смысловой опоры расширяется и ассоциации возникают по сходству звукобуквенного комплекса со словами иностранного языка: Хаммер - *hammer*, т. е. ошибочно ассоциируется название марки известного американского внедорожника со звуковой формой слова «молоток» на английском языке. Однако субъективное восприятие звукового образа стимула «Хаммер» может, опять-таки ошибочно, соотноситься со звукоподражательным английским глаголом *to hum* - жужжать, отсюда и появление среди представленных ассоциатов существительного «жужжание».

Кардинальный вопрос о сосуществовании в сознании билингва двух языков актуален для *билингва-переводчика*, но не менее важна специфика, которую привносит в сознание *переводчика-билингва* характер его профессиональной деятельности.

Обратимся к особенностям «билингвального» языкового сознания в названных ракурсах, руководствуясь потенциалом интегративной психолингвистической парадигмы. Ещё в 1925 году, ссылаясь на Г. Шухардта (1842-1927гг.) и А. Мейе (1866-1936 гг.), Л.В. Щерба указывал, что многоаспектные вопросы двуязычия могут быть выяснены только *с помощью психологии*. Сложные чувства и желание говорить могут находиться только *в индивидуе* [Щерба 1925/1974, с. 67] (курсив мой. - Т.П.). Именно с этих позиций в конце 70-х годов Н.В. Имедадзе вносит поправки в известную типологию билингвизма У. Вайнрайха (смешанный, координативный и субординативный) и в основанную на ней дихотомическую типологию С. Эрвина и Ч. Осгуда (совмещённый (*compound*) и координированный (*coordinate*)). В представленной Н.В. Имедадзе типологии акцентируется её динамический характер. Два типа билингвизма - совмещённый и координированный - рассматриваются «а) не в виде стабильной модели

зависимости между двумя языками, а как *ступени формирования билингвизма*; б) не в виде дихотомии взаимоисключающих типов, а как два полюса *единого континуума*; в) не в виде зафиксированных различных форм сосуществования систем значений двух языков, а как дифференцированная в различной степени *функциональная организация двух языковых систем билингва*, распространяющаяся на все уровни языка» [Имедадзе 1978, с. 279] (курсив мой. - Т.П.).

Как видим, несомненным достоинством модели является подвижный, динамический характер типологии билингвизма, детерминируемый актуальным состоянием индивида, его установкой, которая возникает на основе предваряющих ситуативных и потребностных моментов и которая изменяется в соответствии с конкретными условиями коммуникации. В то же время для Н.В. Имедадзе тип билингвизма - это «тип функциональной организации *средств общения на двух языках*» [Там же, с. 268] (выделено мною. - Т.П.). Это означает, что в соответствии с современным исследовательнице подходом к лексической организации билингва, она осуществляется и анализируется на основе *лексических связей* между словами двух языков. Языковая и понятийная системы разъединены, каждая из них обладает собственным имманентным статусом, а перемещение вдоль типологического континуума происходит с учётом взаимодействия преимущественно *языковых систем*, хотя и с учётом задач, поставленных перед билингвом.

В более поздних моделях билингвизма, как указывалось выше, акцент смещается на положение слов второго языка (Я2) в *ментальном лексиконе* индивида. Ментальный лексикон представляет собой сложную динамическую систему, тяготеющую к упорядоченной организации, в которой, многократно пересекаясь по различным параметрам, обрабатывается и хранится в готовности для речевой деятельности разноплановая информация о словах и эквивалентных им единицах, полученная человеком в результате

рационального, чувственного, культурного и социального опыта. Что касается слов *первого языка (Я1)*, то индивид овладевает ими в контексте культуры, в процессе социализации, присваивая поступающие знания, складывающиеся в концепты. Естественно, что в этом случае слово автоматически индуцирует своим появлением *всю* связанную с ним информацию, разноплановые структуры знаний, вербализованные и невербализованные, пережитые и обработанные посредством опыта разных модальностей - через знак, образ, чувственное представление - и аккумулирующиеся в концептуальной системе коммуниканта. Таким образом реализуется особая роль слова, его медиативная (посредническая) функция в речевой организации индивида, его способность образовывать «многомерную систему связей, формирующуюся в результате протекания разнородных психических процессов» [Залевская 1999, с. 168]. Слово является доступом ко всей информации, которой владеет человек, но и значение/смысл слова выявляется благодаря всему содержанию концептуальной системы индивида [Пищальникова 1999, с. 35].

По-иному обстоит дело со *словами второго языка*. Психологическое обоснование этому явлению было дано Л.С. Выготским в его описании процессов речевого развития. Главная особенность слова второго языка, по мнению учёного, заключается в том, что его усвоение происходит с опорой на известный уровень развития родного языка, на фоне сложившейся системы значений этого языка. «Иностранное слово, усваиваемое ребёнком, относится к предмету не прямо и не непосредственно, а опосредованно через слова родного языка» [Выготский 1996/1934, с. 266 и сл.].

Суждения, высказанные Л.С. Выготским в «Мышлении и речи», во многом перекликаются с выводами современных когнитологов и психолингвистов [Залевская, Медведева 2002; Herdina, Jessner 2002; Jiang 2001, p. 48]). Их суть сводится к тому, что для того, чтобы стать частью ментального лексикона, слову Я2 приходится пройти сложный путь,

преодолеть, по крайней мере, два явных барьера, возникающих из-за следующих причин:

1. Овладение вторым языком в искусственных условиях происходит в довольно ограниченном, количественно и качественно, потоке информации на Я2, что затрудняет формирование познавательных структур, доступом к которым могло бы стать слово на Я2.
2. Овладение Я2 осуществляется на фоне уже сформировавшейся концептуальной и языковой системы Я1. Следовательно, часто при встрече со словом Я2 происходит его непреднамеренный перевод на Я1, и далее процесс обработки поступившей информации продолжается с опорой на известный ментальный опыт первого языка (В середине 50-х г. на эту же особенность указывает Р. Ладо, описывая процесс усвоения иностранного вокабуляра. Он считал, что при презентации слов происходит знакомство с новой формой, в то время как значение уже привычным образом схвачено в родном языке. (Об этом см. [Елизарова 2000, с. 47]).

Неизбежно возникающее в подобных случаях отделение означающего от означаемого, конфликтные изменения *в языковом сознании* билингва нарушают процесс семиозиса, становятся причиной трудностей и коммуникативных неудач в межкультурном общении, осложняют процесс освоения второго языка и, естественно, перевода. Материальная форма иностранного слова оказывается оторванной от привычных чувств и эмоций, не вызывает вербальных и невербальных ассоциаций, не вписывается в прежний опыт. В свою очередь, слова Я1 не соотносятся со структурами знаний, формирующимися в инофонной культурной среде. Появившаяся в итоге лакунарность - результат того, что значение как познавательная структура существует в ментальной среде гетерогенных мыслительных элементов и, будучи вырванным из этой среды, перестаёт реализовывать заложенные в нём познавательные возможности.

Теоретические положения, связанные с особенностями языкового сознания билингвов, наглядно подтверждаются описанием фрагментов личного опыта людей, живущих в нескольких культурах и нескольких языках. Вот как описывает первые впечатления от жизни в новой обстановке в своей книге «*Lost in Translation*» - «*Потеряно при переводе*» редактор американского журнала «*The New York Times Book Review*» Эва Хофман, эмигрировавшая из Польши в тринадцатилетнем возрасте. «Когда моя подруга Пенни говорит, что она *завидует*, или что она *счастлива*, или *разочарована*, я старательно пытаюсь перевести это не с английского на польский, а с языка слов на язык чувств, из которых однажды возникло слово. ... Но перевода не получается. Я не знаю, что чувствует Пенни, когда говорит о зависти. Слово повисает в пространстве неопределённости - смутный прототип вселенской зависти, такой огромной, такой всепоглощающей, что она может раздавить меня. То же самое касается и *счастья*, и *разочарования*» [Hoffman 1990, p. 107].

Неизбежные специфические изменения в языковом сознании билингвов, проявляющиеся в когнитивных, эмоциональных и поведенческих реакциях, могут иметь последствия двоякого рода. Л.А. Козлова связывает их с двумя типами синкретизма в сфере языкового сознания билингва - *неконструктивным и конструктивным* [Козлова 2001, с. 144], выделенными ею по аналогии с типологической характеристикой маргинальной личности, которая существует в межкультурной коммуникации. Маргинальность - совмещение в структуре личности культурных норм, традиций и ценностей нескольких взаимодействующих культур. Маргиналы изолированного (*encapsulated*) типа, в терминологии американского учёного Дж. Беннет, с трудом справляются с синкретизмом двух культур, в то время как конструктивные (*constructive*) маргиналы бесконфликтно совмещают в структуре личности присутствие обеих культур. В соответствии с этим, по мнению Л.А. Козловой, неконструктивный (неблагоприятный) тип

синкретизма является следствием сложившихся в языковом сознании стереотипов и служит препятствием для перехода в картину мира другого языка. Конструктивный (благоприятный) синкретизм расширяет познавательные возможности билингва, обеспечивает возможность перехода из одной картины мира в другую.

Перенося представленную типологию в область перевода, мы считаем логичным предположить, что в языковом сознании *переводчика-билингва* преобладает или находится в состоянии динамического становления *конструктивный тип синкретизма*, детерминированный профессиональной деятельностью индивида и, в свою очередь, оптимизирующей её. Основания для подобного заявления мы связываем с двумя моментами: 1) с *функциональностью* системы речевой деятельности; 2) с особенностью *репрезентации слов Я2 в ментальном лексиконе билингва*.

1. Функциональность как онтологическая характеристика любой системы предопределяет способность её элементов проявлять и/или образовывать новые свойства в процессе функционирования, направленные на достижение *полезного приспособительного результата* (см. [Анохин 1978, 1980]). Независимо от степени владения языком или языками речевая деятельность индивида как раз и организуется по принципу функциональной системы, и исследование билингвизма лишь подтверждает эту идею.

Приспособительный результат в системе речевой деятельности может обеспечиваться благодаря тому, что её единицы *находятся в отношениях компенсаторной зависимости*, т. е. в случаях когнитивно-дискурсивных затруднений способны восполнять недостающую информацию за счёт модификации старых и/или привлечения новых когнитивных структур, за счёт изменения способов организации деятельности коммуникантов. Уточним, в компенсаторные отношения вовлечены *значения* как познавательные структуры и *смыслы* как актуально значимые их компоненты, обусловленные *мотивами деятельности*.

У билингва компенсаторная деятельность сопровождается и стимулируется феноменом положительного переноса знаний, умений, стратегий, благодаря которым билингв, участвующий в такой деятельности, приобретает определённые преимущества перед монолингвом. По свидетельству ряда исследователей [Залевская, Медведева 2002; Baker 1996; Nakuta et al. 1987; Herdina, Jessner 2002], билингв обладает более совершенными *металингвистическими* способностями. Он лучше анализирует языковую информацию, что позволяет ему целенаправленно делать выводы о строении языка и его функционировании, более сознательно выбирать и пользоваться методами обработки языкового материала. Билингвов отличает *когнитивная* гибкость, креативность, большая свобода и разнообразие в мыслительных операциях. Для них характерна коммуникативная чувствительность, восприимчивость к *социопсихологическим и социокультурным* нормам общения в определённом лингвокультурном сообществе.

В деятельности *переводчика-билингва* представленные потенциальные качества актуализируются, выходят на первый план, когда в его концептуальной системе происходит континуальное иерархическое взаимодействие разных познавательных структур, представленных элементами ИЯ и ПЯ. Это взаимодействие призвано образовывать в сознании участников межкультурной коммуникации *интегративные когнитивные структуры и модели*, без которых адекватный перевод принципиально невозможен. Под интегративностью следует понимать признаки, ориентиры, т. е. разнообразные функциональные опоры в речевой деятельности на двух языках, которые с разной степенью операциональности обеспечивают вероятностную актуализацию репрезентируемого ментального содержания в сознании коммуникантов (Ср. [Пищальникова 2004, с. 167]).

2. Конструктивный синкретизм переводчика детерминирован характером репрезентации слова Я2 в его ментальном лексиконе, причём этот

характер может меняться в зависимости от различных ступеней освоения билингвом второго языка.

Согласно экспериментальным данным Нань Цзяна и его коллег [Jiang 2000; Jiang & Forster 2001], таких ступеней три, и информация, с которой слово Я2 входит в ментальный лексикон билингва, варьируется на каждой из них. В своих работах учёный, вслед за В. Левелтом, считает, что в ментальном лексиконе слово ассоциируется с информацией четырёх типов: с семантической и синтаксической, образующими главную лемматическую часть лексикона (*the lemma*), а также с морфологической и фонологической, образующими его лексемную составляющую (*the lexeme*).

На начальном этапе освоения языка происходит знакомство со звуковой и/или графической формой слова, сведения о значении слова поступают либо через ассоциации с переводным эквивалентом слова на Я1, либо извлекаются из дефиниции иностранного слова. Однако такая информация ещё не встроена в имеющуюся разветвлённую систему семантических связей слова у индивида, она не является составляющей его ментального лексикона и не подлежит автоматическому извлечению в коммуникативном процессе. Это *первая, т. н. формальная (formal) ступень* репрезентации слова Я2 в ментальном лексиконе билингва, в которой из четырёх возможных типов информации о слове присутствует лишь один - фонологический, принадлежащий к лексемной части, лемматическая структура на первой ступени остаётся пустой. Можно предположить, что данная ступень не характерна для переводчика, так как представленный тип организации информации в ментальном лексиконе не позволит принимать эффективные решения, ожидаемые от него по роду его профессиональной деятельности.

По мере приобретения опыта владения новым языком укрепляются связи между словом Я2 и его переводным коррелятом в Я1. Благодаря регулярному повторению в процессе коммуникации такая связь закрепляется и знаменует *вторую, т. н. медиативную ступень репрезентации слова Я2* в

ментальном лексиконе индивида *посредством леммы Я1 (L1 lemma mediation stage)*. Связь иностранного слова с концептом на этой ступени оказывается ослабленной, так как каким бы образом не осуществлялся доступ от слова к концепту, непосредственно или через переводной эквивалент на Я1, информация в ментальном лексиконе индивида медиатизирована леммой первого языка.

Только на *третьей, интегративной (integration) ступени* репрезентация слова на втором языке осуществляется в ментальном лексиконе билингва с привлечением всех типов информации, лексемной и лемматической, касающейся слова на Я2, т.е. слово на иностранном языке непосредственно выводит на концепт.

Теоретически любой человек, изучающий иностранный язык, может достичь третьей, высшей ступени в его освоении, однако большинство из них надолго, а некоторые и навсегда останавливаются на второй ступени. Это объясняется тем, что лемматическая часть, однажды занятая в ментальном лексиконе информацией о Я1, впоследствии препятствует её замене лемматической информацией о Я2⁵. Причём в данной ситуации не имеет значения количество контактов на Я2. Хорошо известно, что некоторые иммигранты, живущие по несколько десятков лет в новой стране, в естественном языковом окружении, остаются именно на этой ступени овладения языком, характеризующейся прочной связью между лексемой Я2 и леммой Я1.

Конструктивный синкретизм переводчика как раз и формируется из-за вынужденной необходимости «подниматься» в освоении языка с медиативной ступени на высшую, интегративную, на которой слово Я2 представлено всеми типам информации. Считается, что если значение иноязычного слова можно понять благодаря его переводу на родной язык, то у билингва *снижается*

5. Речь идёт о феномене фоссилизации (*fossilization*) - «окаменении», т. е. о приостановке, торможении в языковом сознании билингва процесса обработки информации, связанной со словом Я2 [Jiang 2000, p. 54].

мотивация для языковой обработки данных, для извлечения более полной информации об этом слове из разнообразных контекстов речевого опыта, в которых появляется слово (см. [Jiang 2000, p. 50]). Мы полагаем, что высказанное наблюдение не согласуется с деятельностью переводчика-билингва. Для него *мотивация извлечения максимальной информации о языковом знаке присутствует всегда*. Она не может исчезнуть, так как переводческие решения принимаются и корректируются, как было заявлено в начале параграфа, в постоянном сравнении информации, её содержательной значимости для участников коммуникативного акта. Выбор в пользу определённого переводческого решения - это всегда попытка «осознать сознание» продуцента и реципиента, сократить «семантическое расстояние» между ними путём создания интегративных структур, обеспечивающих актуализацию подлежащего передаче ментального содержания. Осуществить подобную деятельность призван билингв со специфическим знанием двух языков, в языковом сознании которого преобладает или находится в состоянии динамического становления именно конструктивный тип синкретизма. С одной стороны, этот тип детерминирован профессиональной деятельностью индивида, с другой - он оптимизирует этот процесс.

Выводы по главе

1. Посредническая переводческая деятельность осуществляется с помощью знаков и репрезентируемых ими моделей в широком контексте культуры, в которую погружён человек. Занимающий в настоящее время приоритетные позиции в различных отраслях знания интегративный подход, экстраполированный на переводческую деятельность, позволяет выделить дополнительный ракурс в её исследовании. В частности, появляются основания для аргументации в пользу того, что *языковые знаки*,

семиотические посредники между сознанием и культурой, и *языковое сознание индивидов*, пользующихся этими знаками в профессиональных посреднических целях, претерпевают определённые изменения, участвуя в эвристическом по своему характеру переводческом процессе. Этот процесс предопределяет взаимообусловленность, синергийность языкового сознания участников межкультурной коммуникативного акта и типов знака, участвующих в нём.

2. Существующая в языкознании типологическая разноплановость знаков (иконические, индексальные, символические) соотносится с различной степенью их знаковости и способностью присутствовать в разных участках языковой системы. В межкультурной коммуникации соотношение типологических свойств знаков зависит от их культурной маркированности в лингвокультурном сообществе. Хотя в соответствии с имманентными свойствами в знаке могут присутствовать черты всех трёх типов, в знаках, передающих культурноспецифическую информацию, этот конгломерат носит постоянный, эксплицитный характер, что приспособливает знаки к нуждам коммуникации.

На фоне константно присутствующей *символичности иконичность* таких знаков проявляется в диаграмматическом варианте, количественно отражая соотношение между языковой и ментальной структурами в текстах на ИЯ и ПЯ, что находит отражение во внутренней (метаязыковое комментирование) или внешней (переводческий комментарий) адаптации текста.

Индексальность описываемых знаков обуславливает их относительный характер, обязательное соотношение с кодом культуры, в рамках которой они функционируют, выводной характер их содержания. Это содержание порождается энергией переводческой напряженности, формируется в процессе «осознанной», то есть презентуемой актуальному осознанию рефлексии, в ходе которой происходит взаимодействие «опыта» знака,

концептуальной системы переводчика и конечного реципиента. В итоге в речевом произведении на переводящем языке воплощается результат встречного смыслопорождения содержания знака.

3. Рассматривая перевод в аспекте межкультурной коммуникации, связывая его с диалогом образов разных культур в рамках переводческого сознания, мы полагаем, что суть посреднической деятельности переводчика направлена на формирование *интегративных когнитивных структур*, активизирующих коррелирующие познавательные пространства индивидов с разным этническим сознанием. Это, в свою очередь, предполагает выявление, активацию и/или создание механизмов, способов и средств построения таких структур, и, как результат, адаптивных изменений в мотивационной и когнитивной сфере переводчика, в его сознании

4. Одним из средств эффективного построения интегративных познавательных структур является расширение присутствия фигуры наблюдателя, участвующего в коммуникативном посредническом акте, и наделение этой функцией переводчика. «Выход» наблюдателя/переводчика из семантического пространства одного языка - культурноспецифического (*emic*) - в многомерный и разнонаправленный коммуникативный универсум двух языков - универсального (*etic*) - осуществляется в процессе его «челночного» перемещения из одной культуры в другую в виде последовательности *emic - etic - emic*. Таким образом намечается вектор направления и степень смещения в значении знаков, подлежащих переводу.

5. Оперирование интегративными когнитивными структурами как наиболее эффективным инструментом посреднической деятельности невозможно без обращения к интерпретирующей модели «языкового сознания» переводчика. Подобно модели концепта, языковое сознание позволяет максимально расширить пространство, служащее источником информации при анализе воспринимаемых и продуцируемых речевых произведений.

Однако в данном случае речь идёт о языковом сознании искусственного, или профессионального, билингва со специфическими изменениями в когнитивных, эмоциональных и поведенческих реакциях, основанных на неизбежном синкретизме двух языков и культур в сознании билингва. Из двух выделяемых типов синкретизма - конструктивного и неконструктивного - полагаем, что в языковом сознании *переводчика-билингва* преобладает или находится в состоянии динамического становления конструктивный тип. Основания для такого утверждения мы связываем: 1) с принципом функциональности системы речевой/переводческой деятельности, проявляющей способность образовывать новые свойства, направленные на создание интегративных когнитивных структур и моделей двух языков, без которых адекватный перевод невозможен; 2) с особенностью репрезентации слов Я2 в ментальном лексиконе билингва. Мотивация посреднической функции переводчика предопределяет его стремление к овладению лемматической и лексемной типами информации об этом слове. Таким образом, конструктивный тип синкретизма переводчика-билингва, с одной стороны, детерминирован его профессиональной деятельностью, а с другой – способствует оптимизации этой деятельности.

Итак, познавательные процессы переводчика, особенности его сознания находятся в тесной связи с характером осуществляемой им деятельности. Они подчинены личности, определяются и регулируются ею. А.А. Леонтьев, ссылаясь на последние работы Л.В. Выготского, особо выделяет взгляд учёного на личность как «на психологическую категорию, *первичную* (выделено автором. - Т.П.) по отношению к деятельности и сознанию» [Леонтьев 2000, с. 7]. Перенося сказанное на интересующую нас область, можно предположить, что процессы, происходящие в личности переводчика, предопределяют и неминуемо влекут за собой изменения в его *сознании*. Это, как нам представляется, нашло отражение в данной главе. Изменения в

характере обработки и организации его *речемышлительной деятельности* являются предметом рассмотрения следующей главы.

ГЛАВА 3

ПОСРЕДНИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПЕРЕВОДЧИКА: МОТИВАЦИОННОЕ И КОНЦЕПТУАЛЬНО-СМЫСЛОВОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ

The translator invades, extracts, and brings home.

G. Stainer

Привлечение к изучению вербальной посреднической деятельности переводчика понятия «языковое сознание» означает среди прочего признание того, что свойства подлежащего изучению объекта относительны и во многом порождаются и изменяются благодаря воздействию на них человека с его субъективными качествами и характеристиками. Руководствуясь данным положением, перейдём от описания содержательно-статического аспекта мыслительной деятельности переводчика (*сознания*) к анализу её процессуально-динамического аспекта (*мышления*). В личности переводчика, признаваемой одним из основных параметров в психолингвистических и когнитивных моделях перевода, особо выделим его *языковую способность* как главенствующий структурообразующий фактор перевода.

Личность, хотя и не единодушно, признаётся психологами «хозяйном процессов», организующим началом, как бы «изнутри» определяющим и регулирующим многоаспектные познавательные, поведенческие и эмоциональные процессы, происходящие с человеком в окружающей его действительности. В то же время личность как многоаспектный феномен - психический, социальный, языковой - испытывает на себе влияние разнообразных внешних факторов и подвержена их воздействию. Это даёт повод для появления «антиличностных» теорий, отдающих предпочтение изучению детерминант деятельности, находящихся за пределами личности.

Не преследуя цели выяснения значимости названных подходов, отметим, что аргументы, выдвигаемые в рамках каждого из них, свидетельствуют не столько о сложной иерархической структуре понятия «личность», о её способности взаимодействовать с внутренними и внешними факторами, сколько о необходимости учёта содержательной стороны процессов, под влиянием которых она может проявлять свойства, отсутствующие у составляющих её элементов. Приобретая, таким образом, качества синергетической системы, личность предстаёт как *относительно* устойчивое открытое, нелинейное, диссипативное образование (см., например, [Пищальникова 2001, с. 112; Синергетике...2000])¹.

Данные качества в полной мере относятся и к языковой личности, характеризующей в самом общем смысле человека как носителя языка. В таком понимании языковая личность традиционно ассоциируется с двумя феноменами: 1) с любым носителем языка, «охарактеризованным на основе анализа произведённых им текстов с точки зрения использования в этих текстах системных средств данного языка для отражения видения им окружающей действительности и достижения определённых целей»; 2) с комплексным способом описания языковой способности индивида, соединяющим системное представление языка с функциональным описанием текстов [Караулов 1999, с. 156]. Языковая личность признаётся

1. Синергетика - одно из многочисленных направлений, исследующих сложные системы. Возникнув в античной философии, представления о системе развивались на протяжении веков. Первой попыткой провести обобщённый анализ системной проблематики явилась вышедшая в 1950 году статья Людвиг фон Бергаланфи «An outline of general system theory». Немецкий физик Г. Хакен, который в 1969 году ввёл в своих лекциях термин «синергетика» для обозначения в междисциплинарных исследованиях понятия «учение о взаимодействии», поясняет, что заимствовал его из греческого, где он означал «сотрудничество, содружество». Учёный вспоминает: «Я искал такое слово, которое выражало бы совместную деятельность, общую энергию что-то сделать, так как системы самоорганизуются, и поэтому может казаться, что они стремятся породить новые структуры» [«Синергетике...» 2000, с. 53].

Характеризуя сложную систему как систему *открытого* типа, мы имеем в виду её способность реагировать на возникающие внутренние и внешние воздействия. *Нелинейность* системы связывается с её способностью качественно изменяться под воздействием множества причин, находящихся между собой в сложных взаимодействиях. *Диссипативность* системы отражает её способность «забывать, терять» следы воздействий одних и тех же внешних факторов (См. [Пищальникова 2001, с. 112]).

многокомпонентным, структурированным образованием, которое представляет собой различные степени готовности индивида к речевой деятельности, к производству и восприятию речевых произведений.

В лингводидактике языковая личность связывается с *родовым* свойством человека, с его способностью пользоваться языком безотносительно к национальным особенностям конкретного языка. В рамках этого направления определены содержание и структура языковой личности, отмечается её динамический характер, что проявляется в уровнях её развитости - уровне правильности, интериоризации, насыщенности, адекватного выбора и адекватного синтеза. Здесь же сформулированы аргументы в пользу того, что типы понимания текста - семантический, когнитивный и распрямечивающий - соотносимы с перечисленными уровнями [Богин 2002, с. 29-31, 41-66].

Ю.Н. Караулов в своей концепции русской языковой личности выдвигает на первый план её способности и интеллектуальные характеристики и, напротив, определяет такую личность как глубоко *национальный* феномен. Соответственно, на всех уровнях структуры такой личности присутствует относительно устойчивая во времени инвариантная часть, связанная с опытом отдельной нации, передающимся из поколения в поколение. Вариативные, переменные части структуры достраивают языковую личность от базовых, фундаментальных её составляющих до конкретно-индивидуальной реализации [Караулов 2002, с. 42].

Можно предположить, что для более конкретной референтной группы языковой личности, для личности билингвальной, «вторичной», более того, профессионально ориентированной на перевод, элементы базисной и вариативной частей приобретут дополнительную актуальность, видоизменив и дополнив содержание национальной личности, продвигая её в разряд *интернациональной*. С учётом иерархии мотивов и под воздействием гетерогенных влияний внешней среды все структурные уровни личности,

языковая способность индивида могут перестраиваться, а сама личность, благодаря сознательному и целенаправленному сочетанию задействованных сил и энергии, приобретает новые качества виртуального органа, способного обеспечить успешную координацию и гармонию своего функционирования.

Мы считаем возможным представить **модель переводческой языковой личности**, обусловленную характером посреднической деятельности, в которой участвует индивид. Моделирование, как известно, представляет собой «искусственно созданное исследователем реальное или мысленное устройство, воспроизводящее, имитирующее своим поведением (обычно в упрощенном виде) поведение какого-либо другого (настоящего) устройства (оригинала) в определённых целях» [ЛЭС 1998, с. 304]. Моделирование объекта - один из способов его познания, при котором выделяются некоторые, интересующие человека свойства объекта, что уже предполагает такие общие принципы модельного познания, как «*субъективная объективность*» и «*исходная неполнота*», логически связанная с существованием ещё одного принципа - «*бесконечности познания*» [Леонтьев 1997, с. 10]. Среди других принципов моделирования, выделяемых различными учёными, наиболее часто называются: *изоморфность* формы модели оригиналу, перенос информации, полученной из упрощенной модели на оригинал, *верификация* модельной информации (более подробно об этом см. [Бутакова 2001, сс. 36-42; Вартофский 1988, Леонтьев 1997, Фрумкина 2001, Штофф 1962]).

В нашем случае эта модель - *психолингвистическая*. Её объектом является языковая способность индивида, осваивающего специфический вид речевой деятельности – письменный перевод. Такое исследование соотношения языковой способности с сознанием/мышлением и личностью, по мнению А.А. Леонтьева, характеризует один из аспектов эволюции взглядов на предмет современной психолингвистики, которая все чаще обращается к «соотношению личности со структурой и функциями речевой деятельности, с

одной стороны, и языком как главной «образующей» образа мира человека, с другой» [Леонтьев 1997, с.19].

3.1. Переводческая личность как функциональный орган

Человек и окружающий его мир необычайно сложны, и специфические черты каждой из взаимодействующих величин влияют на их связь с языком. Характер таких связей во многом определяется дифференциацией самого понятия «человек». При потенциально бесконечной возможности дифференциации представляется правомерным следующее выявление различных планов существования человека:

- *общий, биологический*, когда человек как *homo sapiens* и *homo loquens* выступает представителем людского рода, наделённым совокупностью биологических, физических, физиологических, психологических и других сущностных характеристик, предопределяющих его поведение;
- *социальный*, когда он выступает как существо общественное, представитель социума, народа, цивилизации, связанного с языком (языками), которые он использует, выполняя предназначенную ему социальную роль;
- *личностный, индивидуальный*, когда человек предстаёт как конкретная неповторимая личность с присущими ей гетерогенными свойствами [Кубрякова 1991, с. 16].

Все перечисленные планы важны, взаимосвязаны и дополняют друг друга онтогенетически. Тем не менее для нас, как уже отмечалось, на первый план выходит индивид, наделённый особой ролью субъекта профессиональной деятельности. При этом в центре внимания оказывается не только образ мира, виды и формы сознания, особенности ментального лексикона, обусловленные его принадлежностью к определённой

профессиональной культуре (ср. [Леонтьев 1997, с. 273; Петренко 1997, с. 38; Харченко 2000 и др.]). Не меньшего внимания заслуживает и изучение активной деятельности его сознания, т.е. мышления, механизмов и деятельностных стратегий, связанных с реализацией стоящих перед ним задач, так как в ходе этого процесса формируются психические характеристики, создающие предпосылки и условия, «сплавы психических функций», способствующие становлению новых «функциональных органов» человека (см. работы А.А. Ухтомского, Г.Г. Шпета, В.П. Зинченко, А.А. Леонтьева), которые оптимизируют любой вид деятельности. *Качества такого «органа», на наш взгляд, и приобретает личность, языковая личность переводчика.*

Идея именно функциональных, а не анатомических органов впервые была сформулирована А.А. Ухтомским в учении о доминанте. В его понимании орган - это механизм с определённым однозначным действием. По своей природе он динамичен и подвижен. «Органом может служить, по моему убеждению, и с моей точки зрения, *всякое сочетание сил*, могущее привести при прочих равных условиях всякий раз к одинаковым результатам» [Ухтомский 2002, с. 124] (курсив мой. - Т.П.)

Деятельность функционального органа объясняется закономерностями работы нервной системы, симптомокомплексом доминанты, которая представляет «более или менее устойчивый очаг повышенной возбудимости центров, чем бы он ни был вызван, причём вновь приходящие в центры возбуждения служат усилению (подтверждению) возбуждения в очаге, тогда как в прочей центральной нервной системе широко разлиты явления торможения» [Там же , с.39]. В физиологии доказано, что в условиях нормального взаимоотношения со своей средой организм связан с ней тесными связями: чем напряжённее его работа, тем больше энергии он вовлекает в свои процессы, следовательно, на «высоте своего действия» нервная система включает в сферу работы организма максимальное количество энергии из среды, в том числе и из тех участков, где разлито

торможение. Естественно, функциональные органы виртуальны, это своего рода новообразования, они проявляются лишь в процессе исполнения.

Учение о доминанте как *физиологической* основе существования функциональных органов дополняется *психофизиологическими* положениями теории функциональных систем П.К. Анохина. Учёного интересовали такие системы, которые способны к высокой самоорганизации. «Системой можно назвать только комплекс таких избирательно вовлечённых компонентов, у которых взаимодействия и взаимоотношения принимают характер взаимодействия компонентов для получения фокусированного *полезного результата*» [Анохин 1978, с. 72] (курсив мой. - Т.П.). В такой системе «отдалённые разнообразные импульсы нервной системы объединяются на основе одновременного и соподчинённого функционирования» [Анохин 1980, с. 53]. Понятие *результата* является доминирующим фактором в теории функциональных систем, стабилизирующим их организацию. Результат достигается не простыми взаимоотношениями между компонентами системы, не их жёстким структурированием, а напротив, динамической изменчивостью, пластичностью и мобилизуемостью входящих в систему структурных компонентов. Формирование функциональных систем обусловлено способностью живых организмов реагировать на изменения в окружающем мире посредством приспособительных реакций, одной из форм которых П.К. Анохин называет опережающее отражение действительности.

Такое отражение в механизме саморегулирования проявляется в трёх разновидностях: 1) в предвосхищении действительности - как универсальный принцип приспособления организмов к изменяющимся условиям среды; 2) в предвосхищении результата действия, что соотносимо с моделью «желаемого будущего» Н.А. Бернштейна, с известным в психологии «образом результата»; 3) в предвосхищении действия - как образ самого действия, обеспечивающего достижение результата.

Таким образом, получение результата, опережающее отражение действительности, динамичность - основные черты любой функциональной системы и сформированного на её основе «функционального органа». Отметим, что в данном случае в понятии *функциональности* профилируется сравнительно новый оттенок значения для лингвиста. Оно (понятие) включает не только традиционные, находящиеся в отношении дополнительности - телеологический (цель) и каузальный (детерминированное соответствие) - аспекты (См. об этом: [Бондарко 2002, с. 21]). Истолкование «функциональности» приобретает качества, соотносимые с логико-математическими традициями, где функция определяется как «*зависимая переменная величина*», регулируемая изменением другой величины - аргумента [СЭС 1980, с. 1449]. Отсюда функциональность, представляя онтологической характеристикой языковой личности как функционального органа, *отражает способность личности в зависимости от средовых условий проявлять/образовывать новые свойства в процессе своего функционирования для осуществления определённого достижения.*

Функциональность является и онтологической характеристикой речевой деятельности, в которой участвует личность. В постоянной смене позиций индивид выступает то в качестве «означивающего аппарата» (У. Эко), высвечивающего смысл сообщения, то в качестве его продуцента, демонстрируя творческий характер речевой деятельности, сотканный из потенциала языковых знаков, проявлению которого способствуют неистощимые креативные возможности их пользователей. При этом творчество квалифицируется не только как лексико-семантические или лексико-грамматические преобразования. Творчество обусловлено и может опираться на познавательный опыт говорящего. Оно представляет собой преобразования, порождаемые «не значением, а жизнью», причём жизнью не только отдельного человека, содержанием не только отдельной концептуальной системы, но концептосферой нации, которая, как однажды

заметил Д.С. Лихачёв, соотносима с культурным опытом народа [Лихачёв 1996, с. 156]. В результате такого творчества появляются смыслы - речевая деятельность предстаёт *речесмыслопорождением*.

Интуитивно известные, но мало обследованные «правила сложения смысла, дающее не сумму смыслов, а новые смыслы», о которых в начале прошлого века писал Л.В. Щерба [Щерба 1974/1931, с. 24], только в конце его стали объектом последовательного изучения. Привлекая аппарат когнитивных наук (активизацию фреймов, концептуальную интеграцию, взаимодействие ментальных пространств), исследователи, например, композиционной семантики пытаются объяснить возникновение новых значений и смыслов комплексных знаков разного порядка. Неаддитивность смыслов, проявляемая в переводе, подтверждает представления о том, что если речевые реализации с течением времени и могут привнести изменения в семантический потенциал языковой единицы, то сами они не находятся в отношении жёсткой детерминации с существующим в системе языка назначением единицы.

Показательны в этом плане рассуждения А.В. Смирнова. *Перевод слов, составляющих арабскую фразу *байна ан-нар ва ал-ма*, означает «между огнём и водой».* Проводя логический анализ фразы, учёный приходит к выводу, что по-русски она лишена смысла. *«Между огнём и водой означает там, где огонь соединяется с водой.* Но если огонь соединится с водой, не станет ни огня, ни воды. Да и где же он с ней соединяется? Мы получили «значения», «смысл» которых стал нам ещё менее понятен. Какой вещи соответствуют эти значения, т. е. переводя только значения, мы никогда не достигнем имеющегося здесь смысла «нагретость воды» (Цит. по: [Валгина 2003, с. 248]).

И семантические, и переводческие изыскания приводят к аналогичному выводу: создаваемый в обоих процессах новый смысл *предопределён* не семантической, а концептуальной структурой анализируемой языковой единицы в сознании коммуниканта, и его понимание может требовать выхода за пределы знака. В то же время, если значение воспринимать в его

когнитивной интерпретации, где оно характеризуется как «стабильно-нестабильная», «устойчивая, но принципиально динамическая структура, реализующая определённый способ познания действительности» [Пищальникова 2001, с. 35], то значение как раз и выступает основой смыслопорождения, одновременно ограничивая исследовательский «произвол». Динамическая структура значения предполагает множественность заложенных в ней смыслов, которые обнаруживаются в процессе речепорождения в определённой коммуникативной ситуации.

Таким образом, в речевой деятельности наряду с конвенциональным содержанием языковых знаков рождаются смыслы, понимание которых требует выводных знаний, обращения к механизмам инференции. Смыслы, подлежащие переводу, актуализируются в речевой деятельности по законам знакообразования, с привлечением альтернативных когнитивных моделей и языковых средств переводящего языка, наилучшим образом отвечающих целям коммуникации.

Если в речи тождественные с точки зрения семантической структуры языковые единицы репрезентируют разные смыслы в зависимости от среды своего обитания, в качестве которой выступает концептуальная система, и шире, культура коммуниканта, то справедливо предположить, что определённые свойства единиц языка способны проявляться лишь в определённых условиях. Подобно тому, как свойства физических объектов относительно к условиям наблюдения, содержание языковых единиц также оказывается обусловленным «измерительными» устройствами при установлении их свойств. В качестве измерителей выступают концептуальная система индивида, его языковая личность. Ср.: «Вместо жёсткой идеализации, видимо, можно, вслед за физиками, и лингвистам принять представление об *относительности свойств лингвистических объектов к средствам наблюдения*, активно используя понятия вероятности и потенциальной возможности» [Герман, Пищальникова 1999, с. 23]. Однако для целей нашего

исследования более важным является тот факт, что *относительными оказываются и свойства самих «измерителей»*. Так, личность, участвующая в речемыслительной деятельности, предстаёт лишь как относительно устойчивая система, детерминированная рядом иерархически организованных мотивов. Но в определённых условиях, в состоянии «избытка недостатка» (Ж. Батай) личность способна переструктурироваться, она открыта для совершенствования и оптимализации своих способностей, а также для формирования новых качеств и функций. Это проявляется, например, в действии сложного *психофизиологического механизма*, одного из структурообразующих факторов в личности переводчика, который Л.В. Щерба определил как *речевую организацию* человека. Отечественная психолингвистика отождествляет этот механизм с *языковой способностью*.

В обобщённом определении А.М. Шахнаровича языковая способность представлена как многоуровневая иерархически организованная функциональная система элементов и правил их выбора, формирующаяся в психике носителя языка в процессе онтогенетического развития [Шахнарович 1983, с. 182; 1998, с. 617]. Последовательное сравнение мнений, высказываемых по поводу объёма понятия, вкладываемого в термин, позволяет выделить следующие уточняющие черты этого механизма, лежащего в основе деятельности языковой личности. Он обеспечивает владение и овладение языком (А.А. Леонтьев), представляет потенциальную готовность носителей языка к пониманию и производству речи (Г.И. Богин), при этом предречевая готовность находится в постоянно действующем, динамическом состоянии (Ю.Н. Караулов). Языковая способность - способ хранения языка в сознании (А.М. Шахнарович), где приобретённый речевой опыт предстаёт ментальным продуктом в форме концептов и стратегий пользования ими (А.А. Залевская). Одним из выводов, который можно сделать, суммируя перечисленные черты, заключается в том, что языковая способность - система ментальных правил, факт ментального уровня,

результат обобщённого динамического речевого опыта. Помещённая в качестве центрального компонента в триаду «стандарт - механизм - реализация», языковая способность обладает принципиальным отличием от двух остальных. Если с некоторой долей условности принять деление мира на внешний и внутренний, то данный феномен принадлежит не к внешнему (экстериоризованному), а к интериоризованному проявлению языка. Механизм в данном случае понимается не только как устройство (статический аспект), но и как процесс (динамический аспект), «устройство, предназначенное для осуществления определённых процессов, обладающее возможностями, которые определяются материальным субстратом - мозгом» [Залевская 1999, с. 51].

Для представления интериоризованного языкового опыта в современной лингвистике используются два разных термина - языковая способность и внутренний/ментальный лексикон. Эти термины разграничиваются. Отмечается, что первый - языковая способность - характеризует то, что умеет делать человек с находящимися в его распоряжении данными о языке, как умеет использовать их. Второй - ментальный лексикон - является частью человеческой памяти, так или иначе связанной с обработкой информации в вербальной форме [Кубрякова 2004, с. 379]. В то же время встречается и недифференцированное употребление терминов, например: «...внутренний лексикон (языковая способность) должен быть не только статической системой для быстрого и простого извлечения структур знаний, <...> но и активной системой обработки всей этой информации» [Там же, с. 219] (подчёркнуто мною. - Т.П.). Такое пересечение двух понятий акцентирует образ слова в коммуникативном и познавательном процессах, подчёркивает значимость ментального лексикона как компонента языковой способности, в равной степени и монолингва, и билингва. В обоих случаях слово реализует одно из своих главных предназначений. В формулировке Р.И. Павилёниса, оно заключается в том, что «манипулируя вербальными

символами, человек получает возможность манипулировать концептами системы» [Павилёнис 1983, с. 113].

Вместе с тем информация, привносимая словом в сознание индивида, разнится в зависимости от его монолингвального или билингвального статуса. Она претерпевает дальнейшую дифференциацию в зависимости от профессиональной принадлежности билингва. Для переводчика слово - главный инструмент его деятельности, хотя среди методик перевода есть и такие, которые призывают отойти непосредственно от слова ИЯ, увидеть за ним ситуацию. Предполагается, что таким образом можно оградить перевод от интерференции и создать условия для творчества. В определённой степени, это действительно так. Однако, как справедливо напоминает автор «Моего несистематического словаря», «в начале было слово», «чтобы отстраниться от слова, подняться над ним, надо сначала, как минимум, овладеть его смыслом» [Палажченко 2003, с. 8]. Но владение смыслом, степень «погружения» в него у переводчика и «обычного» билингва также отличны. Более того, переводя стандартный, не содержащий лакун текст *для себя*, можно обойтись без образов языковых знаков. Напротив, обработка информации, направленной вовне, подлежащей передаче *другому*, что, собственно, и составляет суть переводческого посредничества, должна воплотиться в слове и оформиться принятыми для переводящего языка способами.

Для этого переводчик-билингв прибегает к особым способам организации своей деятельности. Он осуществляет рефлексю над словом, его местом в ментальном лексиконе говорящих на исходном языке. Рождение смысла, поиск альтернативных вариантов его воплощения на языке перевода в большинстве случаев сопровождается одновременным *намеренным* выведением на «табло сознания» образов слов двух языков. То, что традиционно рассматривается в качестве помехи, несовершенства языковой способности билингва по сравнению с монолингвом (ср. *неконструктивный билингвизм*), в процессе перевода приобретает качество специфической

формы активности. Ориентируясь на конечную цель, предвосхищая её, переводчик целенаправленно организует свои действия, т. е. прибегает к определённым *деятельностным стратегиям* - «способам самоорганизации личности в процессе деятельности» [Гусев 2003, с. 28].

В подобной ситуации стратегия предстаёт не простым набором действий по обработке информации, а активной функцией личности, организующей свою деятельность в соответствии с образом результата и избирающей для этого оптимальные пути. Такое понимание стратегии хорошо согласуется с предлагаемой дальнейшей дифференциацией понятия «языковая способность» и введением двойного обозначения: «языковая способность» и «когнитивная компетенция», которые находятся в отношениях дополнительности и являются двумя сторонами одного феномена для профессионального, особенно формирующегося билингва (см.: [Пищальникова 2003; 2004; Яковченко 2003]). В предложенной концепции «языковая способность», в соответствии с общепринятыми подходами, актуализирует готовность индивида к усвоению языка, принципиальную вербализуемость ментального содержания. «Когнитивная компетенция» как раз и делает акцент на том, что билингв владеет совокупностью когнитивных стратегий, способствующих осуществлению речевой деятельности, то есть выделяется операциональная природа данного механизма. Этот аспект языковой способности переводчика-билингва крайне важен, так как в этом случае часто «неосознаваемые носителями языка механизмы функционирования языковой способности попадают в фокус сознания, становятся элементами метакогнитивного анализа» [Пищальникова 2004, с. 165]. Поясним, речь идёт о метасознании переводчика по отношению к участвующим в коммуникативном акте продуценту и конечному реципиенту. Однако результаты переводческого анализа, воплощённые в тексте на переводящем языке, приоткрывают опосредованный доступ к путям и

стратегиям самого переводчика, к тому, что воспроизводит эвристику его деятельности.

Итак, в модели языковой личности переводчика-билингва постоянно развивающийся механизм вербализации ментального содержания может быть представлен тремя взаимодействующими, взаимодополняющими друг друга компонентами: *ментальным лексиконом, когнитивной компетенцией* и собственно *языковой способностью*. Схематически это может быть представлено следующим образом:



Схема 5. Схема составляющих механизма вербализации в языковой личности переводчика-билингва

Переводческий процесс, как и любой мыслительный процесс, проходит несколько этапов. «Мышление возникает, когда есть мотив, и субъект оказывается в ситуации, относительно выхода из которой у него нет готового решения, т. е. есть задача (некая цель)» [Лурия 1973, с. 310]. Перевод - часто задача, в которой отсутствуют стереотипные решения. Это предопределено самой природой перевода, на специфику которой не раз указывали специалисты (см., например [Зимняя 2001, Климова 2002] и др.), связывая её: а) с *опосредованностью мотива переводческой деятельности* - переводчик удовлетворяет не собственную потребность в общении, а других людей; б) с *опосредованным характером этого вида деятельности*, в котором замысел, заданный продуцентом, должен воплотиться для переводчика в смысле этого текста; в) с *отождествлением перевода и межкультурной коммуникации*, что отводит переводчику роль посредника в общении разных этнических сознаний и, как следствие; г) с *выводным характером содержания знаков, передающих культурноспецифическую информацию*.

Таким образом, если диалогичная по природе речевая деятельность предполагает в своей структуре возникновение индивидуальных, случайных смыслов или их компонентов, что придаёт ей характер нестабильности, то приведённые особенности переводческой деятельности обуславливают ещё большую подвижность смыслов в процессе их встречного восприятия и порождения переводчиком. В переводе регулярно возникают условия и ситуации, в которых нарушаются «традиционные предписания» об употреблении языковых единиц, ощущается непрояснённая смысловая воспринимаемой и продуцируемой речи. За счёт поступления новой, нестереотипной, не соотносящейся с содержанием языкового сознания реципиента информации, возникают различного рода лакуны, ведущие к затруднениям в организации коммуникативного процесса. В подобных ситуациях вступает в действие когнитивный диссонанс (*cognitive dissonance*) [Festinger 1957], суть которого, применительно к переводу, заключается в том, что переводчик начинает испытывать отрицательные эмоциональные переживания из-за несоответствия между ожидаемым, между своими представлениями и их воплощением в действительность (см.: [Воскобойник 2004, с. 25; Каплуненко 1999]).

Под воздействием всех этих гетерогенных внешних факторов неизбежны изменения в концептуальной системе переводчика, в его языковой личности, в конституирующих её компонентах. Известно, что в норме составляющие речемыслительного процесса адаптированы к выполнению своих функций, а любые конфликтные изменения в его протекании могут вызвать последствия прямо противоположного рода: от полного прекращения попыток извлечь какую-либо информацию из текста («интерпретативная прострация») до максимальной мобилизации всех элементов систем, задействованных в речевой деятельности, на достижение положительного результата. Мыслительная деятельность профессионального переводчика пойдёт по второму пути, мыслительные процессы начинающего должны

формироваться для движения в том же направлении. Основания для желаемого, но, на первый взгляд, интуитивного утверждения присутствуют в современных когнитивных, психолингвистических и нейробиологических подходах к познавательным процессам, в которых с разных точек зрения и с разных исходных позиций формируются близкие концепции, раскрывающие механизм того, почему одинаковые стартовые условия «равно допускают прямо противоположные решения» [Базылев 1998, с. 30]. В этих подходах акцентируется единство различных когнитивных способностей человека (G. Lakoff; G. Lakoff and M. Johnson; В.З. Демьянков, Е.С. Кубрякова), неразрывность тела и эмоций, направляющих не только деятельность человеческого сознания, но и подсознания (Н.А. Бернштейн, Ф.Е. Василюк, А. Дамазио, А.А. Залевская, В.П. Зинченко, G. Lakoff), нецелесообразность попыток выстраивания иерархии различных видов познавательной деятельности, так как каждый из них имеет свою адаптивную способность, а все виды организуются по типу функциональных систем (А.А. Ухтомский, П.К. Анохин, В.А. Пищальникова).

Наше предположение о том, что развитие языковой способности переводчика пойдёт по благоприятному пути, основывается не только на внешних факторах. Такое движение осуществляется в неразрывном единстве внешнего и внутреннего. Интересны в этом плане наблюдения В.З. Демьянкова, согласно которым любая модификация в когнитивных процессах, связанных с текстовой деятельностью, детерминирована не только сигналами возникшей лакуарности или неустойчивости задействованных элементов. По мнению учёного, для такой модификации требуется нечто большее: «Необходимы ещё: намерение понять речь и готовность к самоусовершенствованию. Это намерение тем сильнее, чем больше *аффективная окраска, аффективный аккомпанемент интерпретации речи*» [Демьянков 1994, с. 29] (выделено мною. - Т.П.).

Аффективная окраска - постоянная сопутствующая переводческого посредничества. Внешне она обусловлена непосредственным и публичным характером его развёртывания и оценки, часто происходящих с позиции «здесь и сейчас». Мыслители прошлого (Б. Спиноза) определяли аффект как ансамбль, включающий посыл (драйв), мотивацию, эмоцию и чувства. Увязывая чувства с разумом, а эмоции, эмоциональные реакции, с телом, нейробиологи высказывают предположения о совместном функционировании в нормальных условиях тела, мозга и разума на том основании, что они выступают манифестациями одного и того же организма (см. обзор работ американского нейробиолога А. Дамазио в [Залевская 2005]). В настоящее время отсутствует возможность объяснить, каким образом нейронные паттерны (мозга) превращаются в ментальные образы - идеи, мысли (сознающего разума). Однако доказано, что активность структур тела (например, эмоций) вызывает в нём мгновенные структурные изменения. Карты этих изменений, передаваемые различными сигналами по различным путям, конструируются в виде нейронных паттернов, которые базируются на мгновенном выборе нейронов и цепей в соответствующих участках мозга. Нейронные карты (паттерны) становятся ментальными образами, и любые изменения первых ведут к изменению последних.

Об энергийном основании деятельности, об энергии преодоления, применительно к восприятию и порождению художественного текста, говорят и психолингвисты, обращаясь к понятию «эмоциональная напряжённость», под которой понимается «непосредственно-чувственное переживание субъектом несоответствия между его жизненно важными потребностями и явлениями действительности или вероятностью успешной реализации деятельности, отвечающей потребностям субъекта» [Э.Л. Носенко, цит. по Пищальникова 1993, с. 68]. В такой ситуации эмоция выступает субъективной формой мотивации, процесса, в ходе которого с помощью совокупности различных условий осуществляется целенаправленная активная деятельность

индивида, связанная с удовлетворением его потребностей. В ситуации переводческой напряжённости при нарушении эмоционального баланса переводчик стремится выйти из создавшегося затруднения. Здесь вступает в силу принцип доминанты, расширяется сфера разных генетически и функционально систем, и перевод демонстрирует ярко выраженный синергетический характер, основной принцип которого заключается в подчинении всех элементов сложной системы наиболее неустойчивому элементу (см. об этом: [Герман, Пищальникова 1999; Губернаторова 2003; Клюканов 1999 и др.]). В модели механизма вербализации переводческой языковой личности каждый компонент под воздействием системы мотивов и характера организации ментальных процессов, детерминированных этими мотивами, влияет как на коррекцию и объём информации, индуцированной словом Я1 и Я2, так и на динамику спектра доступных переводчику вербально-когнитивных стратегий пользования информацией, на усовершенствование самих стратегий, их оптимизацию.

Таким образом, в процессе перевода стягиваются воедино многочисленные гетерогенные факторы, стимулирующие переводческое мыслеречевосприятие и мыслеречепорождение. Однако какие бы сложные процессы ни происходили, все они индуцируются и направляются *мотивационной, конструктивной деятельностью языковой личности переводчика*, приводящей в движение, активизирующей разноплановые функциональные системы человеческого организма, эффективность деятельности которых осуществляется только при максимальной гармонизации этих систем. Смена мотивов деятельности приводит к появлению случайных компонентов в личности-системе переводчика, что переструктурирует систему и способствует приобретению ею новых качеств. В процессе профессиональной деятельности все психические функции переводчика организуются для создания оптимизирующих стратегий по операциям с информацией, для доступа к сложным комплексам ментального

лексикона, для совершенствования его языковой способности. В такой ситуации переводческая личность и предстаёт особым «функциональным органом», сочетанием сил, призванным снять «избыток недостатка».

3.2. Взаимосвязь освоенности языковой единицы переводчиком и её передачи на язык перевода

Конструирование переводчиком интегративных когнитивных структур и моделей, с помощью которых осуществляется его деятельность, связывается прежде всего со *знанием* им слов *Я1* и *Я2*, а также с близкими, пересекающимися проблемами *их освоения*. Существующие противоречия и дискуссии по поводу неоднозначности понятий «знание слова», «освоенность» языковой единицы» получили подробное критическое освещение в работе А.А. Залевской и И.Л. Медведевой [Залевская, Медведева 2002]. Для перевода наиболее целесообразным и продуктивным оказывается подход к данным явлениям, предлагаемый современной психолингвистикой и когнитивистикой. Оба направления в качестве исходных обращаются к известным идеям Ч. Пирса, А.А. Потебни, Э. Сепира о символизме знака, суть которых заключается в том, что слово-знак не обозначает, а намекает, подсказывает, будучи закреплённым за образом, оно каждый раз указывает лишь на отдельный компонент образа. Следовательно, при интерпретации, переводе, особенно культурноспецифического содержания, задействована вся концептуальная система переводчика, вся информация, которую он получил, наблюдая и сравнивая культуры, выделяя в них специфическое - универсальное - специфическое (*emic-etic-emic*).

В современных когнитивных теориях эта идея реализуется в признании того, что языковое выражение может репрезентировать сколь угодно объёмную совокупность знаний говорящего индивида [Кубрякова 2004, с.

348], что значение - это концепт, связанный знаком, и трансформированный его ролью в речемыслительном процессе [Никитин 2003, с. 174].

Для психолингвистов Тверской школы знание слова - это знание всего того, что вкладывает *индивид* как представитель вида в значение слова. Эти знания формируются не только в процессе речевой деятельности под воздействием внешнего (вербального или ситуативного) контекста, но и в ходе всей жизни, под влиянием внутреннего контекста, «перцептивно-когнитивно-аффективного» по своей природе. Согласно концепции А.А. Залевской, слово - единица ментального лексикона, оно служит средством доступа к единой информационной базе человека и является средоточием его многогранного опыта [Залевская 1999, 1999а].

Сходные идеи заложены в когнитивной теории значения В.А. Пищальниковой [2001, с. 34-38], в интегративной модели интерпретации концепта [2003, с. 7-11], где наглядно показано, каким образом содержание языкового знака последовательно конструируется на основе разноаспектной информации, предоставляемой несколькими филологическими дисциплинами. *Традиционная лингвистика*, объектом которой является система языка, т. е. язык как лингвистическая реальность, привносит в неё данные о языковых структурах, полученные на основе анализа стабильного соотношения знака со стабильными вербальными ассоциациями. *Когнитивная семантика*, исследующая когнитивные структуры (структуры знания в сознании индивида), сосредоточена на стабильных корреляциях между этими структурами и структурами языка. Когнитивная структура, организованная по принципу функциональных систем, представлена рядом когнитивных признаков, каждый из которых в процессе смыслопорождения или восприятия может стать актуальным (доминантным, смысловым) (ср. с понятием акцентного статуса Е.В. Падучевой или профилирования Р. Лангакера). Результаты *ассоциативных экспериментов* свидетельствуют о том, что в обыденном сознании носителей языка в процессе речевой деятельности могут актуализироваться и

продвигаться к доминантной позиции не только стабильные признаки, связанные с определённым концептом, но и «случайные», периферийные. Они накапливаются в когнитивной структуре, стабилизируются в ней и способны либо изменить эту структуру, либо наметить направление её вероятностного развития (см. об этом: [Лукашевич 2002]). *Психолингвистика* также дополняет модель значения данными о соотношении мотивационно-эмоциональных аспектов в речевой деятельности индивида, связывая их с его личностным смыслом и словом, в котором совершается этот смысл.

Таким образом, исследователи разных направлений сходятся во мнении о том, что индивид владеет словом, если за застывшей статьёй словаря встаёт реальный мир, заполненный совокупностью знаний, превращающих слово в *живую* единицу речи. Такое слово прошло «стадию «вживления» в ментальный лексикон, оно «переживается», и у него образуются многочисленные связи с единицами речевой организации, что обеспечивает успешность его функционирования в процессах познания и общения» [Медведева 1999, с. 174].

У искусственного билингва опыт слова иностранного языка, формирование его образа, установление многочисленных связей с другими единицами ментального лексикона не складывается, как уже отмечалось, в процессе социализации, а «жизнь» слова, его интериоризация является результатом *сознательного* кумулятивного процесса - накопления информации о знаке в речевой деятельности.

Природа мыслительной деятельности и условия, в которых протекает перевод, способствуют тому, что этот процесс нередко определяется как догадка, озарение, неожиданный вывод и т. д. Отмечается, что многие переводческие решения не основываются на сознательном сопоставлении фактов, что нередко сам переводчик не способен обосновать их логически, отсюда делается вывод о приоритете интуитивно - эвристического в этом виде деятельности (Л. Хьюсон и Дж. Мартин). Однако в подходе к вопросам

переводческой интуиции мы солидарны с немецким переводоведом В. Вилссом, а также с В.Н. Комиссаровым, которые с разных позиций, оперируя разнопорядковыми аргументами, сходятся во мнении о том, что в процессе перевода используются как эпистемические знания, хранящиеся в памяти переводчика, так и эвристические. Интуиция перевода - лишь одна сторона проявления профессиональной компетенции переводчика [Комиссаров 1996, с. 95, 99].

Более того, представляется, что интуиция искусственного билингва может существовать только в форме *хорошо тренированной* интуиции, хотя подобное определение вступает в противоречие с сущностными свойствами интуиции как психологической функции, в которой восприятие осуществляется бессознательным путём. На наш взгляд, указанное противоречие разрешается, если обратиться к известным уровням осознаваемости, на которых осуществляется речемыслительная деятельность. Обычно исследователя привлекает уровень актуального сознания, где, по образному определению А.А. Залевской, «осознаваемое как вершина, как пик огромного айсберга опирается на массивную платформу того, что за пределами актуализируемого обеспечивает его осмысление» [Залевская 2003, с. 37]. Однако и интуиция, по определению связанная с бессознательным и неосознаваемым, также покоится на платформе, но на платформе некогда воспринимаемого и осознаваемого. Это ситуация, когда на «табло сознания», в его «светлой зоне», неожиданно вырисовывается то, что лишь косвенно связано с предшествующим опытом, с имевшими место интеллектуальными размышлениями, с «припоминанием» того, что существует в ментальном лексиконе в виде отдельных следов, ещё не сложившихся в мнемонические структуры. Под влиянием мотивационно - эмоциональных процессов отдельные кванты информации способны стихийно организоваться для участия в смысловосприятии и/или смыслопорождении.

Развитию интуиции, как и знанию слова, предшествует процесс аккумуляции, расширения информации о слове, создание креативного поля интерпретации, в котором синергетически порождается новая система смыслов. Это осуществляется с помощью комплекса методов, среди которых присутствует анализ сочетаемостных свойств слова, его ассоциативных связей. В условиях, когда Я2 усваивается без обильной речевой практики, данные об ассоциативной структуре слова, получаемые путём обращения к ассоциативным словарям или результатам ассоциативных экспериментов, особенно актуальны для формирования языковой способности билингва. Ю.Н. Караулов отмечает что такая информация, «предостережёт переводчика от лёгкого пути кажущихся «прямых» соответствий, напомнив, что специфика национального сознания и национальной культуры кроется подчас в самых простых и безобидных, на первый взгляд, выражениях» [Караулов 1994, с. 215].

Особенно наглядно это проявляется в текстах делового и публицистического характера с директивной направленностью, в которых ярко раскрываются идиоэтнические черты сознания представителей отдельного этноса. Среди таких текстов различные обращения, воззвания, новостной, предвыборный, политический дискурс со сложившимся набором дискурсивных тактик, грамматических приоритетов, ключевых единиц, важных для понимания особенностей культуры народа, который пользуется этим языком. По данным А.Д. Шмелёва [Шмелёв 2002], актуальная для этих жанров рубрика «философия жизни» в русской языковой картине представлена следующими лексическими единицами: *правда, справедливость, долг, обязанность, судьба*. Имеющиеся в нашем распоряжении тексты вышеуказанных жанров, связанные с реалиями американской действительности, позволяют выделить слова, важные для понимания жизненной позиции американца. Среди них, например: *aspiration, challenge, commit(ment), community, frontier, diversity, encourage, endeavor, motivated,*

tolerance, etc. Эти единицы представляют коллективное знание социума, актуальное для него в определённый отрезок времени. Став частью ментального лексикона индивида, войдя в его сознание, такие слова не только «отражают», но и «формируют» образ мышления носителей языка. Следовательно, обращение к ним потребуют от переводчика определённых рефлексивных операций, связанных с мобилизацией его языковой способности и коммуникативной компетенции. Обратимся к конкретным примерам.

Информация о лексическом значении, заложенная в семантической структуре существительного *challenge*, представлена в словарях несколькими лексико-семантическими вариантами. Так, *challenge* - 1. *A call to engage in a contest* [AHD]; *1 invitation or call to play a game, run a race, have a fight, etc. to see who is better, stronger, etc.* [HD]; *1 an invitation to compete in a fight, match, etc.* [ELAC] - согласно данным трёх авторитетных английских и американских словарей, в своём первом варианте практически совпадает с русским *вызов* в его лексико-семантическом варианте 2. *Призыв, побуждение к к-л действиям* [БТС] (*вызов* - на состязание, соревнование, дуэль).

Несколько американских словарей выделяют ещё один лексико-семантический вариант лексемы: 3 *the quality of testing strength, skill, or ability* [ELAC]; 6 *a difficulty in an undertaking that is stimulatig* [RHD]. В соответствии с принципом иконической мотивированности наиболее полное определение этого лексико-семантического варианта находим в англо-русском словаре: 3. 1) *испытание, проба (своих) сил; напряжение сил; нечто требующее мужества, труда и т.п.*; 2) *сложная задача, проблема* [НБАРС]. Именно в этом значении *challenge* маркирует «сильный стереотип» в сознании американцев и представляет структуру знания с актуальными когнитивными признаками: *нечто сложное, требующее мобилизации способностей, умений, являющееся пробой сил.* Данные ненаправленного ассоциативного эксперимента и результаты эксперимента по объяснению испытуемыми

значения слова *challenge* (американцы в возрасте от 19 до 73 лет) уточняют представление о месте, которое занимает объективируемый им концепт в обыденном языковом сознании членов сообщества. В содержании концепта превалирует положительный эмоционально-оценочный компонент. Он связан с мобилизацией сил и умений, с настойчивостью и упорством, необходимыми для преодоления трудностей, испытаний и возникающих проблем. Это представлено в следующих реакциях: *difficulty, problem, test, (trial) of one's strength (abilities, skills), physical and mental fearlessness, determination. Putting a man on the Moon in the 60s was a challenge. Set out on a journey to raise money for Cancer Research. To cover 8500 miles over 10 months to complete it. That's a challenge!* Данные об осмыслении концепта испытуемыми уточняют и расширяют его содержательный объём: в нём отражается уверенность в положительном окончании предпринятого, присутствует интерес, готовность принять вызов и испробовать свои силы (*a stimulating situation, smth. to overcome, to achieve, to accomplish*). Отмечается, что подобные мероприятия закаляют человека, расширяют его опыт (*makes us stronger and better people, expand your personal skills and intellect*). Благодаря концептуальным признакам высвечивается культурная специфика концепта *CHALLENGE*. В нём присутствует вызов, но *семантически этот вызов направлен на субъекта*, это прежде всего вызов себе, своим силам, возможностям испытать себя. Это может быть вызов, который предстоит принять рядовому, политику, целой нации, чтобы собрав силы, с честью преодолеть возникшие трудности.

1. The most experienced soldiers in the modern wars against catastrophe call this the greatest challenge of their lifetime (Time 2003).
2. Now he faces a strong challenge in the 2004 Democratic primary (Time 2004).

3. After Dec. 7, 1941 America knew what to do, how to do it and whom to do it to. Executing the task was an enormous challenge, but the strategy was clear enough (Newsweek 2001).

Сходные, на первый взгляд, признаки присутствуют в когнитивной структуре, вербализованной русским *вызов*. Они выделяются на основе обработки информации, полученной в результате анализа его семантической структуры, в состав которой входит лексико-семантический вариант: 3. *Стремление, готовность вступить в спор, борьбу и т.п.* [БТС]. Однако концепты, представленные коррелирующими единицами двух языков, репрезентируют в языковом сознании представителей разных культур противоположную направленность. Для русских данный концепт - это вызов, но вызов чаще всего не себе и своим силам, а *другому/другим*: коллективу, окружающим, общественному мнению, общепринятым нормам. Он может быть дерзким, открытым, откровенным, скрытым и т.д. В концепте актуализирован компонент «представление»: вызов проявляется во взгляде, в голосе, в позе, в улыбке, в поведении и т. д., что привносит дополнительную негативную оценку в его содержание.

Показательно в этом плане внутритекстовое примечание, к которому прибегает в одной из своих статей Е.В. Падучева: *В любом случае, язык поэзии - это для лингвистической семантики заманчивый **вызов (challenge)**, который она должна принять* (Падучева 2000, с. 252). Введение в русское предложение уточняющего английского *challenge*, которое является интегративным компонентом когнитивной структуры, сложившейся в американском лингвокультурном сообществе, сигнализирует о новом смысловом содержании русского *вызов*. Это вызов не на дуэль и не на состязание, где проходит испытание физических возможностей, в нём отсутствует антагонизм вызова другому. Научному сообществу предстоит обратиться к сложному, не укладывающемуся в рамки нормы объекту исследования, но эта перспектива

манит и привлекает, так как позволяет лингвистической семантике получить новую информацию, проверить выдвинутые ранее положения.

«Вызов» в этом значении многими признаётся «неуклюжим» словом (см. [Палажченко 2003, с. 163]), но его распространение в языке невозможно отрицать. Более отчётливо присутствие познавательной структуры, вводимой лексемой *challenge/challenges*, объективируется в русском языковом сознании посредством получающей всё большее распространение форме множественного числа - *вызовы*. Современная лексикографическая практика не фиксирует изменение значения слова во множественном числе. Однако семантическая информация в ментальном лексиконе индивида, вводимая словом в нестандартной форме, ассоциируется и с нестандартным для русских содержанием. Оно отсылает владеющих английским языком к концепту *CHALLENGE*, а тех, кто не знает иностранного языка, заставляет прервать автоматический режим восприятия и задуматься о передаваемом смысле. Приведём примеры:

1. Философия и литература всегда реагировали на господствующие вызовы (ВФ 2001, № 1).
2. Демографические вызовы нового века (КП 2003)
3. Сетевые формы межфирменной кооперации: стратегические вызовы (Известия 2004)

В зависимости от ситуации общения английское *challenge* может быть передано стандартными русскими: *проблема, задача, стимул*. Например, подзаголовок одного из разделов принятой в 2002 г. Международной Экологической Хартии звучит: *Challenges Ahead* (Chew. Chron.), что содержательно соответствует вариантам: *Проблемы будущего, Проблемы, ожидающие впереди. Новые задачи* (из картотеки). Но на переводящем языке слово оказывается лишённым ассоциативных и семантических связей, в нём

нет экспрессивного, деятельностного и эмоционального начала, присутствующего в содержании английского концепта. Поэтому среди предложенных вариантов наиболее удачным, на наш взгляд, является *Новые вызовы*.

Довольно часто английское существительное и его дериваты сложны для перевода. Это относится к часто употребляемой в связи с проблемами политкорректности конструкции *adv.+challenged*. Удачно, на наш взгляд, с одним из таких переводческих «вызовов» справился П. Палажченко. Для названия статьи У. Блюма, где данная конструкция употреблена в намеренно некорректном смысле: *Madeleine Albright: Ethically Challenged*, предлагается вполне адекватный вариант: *Этическая глухота Мадлен Олбрайт* (МНС).

Большинство из перечисленных выше ключевых, культурноспецифических единиц английского языка передают особый общественный настрой, психологическое состояние, свойственное «людям Фронттира», предкам современных американцев, осваивавшим новые территории в конце XVIII - начале XIX вв. и заложившим отличительные черты американской нации: предприимчивость, индивидуализм, веру в собственные силы, нацеленность на успех. В этих словах и отголоски более близких событий. Образы культуры времён «Дикого Запада» были перенесены на формулировки космической доктрины США - отсюда название космических кораблей, терминология, связанная с освоением космического пространства (*pioneer, challenger, high frontier*) (см. [Тарасов 1998]). Расширение сведений об определённых фрагментах действительности изменяет концептуализацию (осмысление) этой действительности, а следовательно, вносит изменения в организацию единиц ментального лексикона, связанных с её обозначением и, соответственно, в семантику хорошо знакомых слов, в их информационный и эмоциональный потенциал. Происходит аккумуляция дополнительной энергии во внутренней форме языковых единиц, большинство которых - неотъемлемая часть личного

пространства американца, куда включен он сам и всё то, что ему близко физически, морально, эмоционально и интеллектуально [Апресян 1995].

Успех перевода таких слов обусловлен способностью переводчика на этапе восприятия осмыслить, понять воплощённые в них «следы» чужого прошлого и осуществить интерпретацию их содержания в соответствии с образом сознания носителей ИЯ. Далее, исходя из своей коммуникативной компетенции, ориентируясь на лингвистические и культурологические «привычки» потенциального реципиента перевода, т. е. на его когнитивную модель, переводчику предстоит выбрать из альтернативных средств ПЯ те, которые с большей вероятностью и в наиболее полном объёме смогут репрезентировать эти образы в сознании конечного получателя информации.

Обратимся к ещё одному слову *frontier*, ключевому для американского менталитета. Анализ и обработка данных о семантической структуре слова даёт возможность моделирования сведений о стабильных когнитивных признаках концепта, объективируемого данной языковой единицей. В *American Heritage Dictionary* (AHD) лексема *frontier* представлена несколькими лексико-семантическими вариантами - 1. *An international border or the area along it.* 2. *A region in a country that marks the point of farthest settlement.* 3. *An undeveloped area or field for discovery or research.* Словарь английского языка и культуры (ELAC) даёт дополнительные значения: 2. *The area between settled and wild country, esp. in the US in former times.* 3. *Also frontiers pl. a border between what is known and what is unknown.* Таким образом, в познавательной структуре, интегрируемой словом *frontier*, присутствуют признаки отграничения, разграничения чего-либо: территории, известного и неизвестного, освоенного и подлежащего освоению.

Однако данное слово выводит на особое содержание в сознании большинства американцев, представленное хорошо структурированным стереотипным образом, связанным с фрагментом истории, переросшим в своего рода мифологему, «фантом» с визуальным представлением облика

людей той эпохи, окружающих их предметов быта, этических норм и принципов.

Результаты ненаправленного ассоциативного эксперимента уточняют и расширяют содержание концепта, привнося в него дополнительные концептуальные признаки, относящиеся к **понятийному** компоненту: *the edge of the wilderness, border, range, unknown*; к **представлению**: *mountains, Alaska, Indians, Lewis + Clark* (исследователи, прошедшие и описавшие приобретённые Америкой новые земли от Скалистых гор до побережья Тихого океана), *cowboys, pioneers, covered waggons*; к **предметному содержанию** *to discover, to roam*, к **эмоционально-оценочному** компоненту: *free, rugged life, lawlessness, rough, tumble, dirty*.

Английское *frontier*, совпадая с русским *граница* и его синонимом *рубеж* в значении *разграничение, условная линия раздела между территориями* [БТС], занимает более широкое семантическое пространство в сознании американца. Обращение к образу сознания позволяет найти этому убедительное объяснение. Информация, связанная с восприятием слова, - результат вовлечения всех составляющих сознания индивида: значения, эмоций и переживаний, ассоциаций и оценок, воспоминаний и фантазий. *Frontier* - не имеет значения «ограничение», это граница между освоенным и подлежащим освоению, как во времена завоевания Запада; она подвижна и способна расширяться. Перен. *frontiers (pl)* - граница между изведанным и новым, которое, как вызов, притягивает к себе, заставляя неизвестное отступить, освобождая место новому. Во всех этих значениях, оба компонента содержания концепта - граница и человек, динамичны, граница и неизведанное отступают под активным натиском и энергией человека, находящегося в движении.

Именно такой эмоциональный посыл присутствует в названии предвыборной программы Дж.Ф. Кеннеди «*New Frontiers*» в 1960 г. Как во времена Фронтiera, президент призывал американцев подняться и сплотиться

для решения насущных проблем и обеспечения равенства возможностей. Однажды удачно избранный, позволяющий манипулировать патриотическими чувствами американцев, этот девиз Дж. Кеннеди был повторён демократами во время избирательной компании 1988 года:

There is a new frontier to be crossed and a greater society to be built
(Edward Kennedy).

Есть новый рубеж, который предстоит преодолеть, и более совершенное общество, которое предстоит построить (перевод мой. - Т.П.).

«*Новые рубежи*» - в таком переводе программа Кеннеди и последующие речевые произведения, в которых она используется в качестве прецедентного феномена, вошли в отечественные словари, справочные и учебные пособия. Удачно избранное при переводе слово «*рубеж*» по внутреннему настрою созвучно сознанию русских. Оно объединяет в себе основное значение лексемы *рубеж*: «*условная линия, черта, разграничивающая что-либо*», и её терминологическое значение: «*(воен.) полоса местности, удобная или оборудованная для ведения боевых действий*» [БТС], привнося таким образом, необходимую энергию и идею деятельностного начала для достижения цели. Более того, сочетание *новые рубежи* отсылает к фразеологизму *выйти на новые рубежи* - «приступить к решению новых больших задач» [БТС], что, казалось бы, предоставляет бесспорный аргумент в пользу предлагаемого варианта перевода.

В то же время внутренняя форма словосочетания *выйти на новые рубежи* акцентирует, на наш взгляд, принципиальное отличие в когнитивных структурах, доступом к которым являются *рубеж* и *frontier*. Русское *рубеж*, как и его синоним *граница*, предполагает наличие дейктического компонента - субъекта, который обычно остаётся внутри. На *новые рубежи* выходят, чтобы остановиться, осмотреться, скорректировать планы на будущее. Для статичного субъекта *новые рубежи* - это открывающийся впереди простор,

отсутствие ограничений и место для фантазий, когда пятилетку можно выполнить за три года, а 2000 год объявить годом, когда каждая семья получит отдельную квартиру.

Приведённые рассуждения не преследуют цели утвердить торжество непереводаемости. Они лишь в очередной раз подтверждают, насколько относительно понятие «знать слово». Трудности перевода языковых единиц, связанные с особенностями национального видения мира, в каждом случае требуют особого переводческого решения. Это обусловлено и сложностями рецептивного плана, и репродуктивными проблемами, в частности, необходимостью выбора не просто правильного, но аутентичного слова, что вводит в переводческую практику такие неопределённые понятия, как *дух языка, вчувствование, чувство языка, интуиция* и т. д, вызывающие мало доверия даже в связи с признанием творческого начала в переводе. Однако обращение за советом к коллеге при переводе спорного, неясного явления, как правило, требует обдумывания и сопровождается паузой. Маловероятно, что в это время сознание собеседника оперирует данными толкового словаря. В конце 50-х гг. В.И. Абаев ввёл понятие «этимологическая память слова». Данные современной когнитивной лингвистики, в частности, понятие ментального лексикона, дают основание предположить, что существует и «память словоупотребления», воспоминаний о форме, связанных не только с парадигматическими, синтагматическими, эпидигматическими отношениями слова, но и с воспроизведением, перебором в сознании образов, ситуаций, лиц, голосов, контекстов, вариантов, позволяющих вслушаться, вспомнить, как это однажды звучало, выглядело, было прочувствовано внутри, чтобы реализоваться теперь во внешней форме, в слове. Для адекватного перевода требуется создать соответствующий *внутренний контекст*, в котором только и может появиться языковая единица, открывающая доступ к заложенной познавательной структуре.

Овладение словом Я1 и Я2 - это постоянный, никогда не заканчивающийся процесс. Для билингва он зависит не только от того, на какой ступени освоения языка находится индивид в определённый отрезок времени - на формальной (*formal*), на опосредованной леммой Я1 (*L1 lemma mediation*) или на интегративной (*integration*), - но и от языковой единицы, подлежащей усвоению. В зависимости от характера культурноспецифической информации по-разному происходит её вхождение в ментальный лексикон переводчика-билингва, по-разному разворачивается и протекает переводческий речемыслительный процесс, конечная цель которого заключается в эффективном посредничестве.

Выделим два направления в этом процессе.

1. Первое из них представлено случаями, когда языковой компонент когнитивной структуры входит в *явное* противоречие с её смысловым содержанием и служит маркером лакунизированного пространства, подлежащего элиминации с помощью словарей, справочной литературы и/или с помощью носителей языка. Однако чётко сложившаяся когнитивная структура, ассоциируемая с «языковой оболочкой», в этом случае может отсутствовать и в сознании носителя языка. Не будучи включёнными в его ассоциативно-апперцепционное поле, не соотносясь с определённым познавательным опытом, одни и те же языковые знаки способны вызывать неопределённые, размытые ассоциации и смыслы. Такое явление - неотъемлемый процесс становления когнитивных структур. Их наполнение и границы, как правило, ещё чётко не оформились, словесно не отшлифовались, но они представляют знания, актуальные для членов лингвокультурного сообщества в определённый промежуток времени. Эти знания часто связаны с прецедентными феноменами - именами, текстами, ситуациями и высказываниями,- находящимися «на слуху», сошедшими со страниц газет, с экранов кино и телевизоров. Языковые единицы, вводящие подобные структуры знания, и в родном языке сопровождаются метаязыковой информацией. Если переводчик имеет доступ к

современным печатным изданиям, радио- и телепрограммам, то, как и у носителей языка, в его сознании происходит становление соответствующих когнитивных структур, овладение словом, расширение общей и языковой компетенции, помогающей справиться с переводом.

Для передачи слова на родной язык в таких случаях чаще всего используются иконически мотивированные знаки, у которых формальное расстояние между выражениями соответствует концептуальному расстоянию. Например, распространённый в середине 90-х в американском обществе термин *Gumpism*, связанный с фильмом Р. Земекиса «Форест Гамп», обозначает широкое и неопределённое понятие и требует развёрнутой интерпретации - *идея о способности общества сотворить героя из физически несовершенного человека.*

Поскольку, как уже было отмечено, информация, представленная такими языковыми единицами, нова и для рядового носителя языка, то в исходном тексте она часто сопровождается метаязыковыми пометами, что также облегчает деятельность переводчика. Например,

What about the «sandwich» generation?

If you help both your parents and your children, you are in a generational sandwich (Time).

«Sandwich American» - американцы среднего поколения, которые вынуждены финансово поддерживать и своих родителей, и своих детей, испытывая трудности в накоплении пенсионных сбережений.

2. Гораздо больших усилий требуют случаи, когда языковой компонент когнитивной структуры входит в *скрытое* противоречие с её смысловым содержанием. Причём здесь возможно дальнейшее подразделение, связанное с тем, что а) лакуна не опознаётся, но благодаря возможности двойной актуализации, хотя бы часть информации оказывается переданной при

переводе; б) лакуна не опознаётся, переданная информация оказывается полностью искажённой. Рассмотрим каждый из случаев более подробно.

Обратимся к конкретным примерам. Одна из фотографий, опубликованных в американском журнале «Time», озаглавлена: *Running Mate*. Журнал датирован 1992 годом, годом президентских выборов в США. На фотографии на фоне Капитолия изображены бегущие трусцой Билл Клинтон и Альберт Гор. Среди предлагаемых вариантов перевода, выполненных студентами-переводчиками, следующие: «Компаньон по бегу», «Друзья по бегу», «Друг по бегу» (Картотека).

Варианты, построенные грамматически верно и не вступающие в противоречие с визуальным образами на фотографии, тем не менее не передают заложенного содержания. Значение как форма фиксации стабильной когнитивной структуры *осознаётся*, но *не понимается* переводчиком, т.е. не происходит интериоризации *всей* структуры значения, а, следовательно, не может осуществиться следующий этап «погружения» в значение, необходимый для мыслительной деятельности переводчика - *интерпретация*, т.е. рефлексия над понятым (об осмыслении, понимании и интерпретации как разных формах когнитивного процесса см. [Пищальникова 2001, с. 38]). Языковые знаки не поняты переводчиком, не соотнесены с необходимым фрагментом опыта, вероятно потому, что такой опыт просто отсутствует в концептуальной системе переводчика.

Нереализованными остаются индексальные свойства знака, соотносящие его с контекстом культуры, а значит непредставленным остаётся признак, присутствующий в когнитивной структуре, связанный с политическим устройством властных структур США. *Running mate* - это не просто приятель, разделяющий с президентом общее хобби, а претендент на пост вице-президента, номинированный президентом и избираемый с ним в одном списке. В ходе мыслительной деятельности, у переводчика, обладающего такой информацией, должно произойти объединение обоих

признаков, относящихся к спортивному и политическому аспекту, и, как результат, возможно появление более комплексной по содержанию информации. Её появление вполне предсказуемо благодаря присутствию на фотографии авербальных средств: зрительных образов хорошо известных политиков, здания Капитолия, символизирующего законодательную ветвь власти США. Композиционное оформление фотографии - это визуализация в разной степени осознанных и сложившихся концептуальных метафор: ПОЛИТИКА - ЭТО СПОРТ, КАРЬЕРА - ЭТО ПУТЕШЕСТВИЕ. В результате в сознании реципиента синергетически порождается новая система смыслов, а в качестве наиболее вероятных вариантов перевода могут стать: *Вместе к Белому Дому* или *Трусцой к Белому Дому*.

Более сложный случай для опознания культурноспецифического, встраивания информации о нём в ментальный лексикон связан с ситуацией, когда индексальная характеристика знака не принимается во внимание и когнитивная структура, объективируемая знаком, оказывается искажена.

Рассказ Р. Браутигана озаглавлен *Greyhound Tragedy - Трагедия с автобусом в Голливуд*. Это мелодрама. Она повествует о провинциальной девушке, мечтающей попасть в Голливуд, однако она так и не отважилась дойти до автобусной станции, узнать цену билета, сесть в автобус и покинуть маленький городок. Слова *bus, bus station, fare, bus stop* и *Greyhound*, вынесенное в заголовок, объединены интегративным признаком, формируют доминантный смысл рассказа и образуют смысловой ряд, не нарушающий логики повествования. Однако это при условии, что ассоциативный ряд реципиента от слова *Greyhound* распространяется к сочетанию *Greyhound bus*, зарегистрированному названию фирменных автобусов, курсирующих на большие расстояния в Соединённых Штатах. Если такая ассоциация не выстраивается, а большинство словарей даёт единственное значение слова *greyhound* - борзая собака, заглавие рассказа остаётся малопонятным и не связанным с описываемыми событиями.

Подводя краткий итог сказанному, отметим, что сложный и никогда не прекращающийся процесс познания и освоения слова, вмещает в себя разнообразную информацию, которая обеспечивает успех слова в речемыслительном процессе. И хотя, как справедливо отмечает Е.С. Кубрякова, «трудно сказать, где кончается собственно ментальный лексикон и где начинается область существования оперативных механизмов речи» [Кубрякова 2004, с. 370], попытаемся обратиться к последней. Термин «когнитивная компетенция», о котором пойдёт речь в следующем параграфе, выводит на первый план именно операциональную природу этого когнитивного механизма.

3.3. Реализация деятельностных стратегий в процессе перевода

Наряду с ментальным лексиконом механизм вербализации ментального содержания в языковой личности переводчика-билингва представлен *когнитивной компетенцией* - набором оптимизирующих стратегий по обработке информации.

Перевод, как было неоднократно отмечено, есть деятельность, направленная на обмен когнитивными структурами, структурами знания. В реальном процессе речевой деятельности успех такого обмена зависит от избранных когнитивных моделей, т. е. способов представления знания в вербальных структурах. В этом плане, как справедливо полагает Л.О. Бутакова, суть распространённого сегодня понятия «когнитивная модель» соответствует понятию «*типового*» *способа* описания / представления смысла в речемыслительном процессе. Типовой способ - это способ, «которым принято пользоваться в данном языковом коллективе при передаче данной информации в данных условиях общения и при данных целях этого общения» (О.В. Кукушкина. Цит. по: [Бутакова 2003, с. 54]).

Выход на когнитивную модель в процессе речевой деятельности осуществляется посредством определённых стратегий. Не ставя перед собой задачи охватить весь спектр крайне неоднозначных и противоречивых мнений относительно феномена *стратегия*, сознательно ограничимся схематическим их представлением в нужном для нас ракурсе, связанном со стратегиями формирования интегративных когнитивных моделей в процессе перевода. Из множества трактовок стратегий, от наиболее общих, определяемых как набор ментальных операций по обработке информации, служащих определённой цели и направленных на достижение определённого результата (Дж. Брунер, А.А. Залевская, Дж. Нисбет и Дж. Шаксмит), до конкретных, относящихся непосредственно к переводу, предстающих как программа переводческих действий [Швейцер 1988], остановимся на деятельностной стратегии.

Напомним, в определении В.В. Гусева, деятельностная стратегия есть способ самоорганизации личности в процессе деятельности [Гусев 2003, с. 28]. Именно активная функция личности, её способность к адаптации в конкретных средовых обстоятельствах, к прогнозированию, к способам организации, а не к простому набору действий, которые выполняет субъект, соотносится с нашим представлением о личности как о функциональном органе. В таком понимании стратегия увязывается со специфической языковой способностью переводчика-билингва, с преобладающим в его сознании конструктивным типом синкретизма, что позволяет ему сознательно совмещать и дифференцировать информацию о коррелирующих концептах двух языков. Стратегия при этом рассматривается как процесс, доминантный по отношению к навыкам и координирующий их. Она, хотя и обладает динамическим характером, в целом ассоциируется с сознательной деятельностью индивида, так как перевод осуществляется как осознанный выбор решений. Создание интегративных структур и моделей интенционально, управляемо сознанием, а следовательно, редко осуществляется спонтанно. Ещё один момент, характеризующий

деятельностные стратегии, касается несостоятельности разграничения в них интеллектуального и эмоционального начала, что в полной мере согласуется с существованием тесной связи между эмоциями и познанием, о чём уже упоминалось выше, но что требует дополнительного пояснения.

Посредническая речемыслительная деятельность переводчика разворачивается в специфическом контексте межкультурной коммуникации. Ранее мы отмечали, что перевод и межкультурная коммуникация связаны отношением взаимодетерминации (см. 2.3). Согласно семиотическому подходу к переводу (Р. Якобсон, Ю.М. Лотман, У. Эко, И.Э. Клюканов, Т.А. Фесенко и др.), он может трактоваться максимально широко как семиоперевод, взаимоинтерпретация знаков и выступать механизмом межкультурной коммуникации, а межкультурная коммуникация - механизмом перевода.

Американские исследователи Ю. Ким и Б. Рубен [Kim, Ruben 1988] обращаются к специфике межкультурной коммуникации безотносительно к переводу, но сделанные ими выводы позволяют получить дополнительные сведения о том, что лежит в основе стратегий связывания когнитивных структур и моделей исходного и переводящего языков. Выдвинутая ими теория *межкультурной трансформации* индивида основывается на альтернативном подходе к неизбежным атрибутам межкультурного общения - шоку и стрессу. В конце 70-х гг. прошлого века инициатором такого подхода был П. Адлер [Adler 1975], который высказал предположение, что *культурный шок*, а также соотносящиеся с ним понятия, представленные в терминологии других авторов, например, *role shock, language shock, culture fatigue, and transition shock*, обладают не только отрицательным потенциалом. Они способствуют формированию определённого познавательного опыта индивида (*learning and growth approach*). Исходя из этого, Ю. Ким и Б. Рубен предприняли попытку интегрировать явление культурного шока и адаптивных изменений индивида, вызванных им, и обосновали существование феномена

межкультурной трансформации. По определению учёных, *межкультурная трансформация* - это естественные изменения, которые происходят в состоянии человека под воздействием стрессовых ситуаций, когда он попадает в иную культурную среду. Результат подобной трансформации проявляется в совершенствовании когнитивных, эмоциональных и поведенческих способностей, в развитии креативных возможностей индивида [Kim, Ruben 1988, p. 306].

Авторы теории считают, что механизм происходящих при этом ментальных изменений человека заложен в общей теории систем, и предлагают идеи, чрезвычайно близкие современным синергетическим положениям о характере и механизмах речевой деятельности. Рассуждения Ю. Ким и Б. Рубена сводятся к тому, что процесс межкультурной коммуникации, как и любая коммуникация, сопровождается постоянной обработкой информации, поступающей к человеку в результате обмена с окружающей средой. В ходе такого обмена, подобно всем живым системам, индивид стремится к наиболее естественному для себя состоянию - гомеостатичности, т. е. к сохранению упорядоченности и к постоянству во всех своих внутренних системах. Столкновение с незнакомым и неясным, например, с непонятным значением воспринимаемого сообщения, вызывает стресс, приводит систему в состояние неустойчивости, однако одновременно с этим стимулирует её обрести равновесие. Возвращение к равновесному состоянию может быть достигнуто лишь в результате *приспособительной деятельности*, которая распространяется как на внутренние способности индивида, на особенности его мышления, его способность обобщать, анализировать, прогнозировать, планировать и т. д., так и на внешние средовые обстоятельства, в которых совершается коммуникация. Таким образом, *стрессовые обстоятельства и качественные изменения ментальных способностей индивида являются нерасторжимыми аспектами адаптации, приспособительной деятельности человека в межкультурной коммуникации.*

Письменный перевод представляет собой особый, опосредованный вид межкультурной коммуникации и особый специфический путь постепенного накопления опыта обработки информации, связанного с преодолением переводческих трудностей в процессах речепорождения и речевосприятия письменного текста. Можно предположить, что *конструктивный синкретизм переводчика-билингва является результатом произошедшей в его сознании культурной трансформации, оказывающей влияние на весь ход его ментальной деятельности и на реализацию используемых им оптимальных деятельностных стратегий.*

Главенствующая среди них - *стратегия прогнозирования / диагностики переводческой напряжённости.* Большинство переводоведов в настоящее время сходятся во мнении о том, что перевод представляет собой смещённую деятельность, что смысловые различия, смысловой сдвиг - неотъемлемый компонент перевода, обусловленный его природой (см. [Клюканов 1989; Нестерова, Соболев 1998; Пшеницын 2000]). Естественно, возникает вопрос, в каком направлении осуществляется такой сдвиг и как на его фоне найти основания для интеграции информации в разных этнических сознаниях, которая бы способствовала актуализации определённого ментального содержания. Для этого требуется не только постоянное соотнесение переводческой обработки информации с сознанием получателя перевода, корреляция пространства их опыта, но и *структурное оформление* этого пространства. Понимание информации всегда предполагает «осознание, структурирование понятого, поиск «места» приобретённого когнитивного опыта в системе со-знания индивида» [Пищальникова 2001, с. 63].

Полагаем, что обращение к составляющим модели концепта, выделяемым В.А.Пищальниковой: телу знака, понятию, представлению, предметному содержанию, ассоциациям, эмоционально-оценочному компонентам - как раз и направляет переводческую рефлексю, помогает анализу отношений отдельных компонентов в сравниваемых концептах с

целью их последующей модификации, достраивания или, в случае отсутствия познавательной структуры в переводящем языке, создания новой².

Стратегия прогнозирования реализуется посредством рефлексии переводчика, которая осуществляется в ходе своеобразного сканирования подлежащей обработке информации в рамках предлагаемой модели концепта. Отталкиваясь от материальной оболочки слова (его графического облика в письменном переводе), сканирование начинается с *понятийного* компонента. Понятие, которое с известной долей условности есть «мысль об общем» [Никитин 2003, с. 175], позволяет не только сопоставлять когнитивные признаки исследуемых концептов в сравниваемых языках, но и прогнозировать вероятность их вхождения или невхождения в содержание каждого из них, их актуальность, выделенность для потенциального реципиента.

Принимая во внимание широкий контекст культурной действительности (см. 2.1), составляющими которого являются различные виды деятельности, моральные и эстетические ценности, с которыми коррелируют знаки, можно предположить, что при переводе, например, с экзотических языков потребуются дополнительные опоры для уравнивания, в первую очередь понятийных компонентов концептов разных культур. Прежде чем определить степень сходства или различия в других компонентах сравниваемых

2. Приведём определения Е.В. Лукашевич, в которых уточняется, хотя и с подобающей модели долей условности, характер информации, ассоциируемый с каждым отдельным компонентом. Представление в данной модели понимается как «субъективные наглядно-чувственные картины действительности, зависящие от индивидуальных особенностей: опыта, возраста, научной подготовки и т.д.; понятие представляет совокупность наиболее существенных признаков предмета, явления; тело знака - звуковая оболочка слова; предметное содержание отражает вовлечённость предмета, явления в какой-либо вид деятельности; эмоция и оценка выражают определённые чувства индивида и положение предмета, явления для индивида на субъективной шкале «хорошо - плохо»; индивидуальные ассоциации - это единичные ассоциации, которые не интерпретируются с помощью известных лексикографических, фоновых знаний, а представляют субъективный опыт индивида» [Лукашевич 2004, с. 127].

концептов, переводчику необходимо обладать информацией о наиболее существенных признаках этих концептов. Например, ему следует знать, что если в Западной культуре *подарки* обычно дарятся друзьям в ответ на аналогичный жест, причём необязательно соблюдать строгое соответствие в их стоимости, то в Папуа Новой Гвинее подарок дарится родственникам, чтобы закрепить родство. При этом он должен быть больше, дороже, чтобы поставить того, кому этот подарок делается, в зависимое положение от дарителя [Larsen 1984, p. 433].

Компонент *представление* в модели концепта связан с чувственным образом предметов и явлений действительности. Большинство из этих образов формируются в результате непосредственного контакта и носят визуальный характер. Отсутствие общего опыта в этом плане затрудняет перевод, ведёт к неудачам даже у опытных переводчиков. Обратимся к конкретному примеру. Роман М. Булгакова «Мастер и Маргарита» начинается с описания двух граждан, появившихся на Патриарших прудах «в час жаркого весеннего заката». О первом из них, Михаиле Александровиче Берлиозе, говорится, что он «свою приличную *шляпу пирожком нёс в руке...*». У большинства отечественных читателей знание-представление об описываемом предмете зрительно ассоциируется с мягкой шляпой с полями и продольной вмятиной посередине верхней части, напоминающей по форме разошедшиеся края традиционного русского пирожка. Именно форма лежит в основе созданного образа, но её представление как раз и не фиксируется в англоязычных дефинициях этого русизма. Ср. *pirozhki - culinary tiny pasties stuffed with meat, cabbage, fish, etc.; meat or cabbage filled puff cake; patty; individual pasties, are generally made from a yeast-based dough* [DR]. Поэтому даже такой опытный переводчик, как Майкл Гленни, опознаёт знак вне системы, в которой он функционирует. В итоге в предложенном им варианте перевода описывается не шляпа, а характер действия, производимого с ней (нёс, как будто это был пирожок):

He carried his decorous hat by the brim as though it were a cake

(Transl. by M. Glenny).

Переводчики Д. Бергин и К. О'Коннор адекватно воспринимают содержание. Прогнозируя, вероятно, что используемый в оригинале визуальный образ окажется «пустым» для анлоязычного читателя, переводчики выбирают вариант, в котором актуализируемый когнитивный признак представлен не в компоненте «представление», а присутствует в компоненте «понятие» и может направить процесс читательского смыслопорождения в нужное русло. Если вспомнить известное положение о том, что мысль не передаётся, а возбуждается, то задача переводчика как раз и состоит в том, чтобы найти опоры, которые бы помогли читателю «создать свою мысль, занимающую в системе, установленной языком, место, сходное с местом говорящего» [Потебня 1989, с. 138]. В словарной дефиниции англ. *fedora* - *a man's hat made of felt, with a brim, all the way round and a fold on top going from back to front* [ELAC] - *мужская фетровая шляпа с полями и продольной складкой посередине*, как раз и содержится не только родовая, но и видовая информация об описываемой в оригинале шляпе, что удачно передаётся в переводе:

He had his proper fedora in his hands (Transl. by Bergin & O' Connor).

Любопытным в этом плане примером³ может служить одна из сносок в статье П.Б. Паршина «Теоретические перевороты и методологический мятеж в лингвистике XX века» [Паршин 1996], где представлены аргументы в пользу избранного им варианта перевода на русский язык словосочетания из названия статьи Ч. Филлмора «*Corpus linguistics or «computer-aided arm chair linguistics»*. У Филлмора корпусная лингвистика сравнивается, если

3. Наше внимание к этому примеру было привлечено Л.А. Козловой.

переводить дословно, с *кресельной* лингвистикой. Учёный поясняет, что относит себя и своих коллег к тем «лежащим, обхватив голову с закрытыми глазами и изредка подскакивающим с криком «Какой потрясный факт» лингвистам...». В переводе П.Б. Паршина «корпусная лингвистика» противопоставлена не «кресельной», а «диванной» лингвистике. Переводчик обосновывает выбор в пользу предложенного варианта следующим образом: «В оригинале - кресельной, но на языке Обломова «диванная» звучит более естественно» [Там же, с. 35] (подчёркнуто мною. - Т.П.). Избранный П.Б. Паршиным знак, актуализирующий компонент *представление* в структуре концепта, реализует присущее знаку свойство. Он выступает заместительным, метонимическим средством и отсылает к широкому диапазону знаний, ассоциируемых с телом знака в определённой концептосфере, расширяя тем самым свой коммуникативно-прагматический потенциал. Таким образом реализуется извечное стремление языка, отмеченное ещё В. фон Гумбольдтом, запечатлеть в чувственной, видимой, физической форме невидимый психический мир человека.

Интегративная познавательная структура, передающая информацию нижеприведённого предложения, может возникнуть лишь при верной интерпретации информации, связанной с *эмоционально-оценочным* компонентом концепта.

Past links to terrorist groups ... are proving useful in helping to free hostages held by Muslim guerrillas (USA Today).

Один из самых авторитетных англо-русских словарей под редакцией Ю.Д. Апресяна даёт следующий перевод: *guerrilla* - 1. *Партизан, боец* [НБАРС]. За рамками краткой словарной статьи остаётся содержание, необходимое для адекватного понимания иноязычного концепта, репрезентированного словом *guerrilla*. Исторический и дискурсивный опыт

русскоязычного реципиента, его внутренний контекст выделяет в структуре значения русского коррелята *партизан* ярко выраженный положительный признак патриотизма, служения отечеству, сформированный художественной литературой и средствами массовой коммуникации. Именно поэтому прозрачный, казалось бы, смысл английского предложения вводит начинающих переводчиков в заблуждение. Внутренний контекст реципиента вступает в противоречие с внешним контекстом предложения. Не совсем ясной для русской ментальности остаётся информация о том, почему «партизаны» удерживают заложников, которых требуется освободить, какое отношение они имеют к террористическим группам.

Однако отрицательный компонент значения присутствует в понятийном компоненте иноязычного концепта. Он вычленяется на основе анализа дефиниций слова, репрезентирующего концепт. В англоязычных словарях находим следующие определения: *guerrilla - a member of an unofficial military group, esp. one fighting to remove a government, which attacks its enemy in small groups unexpectedly* [ELAC]; *guerrilla - a member of an irregular military force that uses harassing tactics against an enemy army* [AHD]. В государственном языке стран, территория которых не подвергалась иностранному нашествию, по крайней мере, в период новейшей истории, а смена власти не происходила насильственным путём, номинация любых групп, использующих военную силу против законного правительства, не может иметь положительных коннотаций.

Прогнозирование особенностей содержания *ассоциативного* компонента концепта у русскоязычного реципиента должно предопределить «достраивание» когнитивной структуры в следующей ситуации. Описывая кардинальные изменения, которые произошли в жизни известного бейсболиста, приехавшего в Америку из бедной африканской страны, автор газетной статьи пишет:

He was so poor he bought a bicycle with his signing bonus. Now he owns a Rolls-Royce and a Hummer (Pioneer Press).

Если упоминание «Роллс-Ройса» ведёт к одинаковой инференции в американской и российской культурах и в равной степени предстаёт стереотипом высокого социального статуса владельца, то «Хаммер» (до недавних пор) для большинства русскоязычных читателей не вызывает адекватных ассоциаций, хотя, по меркам американца, сегодня иметь «Хаммер» гораздо престижней, чем «Роллс-Ройс». Поэтому от переводчика потребуется небольшая, но необходимая трансформация расширения синтаксической структуры предложения при переводе:

А теперь он обладатель «Роллс-Ройса и **даже** «Хаммера».

Итак, межкультурная трансформация, сопровождающая деятельность переводчика и способствующая становлению конструктивного синкретизма в его языковом сознании, в конечном итоге обуславливает совершенствование когнитивных, эмоциональных и поведенческих способностей индивида, развитие его креативных возможностей. Всё это, в свою очередь, влияет на характер когнитивной компетенции переводчика, на ход его ментальной деятельности и на реализацию используемых им оптимальных деятельностных стратегий. Важнейшая среди них - стратегия прогнозирования переводческой напряжённости, реализация которой осуществляется с учётом модели концепта. Целенаправленный анализ содержания составляющих коррелирующих концептов в этнокультурном сознании участников межкультурной коммуникации выступает основой для осознанного выбора опор при построении интегративных когнитивных структур, способствующих вербализации ментальных репрезентаций.

3.4. Некоторые особенности вербального представления ментального содержания в переводческом посредническом процессе

Одним из условий адекватной вербализации ментального содержания, подлежащего переводу, является развитая способность переводчика к знакообразованию. Эта способность предопределяет эффективное соотношение когнитивных структур и когнитивных моделей, структур знаний и системы языковых представлений, в ИЯ и ПЯ.

Мы уже отмечали, что языковой знак появляется в процессе семиозиса. Суть данного процесса заключается в «постоянной и постепенной редукции более полного образа и замещении его частью, способной представлять целое» [Кубрякова 2004, с. 348]. Таким образом, в самом процессе формирования знака закладывается его имманентное свойство, которое позже проявляется при функционировании, обуславливая способность знака к «бесконечному порождению» новых смыслов. Когнитивные теории значения как раз и базируются на способности языкового знака активировать на различных уровнях осознаваемости информацию, концептуальное содержание, связанное с ним в сознании коммуниканта. В данном положении особо акцентируем роль материально выраженной части языкового знака. Сторонники когнитивного подхода к значению указывают, что определённый объём содержания может быть извлечён из совокупности знаний индивида только «как реакция на *«тело» знака*» [Кубрякова 2004, с. 348] (курсив мой. - Т.П.). В интегральной модели значения В.А. Пищальниковой именно с помощью некой *звуковой (графичекой) оболочки* - наиболее устойчивого компонента модели - дискретизируется принципиально динамическая структура значения. При этом *языковой репрезентант входит в значение и символизирует его* [Пищальникова 2001, с. 35] (курсив мой. - Т.П.).

В связи с исключительной важностью формы языкового знака в речемыслительном процессе, учитывая её роль в «возбуждении» значения и

порождении смысла, в актуализации прагматических отношений участников коммуникации, особую значимость приобретает выбор способов овнешнения понятого содержания (смысла) иноязычного текста. Целенаправленно отобранные переводчиком конвенциональные средства переводящего языка выполняют роль опор, стимулов и служат связующим звеном между концептуальными структурами сознания коммуникантов, принадлежащих разным культурам.

Для переводчика овнешнение понятого - это всегда селективная деятельность, выбор из альтернативного множества языковых средств, способов их организации и формирования стратегий их обработки. Этот выбор во многом направляется переводческой эмпатией. Психологи определяют эмпатию как психологическое «уподобление» личности другого человека с целью лучше его понять, вскрыть мотивы его поступков и т. д. (С. R. Rogers). Лингвисты связывают с реализацией эмпатии широкий круг явлений, в основе которых лежит проблема установления степени идентификации говорящего с участниками описываемого события. Как способ сокращения «семантического расстояния» между говорящим и объектом представляет эмпатию Е.В. Падучева [Падучева 1985, с. 206].

В.В. Гусев рассматривает эмпатию как учебное действие и полагает, что у студентов-переводчиков навыки эмпатического анализа создадут установку на уподобление автору оригинального текста и, таким образом, позволят лучше понять, оценить, а следовательно, адекватно интерпретировать авторское коммуникативное намерение и избрать средства для его воплощения. «В учебной деятельности установка на эмпатию выражается в возникновении новой ориентировочной основы для актуализации и коррекции своей индивидуальной переводческой стратегии» [Гусев 2003, с. 38].

На наш взгляд, объективные возможности эмпатии, влияющие на выбор переводчиком приоритетных языковых средств и стратегий в посредническом процессе, намного шире. Специфическая ориентация переводчика в

межкультурном и межъязыковом пространстве, о которой шла речь выше, его «челночное» перемещение в направлении *emic - etic - emic* предполагают альтернативную самоидентификацию, «равнение» переводчика в коммуникативном акте не только на продуцента информации, но и на её реципиента. Сам факт того, что неотъемлемым атрибутом порождения текста является учёт фактора адресата, прогнозирование его восприятия реципиентом, неоднократно описывался в различных ракурсах (см., например, [Жинкин 1978; Белянин 1988; Сорокин 2003; Швейцер 1988 и др.]). Непосредственный процесс такого прогнозирования наиболее наглядно раскрывается в особом виде дискурса - переводческом, «вербальном представлении профессиональных действий переводчика, включающем перебор вариантов перевода, аргументацию принимаемых решений и их комментарий» [Воскобойник 2004, с. 12]. Примерами этого типа дискурса являются работы Н. Галь, Н.М. Демуровой и других мастеров перевода (см.: [Галь 2003; Демурова 1991; Перевод - средство ... 1987]). Своеобразный итог, раскрывающий суть функционирования механизма эмпатии в текстовой деятельности, находим у В.В. Красных, которая пишет: «Создавая текст, автор производит селекцию знаковых форм и отбирает те из них, которые, с одной стороны, максимально полно отражают и выражают замысел, а с другой - максимально соответствуют «типу» реципиента, входят в его знаковую систему и смысловой код, что и позволяет последнему воспринимать и понимать текст» [Красных 1998, с. 200]. Заметим, анализ избранных переводчиком способов овнешнения ментального содержания, индуцированных механизмом эмпатии, как раз и позволяет судить о развитости языковой способности, а также об уровне сформированности коммуникативной компетенции⁴ переводчика-билингва.

4. Понятия, обозначенные терминами *языковая способность*, *языковая/речевая компетенция*, связаны с функционированием языковой личности. Однако каждое из них лежит в основе отдельного аспекта такого функционирования. Представляется, что термин «*способность*» носит «присвоенный», хотя и в разной степени, но автоматизированный и операциональный характер. Способность - основа «*компетенции*», которая является суммой знаний, умений,

Для иллюстрации сказанного обратимся к анализу материалов, полученных в результате наблюдений за переводом профессионалов, начинающих переводчиков, а также за переводческими дискурсами специалистов, знакомящихся с работами своих зарубежных коллег по оригиналам, т. е. для которых перевод имеет прикладной характер. В качестве объекта избирём перевод ономастической лексики, являющейся наиболее «культурологическим» элементом языка, а используемые переводчиком способы её перевода непосредственно свидетельствуют о степени сформированности языковой способности билингва.

Если исходить из того, что имя собственное (ИС) - неотъемлемая часть *индивидуальной* языковой системы [Блох, Семёнова 2001; Верещагин, Костомаров 1983; Ермолович 2001; Лихачёв 1996 и др.], то подход к его значению должен осуществляться с ориентацией на психологическую структуру личного имени. В таком случае во внимание принимается всё, что стоит за словом в индивидуальном сознании, что присутствует в значении, если понимать его в духе Л.С. Выготского как «единство общения и обобщения, коммуникации и мышления» [Выготский 1996, с. 305]. Это предполагает эволюцию информационного потенциала ИС: к обязательному присутствию в его значении бытийного, классифицирующего и индивидуализирующего компонентов добавляется целый комплекс иных языковых и энциклопедических знаний, обладающих эмоционально-оценочной маркированностью. В результате в ИС аккумулируется информация различного типа от дейктической, указывающей на соотношение знака с определённым классом имени (собственного, нарицательного, антропонима, топонима и т. д.), до индивидуализирующей, выводящей на

стратегий, направленных на определённый результат, и характеризуется параметрами «здесь и сейчас». Что касается различных видов компетенции, то в современном языкознании «языковая компетенция» определяется как знание языка, а «коммуникативная компетенция» как владение языком, хотя, как справедливо отмечает А.А. Залевская, в последний термин вкладывается не всегда одинаковый смысл представителями отдельных направлений. В настоящее время понятие «коммуникативная компетенция» расширилось и включает сочетание разных видов компетенции (см. об этом: [Залевская 1999, с. 92; Залевская, Медведева 2002, с. 21-22]).

широкий диапазон смыслового обогащения имени.

Однако любой объём информации может быть воспринят, только если между именем и объектом, который оно именуется, устанавливается знаковая связь. Хорошо известно, что одна и та же последовательность цифр, структурированная непривычным образом, часто ведёт к нарушению автоматизма при её идентификации. Ср. презентацию телефонных номеров, которая может быть оформлена, например, и как 23-23-35, и как 232-335. Аналогичным образом, даже небольшие *графические или фонетические отступления* от принятой в языковом коллективе формы обозначения референта ИС нарушают эту связь и затрудняют его идентификацию.

Так, на протяжении нескольких лет приходится быть свидетелем неожиданного открытия ряда студентов, связанного с одним и тем же фактом. В зависимости от того, на каком языке у них происходит знакомство с теориями американского философа и лингвиста, известного у нас по имени *Н. Хомский* (в английском варианте - *Noam Chomsky* - первый согласный произносится [tʃ]), значит, исходя из принципа фонетического подобия, фамилия должна быть передана на русский *Чамский*), закладывается фонетический образ имени, выступающий основой для его последующей идентификации в речи. Сложившееся формальное несоответствие при передаче имени на другой язык приводит к тому, что не ощущается тождество ИС в двух языках и, следовательно, не осознаётся, что речь идет об одном и том же учёном.

Ещё один пример связан с тем, что у начинающих переводчиков при несформированности билингвальной языковой способности возможны ошибки, из-за которых текст на переводящем языке не выводит на когнитивные структуры, аналогичные структурам исходного текста. Операционально это проявляется при переводе топонимов, когда вместо традиционно существующего на языке перевода варианта географического названия читателю предлагается транскрипция его именованья в языке оригинала. Речь идёт о знакомом читателю объекте, но опознать его в

предъявляемой форме оказывается невозможно. Например, *Beijing* - превращается в **Бейджин* вместо *Пекин*; *Montenegro* - в **Монтенигроу* вместо *Черногория*; а *Moldau* - в **Молдау* вместо *Влтава* и т. д.

В переводе имён собственных ориентация на традицию, на национально закреплённую форму обозначений очень сильна. Отступления от неё ведут к коммуникативным нарушениям, и даже верный, но не совпадающий с общепринятым вариант может затемнить содержание информации. Показательна в этом отношении ситуация, связанная с определённым этапом в развитии когнитивизма в России, когда потребовалось проанализировать, сопоставить и, по определению Е.В. Рахилиной, «перевести» основные концепты этого направления в (преимущественно американской) лингвистике на язык, более привычный для отечественного читателя [Рахилина 2000, с. 3]. При этом «переводу» подвергались не только концепты науки, но и в буквальном смысле имена наиболее крупных представителей американской когнитивистики, устойчивые традиции в номинации которых в России ещё не сложились. Отсюда почти обязательные примечания, посвящённые переводу антропонимов, сопровождавшие появлявшиеся статьи (см.: [Болдырев 2001, с. 19; Леонтьев 1997, с. 38; Паршин 1996, с. 29; Рахилина 2001, с. 4.]).

Так, комментированию подвергались варианты транслитерации фамилии *Lakoff*, начиная от самого непоследовательного *Лакофф*, в котором русифицирован гласный, но не русифицирован согласный, до полностью русифицированного *Лаков*, но при этом сообщалось, что фамилия учёного на самом деле произносится с дифтонгом в первом слоге. Комментировалось и произношение других «трудных» фамилий, например, *Джекендофф*, *Лангакер*. По поводу последней Е.С. Кубрякова пишет: «Правильнее было бы транслитерировать его фамилию как *Ленекер*, но мы придерживаемся уже имеющейся традиции», - и использует в своих работах вариант *Лангакр* [Кубрякова 2004, с. 149]. А, например, Н.Н. Болдырев отдаёт предпочтение варианту *Лэнекер*.

Но с психолингвистических позиций не меньший интерес представляет другой аспект восприятия указанных имён. Логично задаться вопросом, почему укоренилась и *опознаётся* говорящими многовариантная система имени *Лангакер*, в то время как менее вариативно представленная фамилия, обладающая менее кардинальными расхождениями в произношении ХОМСКИЙ / ЧОМСКИЙ не может служить в качестве опоры, выводящей на определённый смысл. Можно предположить, что объяснение нужно искать в разной степени конвенциональности звуковой формы двух имён. ЛАНГАКЕР / ЛЭНЕКЕР / ЛАНГАКР имеют непривычный звуковой облик для русскоязычного реципиента, уникальный и не вызывающий ассоциатов среди русских имён. Константно представленные согласные формируют каркас звукового образа слова, достаточный для его опознания, а изменения гласных в речевом потоке не различаются или воспринимаются как оговорки. Таким образом, при всех вариантах формы сохраняется единство между «телом» знака и когнитивной структурой, частью которой оно является. Этого не происходит с именем *Хомский*. Для русскоговорящих форма слова соответствует нормативным представлениям образования имён собственных и предполагает существование схожих имён, каждое из которых соотносится с отдельным референтом. В языковом сознании русских смысловое расстояние между *Хомский* и *Чомский* слишком велико, чтобы ассоциировать фамилии с одним человеком.

Для того чтобы ИС стало опорой, способной актуализировать в речевой деятельности репрезентируемое им ментальное содержание, в языковой памяти переводчика-билингва должна храниться такая информация о слове, чтобы в условиях межкультурной коммуникации с помощью языкового знака могло осуществиться не только перцептивное, но и концептуальное выделение объекта. Причём здесь силён элемент традиции, что проявляется особенно наглядно при переводе имён святых, исторических лиц и т. д. (об этом см.

[Виноградов 2004; Гарбовский 2004; Ермолович 2001]. Например, в путеводителе по американскому городу Сент-Луису читаем:

In 1764, Frenchman Pierre Laclède selected a site on the west bank of the Mississippi ... to build a trading post ... to be named for Louis IX, patron saint of King Louis XIV of France. Thousands of settlers and adventures were to pass this way, buying supplies and equipment from Saint Louis' tradesman. (Welcome to Saint Louis).

Три омонимичных ИС, употреблённых в предложении, не могут получить одинаковое оформление при переводе на русский язык, так как в языковой памяти реципиентов имя французского короля и его святого покровителя должно быть *Людювик*, а название города, носящего их имя, известно на русском как *Сент-Луис*.

Связь между ментальным содержанием и определённой языковой структурой может быть установлена не только с опорой на фонетический и/или графический облик слова. Хорошо известно, что имена собственные обладают свойством *канонизироваться* - воспроизводиться в определённой культуре в определённом виде. Интересно в этом плане имя бывшего американского футболиста и актёра афро-американского происхождения Симпсона. В течение нескольких лет оно не сходило со страниц газет и журналов в связи с криминальными, а позже и с этническими составляющими дела и ситуации вокруг него. Вот как в большинстве случаев оформлялась номинация обвиняемого в прессе:

O. J. could be held financially liable for the deaths of Nicole Brown Simpson and Ronald Goldman (Time, Sept. 23, 1996).

Особенность хорошо известной американцам аббревиатуры *O.J.* в том, что она появилась не в результате общепринятого сокращения имени и фамилии, а в результате сокращения двух первых имён Симпсона - *Orenthal James*. Представленная модель обладает такой стабильностью в речевой деятельности носителей языка, что приобрела свойства знака, альтернативно употребляемого с фамилией спортсмена. Для инофона данная аббревиатура не только не выводит на соответствующую структуру знания, но не выполняет даже классифицирующей функции. Только внешний контекст может указать, что речь идёт о человеке. Естественно, при переводе аббревиатуры *O.J.* потребуются заменить, осуществив идентификацию имени с помощью более визуальной когнитивной модели, представленной фамилией *Симпсон*.

В определённом лингвокультурном сообществе канонизироваться может любая форма имени, стабильно соотносящаяся с конкретным лицом. Это может быть имя, или имя и отчество, или имя, отчество и фамилия: *Борис* (Борис, ты неправ), *Алла Борисовна*, *George Bernard Shaw* (не *George Shaw* и не *Bernard Shaw*), однако *George W. Bush*, а не *George Walker Bush*. Канонизироваться может аббревиатура имени (*Б.Г.*; *Б.Б.*; *J.F.K.*), его дериваты (*Jimmy* о Джеймсе Картере или *Jack* о Джоне Кеннеди). Чтобы осуществить интеграцию познавательных структур в ментальном лексиконе переводчика, должна присутствовать информация, позволяющая сделать, например, вывод о том, что *Richard*, *Dick*, *Dicky* (*Tricky Dicky*) и *Milhaus* относятся к одному лицу, к 37 президенту США, чьё имя - *Richard Milhaus Nixon*.

Обращаясь к случаям, связанным со смысловыми приращениями ИС, отметим, что деятельностные стратегии детерминируют характер всех последующих операций переводчика. Выделим три наиболее типичных случая, учёт которых задаёт направления переводческой рефлексии.

1. Имя выполняет роль сильного стереотипа в обеих культурах. В этом случае адекватно избранное «тело» знака обеспечит доступ к нужной ментальной структуре реципиента: *Thomas* - *Фома*, *Charlemagne* -

Карл Великий, Abraham - Авраам и т. д.

2. Имя является частью языкового сознания реципиента, но не входит в его ядро. В такой ситуации для ментальной репрезентации ИС в сознании реципиента, для актуализации в ней конкретного смыслового признака от переводчика потребуется расширение вводимой информации. Избранному знаку предстоит реализовать свою индексальную функцию, отсылая к культурному и экспериенциальному контекстам, а количественный принцип иконической мотивированности предопределит характер использования средств внутренней и/или внешней адаптации (примечания, комментарии и т. п.).
3. Имя может занимать любое положение в сознании коммуникантов, а его речевая реализация зависит от индивидуально-субъективных характеристик общающихся и речевой ситуации. В этом случае пути интегрирования ментальных структур разных этнических сознаний будут определяться переводчиком с учётом: а) релевантности ИС для интерпретации содержательной нагрузки текста; б) с учетом предполагаемой роли ИС в сознании, в структуре «эпистемического мира» (К.А. Переверзев) участников коммуникативного акта.

Приведём несколько примеров, поясняющих положения, декларированные в последнем случае. Как было указано выше, смысловой диапазон ИС чрезвычайно широк. «Имя - импульс культуры», пишет В.Н. Топоров. «Имя открыто человеку, который может трактовать его как предельно обесмысленную «кличку» вещи, но и как высший предел смысла и инструмент смыслостроительства одновременно» (Цит. по [Живоглядов 1998, с. 30]). Приращение смысла имени может быть связано с целым рядом факторов, но может возникнуть и стихийно.

Именно так происходит в романе И. Шоу «Ночной портье», когда главный герой отправляет телеграмму родственникам некоего Джона Ферриса.

«I want to send a telegram to Chicago», I said. I gave the name and address, spelling out Ferris slowly and clearly. «Like wheel», I said.

«What's that»? The voice of Western Union was irritated.

«Ferris wheel». I said. «Amusement parks».

«What is the message, please» (I. Shaw).

Внезапно возникшая в сознании героя ассоциативная связь между онимом и апеллятивом (*Ferris / wheel (колесо)*) выстраивается на основе двуступенчатых отношений, обусловленных прежде всего его языковым опытом: антропоним *Ferris* по звуковому сходству выводит на нарицательный компонент *ferris*, а затем благодаря сочетательным потенциям на весь устойчивый словесный комплекс *ferris wheel - чёртово колесо (аттракцион)*. В акте референции, осуществлённом в данной ситуации, релевантен не только сам факт отнесения имени к объекту действительности (традиционное лингвистическое понимание референции), но и референция, происходящая в сознании индивида, в его языковой способности. Она - результат включения слова во внутренний контекст, перцептивно-когнитивно-аффективный по характеру, не имеющий чётких границ (психолингвистический подход к референции). С точки зрения этого подхода, любое отдельно взятое слово (вне ситуации дискурса) может оказаться включённым в референциальные отношения. «Слово референтно, поскольку оно включается во внутренний контекст и является своего рода сигналом для развёртывания скрытого суждения, которое опирается главным образом на предшествующий опыт, на общие и самые элементарные знания языкового сообщества» [Барсук 1999, с. 22-23].

Именно индивидуальным языковым опытом англоговорящего объясняется в вышеприведённом примере неожиданное появление эллиптического *«Like wheel»*, номинативного *«Amusement parks»* в речи

отправителя телеграммы. В ментальном лексиконе собеседницы, оператора из *Вестерн Юнион*, хотя и принадлежащей к одному с героем «языковому сообществу», такие ассоциации, а следовательно, и такая референция, не возникают, что приводит к непониманию (*What's that?*) и вызывает раздражение (*to be irritated*).

Можно предположить, что внутренняя форма ИС тем более «не оживёт» для инофона. Антропоним *Ferris* не может служить опорой читательскому смыслопорождению без дополнительного комментария или без трансформации компенсации, которая потребует от переводчика мобилизации языковой способности и немалой изобретательности. Однако в контексте романа стихийно возникшая индивидуальная ассоциация не приносит дополнительных характеристик ни в образ главного героя, ни в содержание книги, поэтому можно считать оправданным, на наш взгляд, решение переводчика опустить эту часть описания. В переводе читаем:

«Примите телеграмму в Чикаго», - сказал я, продиктовав адрес и по буквам фамилию адресата.

«Прошу текст» (пер. Г. Льва).

Иной случай представляет перевод имени одного из персонажей романа Дж. Гришема «Камера». Женщину зовут *Neldeen*. Имя становится организующим центром эпизода, а однотипная реакция героев романа на его звуковой образ указывает на резко негативную коннотацию ИС. Вместе с тем ни словари, ни опросы информантов, американцев разного возраста, социального статуса, образовательного уровня, не выявили дополнительных смыслов, связанных с именем. Вероятно, отсутствуют они и в ментальном лексиконе переводчиков. Поэтому в переводном тексте используется буквальный перевод, который регистрирует наличие знаковой связи между именем и оценочным компонентом концепта, но не раскрывает её сути, не

выводит на внутренний контекст, на содержание сознания, связанного с именем.

В подлиннике читаем:

«State your name for the record», Slattery said.

«Dr. N. Stegall».

«Ann?» His Honor asked.

«No. N. It's an initial».

«Look, Doctor, I didn't ask for your initial, I asked for your name. Now, you state it for the record, and be quick about it».

She jerked her eyes away from his, cleared her throat, and reluctantly said, «Neldeen».

No wonder, thought Adam. Why hadn't she changed it to something else?

«Now, Dr. Stegall», Roxburgh began, careful to avoid any reference to Neldeen, «when did you meet with Sam Cayhall?» (J. Grisham).

«Сообщите суду своё имя», - сказал Слэттери.

«Доктор Эн Стегалл».

«Энн?», - переспросил судья.

«Нет. Буква «эн». Инициал».

«Послушайте, доктор, я не спрашиваю ваших инициалов. Я спрашиваю ваше имя. Назовите его для протокола, не задерживайте нас».

Она отвела в сторону глаза, откашлялась и неохотно произнесла:

«Нилдин».

Неудивительно её нежелание назвать своё имя, подумал Адам. Но почему она не взяла другое?

«А теперь, доктор Стегалл», - произнёс Роксбург, тщательно избегая называть её по имени, - «скажите нам: когда вы встречались с Сэмом Кейхоллом?» (пер. Бехтина, Ковалева, Волошина).

Итак, языковая способность переводчика-билингва проявляется в его способности к знакообразованию. Селективная деятельность переводчика по овнешнению ментального содержания, позволяет судить о развитости его языковой способности, а также об уровне сформированности его коммуникативной компетенции. Для того, чтобы языковой знак мог индуцировать определённое содержание, осуществить интеграцию ментального содержания разных этнических сознаний, он должен стать оптимальным средством выхода на внешний (вербальный, ситуативный) и внутренний контекст коммуникантов.

Выводы по главе

1. Перевод как посреднический речемыслительный процесс нацелен на формирование интегративных когнитивных структур и моделей, координирующих этнические сознания участников межкультурной коммуникации. Актуализация ментального содержания, подлежащего переводу, обеспечивается гетерогенными функциональными опорами, выводящими на соответствующие познавательные структуры коммуникантов.

2. Совокупность знаний, ассоциируемых со словом и способных служить опорами интегративных структур, оптимизация стратегий по их формированию инициируется и направляется конструктивной деятельностью языковой личности переводчика. В ходе посредничества такая личность демонстрирует свойства функциональной (синергетической) системы. Под воздействием средовых обстоятельств и иерархии мотивов она открыта для совершенствования и оптимализации своих способностей, приобретает качества *функционального органа*, сочетания сил, направленного на осуществление полезного результата в условиях «избытка недостатка».

3. Механизмом, обеспечивающим работу такого виртуального органа, выступает языковая способность, являющаяся средоточием интериоризованного языкового опыта индивида, пересечением его когнитивных и коммуникативных составляющих. В модели языковой личности переводчика-билингва этот механизм, обеспечивающий вербализацию ментального содержания, представлен тремя взаимодействующими и взаимодополнительными компонентами: ментальным лексиконом, когнитивной компетенцией и собственно языковой способностью.

2. Переводческое посредничество осуществляется на фоне постоянного увеличения ёмкости *ментального лексикона* искусственного билингва, что является результатом не столько социализации, сколько сознательного кумулятивного процесса - накопления информации об участии языковых единиц в осуществлении речевой деятельности. *Межкультурная трансформация*, сопровождающая межъязыковой перевод, обуславливает качественные изменения ментальных способностей переводчика. Под влиянием стрессовых обстоятельств совершенствуется его приспособительная, адаптационная деятельность, детерминирующая развитие *когнитивной компетенции* индивида. Последняя проявляется в выборе и реализации оптимальных деятельностных стратегий, главенствующей среди которых выступает прогнозирование/диагностика переводческой напряжённости. Привлечение модели концепта призвано ослабить (нейтрализовать) эту напряжённость посредством конструирования функциональных опор для интегративных когнитивных структур. Осознанная ориентация на выделенные опоры и механизм *переводческой эмпатии* оптимизируют *языковую способность* и коммуникативную компетенцию переводчика, которые стимулируют его готовность к знакообразованию и к языковой селективной деятельности. В результате смыслы, продуцируемые в процессе перевода, приобретают стабильную фиксацию и могут образовывать

новые когнитивные структуры, расширяющие ментальный лексикон переводчика. Таким образом, выстраивается своеобразная модель «когнитивного круга» в содержании языковой переводческой личности. См. схему № 6.



Схема 6. Модель «когнитивного круга» в переводческой языковой личности

ГЛАВА 4

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНО-АНАЛИТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ПОСРЕДНИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПЕРЕВОДЧИКА

4.1. Цель, задачи и сфера привлечения экспериментальных данных

Обращение к экспериментальным данным в ходе проводимого исследования обусловлено необходимостью подтвердить правомерность выдвинутых в работе теоретических положений, верифицировав их психологическую реальность.

Цель привлечения экспериментальных данных - выявить потенциал взаимодействия и взаимообусловленности элементов языковой способности и языковой системы для анализа содержательной стороны речевых процессов.

Одно из основных положений, разрабатываемых в диссертации, касается определения сущностных свойств посреднической деятельности. Утверждается, что эта деятельность направлена на формирование интегративных когнитивных структур, активизирующих коррелирующие познавательные пространства индивидов с разным этническим сознанием.

Понятие языкового сознания рассматривается как подход к анализу содержательной стороны речевых процессов. Причём такой анализ не входит в противоречие, а основывается на принципе дополнительности с традиционным лексическим.

Как было аргументировано в работе, у искусственного билингва опыт слова иностранного языка, формирование его образа, установление многочисленных связей с другими единицами ментального лексикона не складывается в процессе социализации, а «жизнь» слова, его интериоризация является результатом *сознательного* кумулятивного процесса - накопления информации о знаке в речевой деятельности.

Аккумуляция, расширение информации о слове, создание креативного поля интерпретации, в котором синергетически порождается новая система смыслов, соотносятся системы разных образов мира - неотъемлемое условие формирования интегративных структур. В переводе как специфическом виде речевой деятельности для определения и оптимального выбора опор, которые бы могли обеспечить актуализацию переводимого содержания в сознании коммуникантов, переводчику самому необходимо осмыслить, понять и наметить пути интерпретации полученной информации. Рефлексия над осмыслением о пути продвижения значения к смыслу и смысла к значению - неотъемлемый и признанный компонент переводческого процесса.

Е.Ф.Тарасов справедливо отмечает, что недостаточная адекватность понятия «языковое значение» для анализа содержания речевых высказываний становится очевидной при исследовании межкультурного общения. Межъязыковой перевод возможен при определённой общности такой составляющей сознания, как психологическое значение, но различия знаний коммуникантов о чувственной ткани образов предметов, обозначаемых словами-эквивалентами в двух языках и их смыслах в двух культурах, носители которых участвуют в общении, могут не отображаться в переводном тексте, если переводчик не знает о таких различиях, что и является причиной непонимания и конфликтов [Тарасов 2001, с. 303].

Обращение к модели концепта, предложенной психолингвистами для исследования речевой деятельности, экстраполированной на перевод, как раз и имеет реальную познавательную перспективу, помогая не декларировать, а объяснить сложные взаимоотношения слова и смысла.. У переводчика появляется возможность предопределить зоны несовпадения концептуальных систем коммуникантов и наметить возможные пути интерпретационного процесса, принимая во внимание логические и чувственные составляющие модели концепта.

Если исходить из когнитивного определения значения, понимая его как когнитивную структуру некоторого знания, познавательную структуру, оформленную словом [Пищальникова 2001, с. 34], то значение задаёт способ понимания речевого произведения. Наиболее стабильным компонентом значения является акустическая оболочка слова. Она выводит переводящего на семантическую структуру слова. Информация, полученная после её обработки, даёт возможность составить представление о когнитивной, познавательной структуре слова. Результаты ассоциативного эксперимента привносят информацию о том, как осмысливается исследуемая единица членами определённого лингвокультурного сообщества, о месте, которое исследуемая единица занимает в их концептуальной системе. Ассоциативная структура является базой интерпретации содержания. Наконец смысл сообщаемого уточняется в зависимости от сложившейся мотивационно - эмоциональной ситуации.

Основные задачи, которые решались с привлечением данных эксперимента заключались в следующем:

- 1) выявить наличие/ отсутствие репрезентантов основных компонентов концепта, коррелирующих со словами-стимулами двух языков;
- 2) выявить наиболее частотные типы ассоциатов в двух языках;
- 3) структурировать семантический потенциал ассоциатов в двух языках.

С целью получения достоверных данных отбор участников эксперимента производился таким образом, чтобы они были представлены различными возрастными группами и имели разный образовательный статус. В эксперименте приняли участие российские и американские студенты, преподаватели, пенсионеры, служащие, обслуживающий персонал детских учреждений.

Среди целого ряда слов- и словосочетаний-стимулов в данной главе представлено и подробно проанализирован стимул *бабье лето / Indian*

summer, а также приведены некоторые наблюдения переводческих трудностей, связанных с переводом слов *община* и *community*.

Эксперимент осуществлялся с применением комплекса методов:

- метода свободного ассоциативного эксперимента;
- метода интроспекции, «когда собственная психика для нас выступает как данность, о которой мы судим, как бы созерцая самих себя на «внутреннем экране» [Фрумкина 2001, с. 5];
- метода компонентного анализа;

4.2. Построение интегративной структуры концепта актуализированного коррелирующими словами-стимулами *бабье лето* / *Indian summer*

Обратимся к конкретному примеру. И в русском, и в английском языках существуют концепты, обозначенные словосочетаниями «*БАБЬЕ ЛЕТО*» и «*INDIAN SUMMER*», смысловое пространство которых в первую очередь определяется эквивалентной семантикой вербализующих их фразеологических единиц *бабье лето* и *Indian summer*, что должно облегчить работу переводчика. Однако любой, имеющий дело с иностранными языками, знает, что на практике адекватный смысл может явиться результатом простой подстановки или замены единиц одного языка другим довольно редко.

Компонентный анализ фразеологического значения интересующих нас единиц является **первым шагом** к определению их места в коммуникативном универсуме каждого языка, степени их актуальности, информационного объёма в концептуальных системах представителей различных культур. Именно в сопоставительном плане компонентный анализ даёт интересные результаты, ещё раз убеждая в принципиальной динамичности значения, его когнитивной функциональности. Если переводчик займёт позицию *внешнего* наблюдателя (*etic*), дистанцируясь от

конкретных культур, сравнивая дефиниции двух фразеологизмов по нескольким толковым, фразеологическим и историко-этимологическим словарям русского и английского языков, то представленные в них признаки будут свидетельствовать о том, что значения анализируемых единиц находятся в отношениях *пересечения*, *перекрещивания*. Этим объясняется появление дополнительной информации в сводных дефинициях обоих языков или её частичное несовпадение, *ср.: a period of calm, warm, mild, dry hazy weather in late autumn (or early winter), esp. in the northern part of the US or Canada* в английских словарях и *ясные тёплые погожие дни ранней осени* в русских.

Прежде всего, обращает на себя внимание присутствие в английских дефинициях компонента *hazy*, обозначающего в английском – *misty [HD]* - *туманный, подёрнутый дымкой*, характеризующего состояние погоды в это время года. Его присутствие в семантической структуре английского фразеологизма тесно связано с этимологическими данными, которые указывают на связь внутренней формы, представления словосочетания, с существующей традицией американских индейцев считать это время года наиболее удачным для охоты, так как туман даёт возможность незаметно подобраться к зверю. Однако это не самое убедительное объяснение хотя бы в силу того, что некоторые исследователи вообще отрицают связь внутренней формы с деятельностью индейцев, указывая, что подобным образом они охотятся не только осенью, но и в любое другое время, поджигая сухие ветки, кустарники и деревья, для достижения эффекта задымлённости (A. Matthews). Одна из выдвигаемых версий происхождения словосочетания относится к судоходству: грузовые корабли, бороздившие Индийский океан, обычно вставали под погрузку в самое благоприятное с точки зрения погоды время - *during the Indian Summer*, поэтому на корпусах некоторых из них на уровне, который считался наиболее безопасном для плавания, стояли две буквы «I.S.» (H.E. Ware).

Несмотря на множество существующих вариантов объяснения, внутренняя форма фразеологизма остаётся неясной, но большинство версий связывает его значение с характером погоды, приносящей урожай - *the season of the Indian harvest*, с освежающими ветрами, посланными Богом, дующими в это время года на засушливом Юго-Западе Америки - «*the predominant southwest winds that accompanied the Indian Summer period were regarded by the Indians as a favor or «blessing» from a «god» in the desert Southwest»* [Deedler 2002].

В англоязычной культуре фразеологизм *Indian summer* репрезентирует содержание конвенционального стереотипа - когнитивной структуры с фиксированной оценкой представляемого знания, являющейся относительно стабильным компонентом концептуальной системы представителя определённой лингво-культурной общности. Если взглянуть на информационное наполнение значения фразеологической единицы «изнутри» культуры - *etic*, на первый план в её синтетическом типе номинации выступает «погодная» характеристика, указывающая на разноплановые, но положительно воздействующие моменты: *calm, warm, mild, dry*. Фразеологизм служит эталоном хорошей тёплой погоды, что прослеживается в приводимом ниже предложении, причём эта роль ещё больше акцентируется благодаря присутствию в предложении компонента *real* - *настоящий, подлинный*:

These last four days, after the thunderstorm of Thursday, had brought a spell of unusually fine weather, a **real** Indian summer (A.J. Cronin).

Аналогичная информация репрезентирована фразеологизмом *бабье лето* в русскоязычной культуре, что раскрывается, по сути дела, в его метаязыковом описании в романе Л.Н. Толстого «Война и мир»: «*Погода уже несколько дней стояла тихая, ясная, с лёгкими заморозками по утрам - так называемое бабье*

лето». Это даёт основание, возвращаясь к позиции «извне» - *etic*, говорить о совпадении набора признаков, описываемых фразеологизмов в обоих языках, и, следовательно, предположить существование *сходных когнитивных структур* в концептуальных системах их носителей. Таким образом, логические отношения между языковыми единицами переходят из зоны *перекрещивания* в зону относительной *равнозначности*. Операционально переводчик получает возможность использовать при переводе с одного языка на другой фразеологические эквиваленты, и приведённый выше пример из А. Дж. Кронины предстаёт в следующей форме:

После разразившейся в четверг грозы четыре дня стояла необыкновенно ясная погода - настоящее бабье лето (АРФС).

На наш взгляд, равнозначность данных единиц не нарушается явным несоответствием в маркированности их временной отнесённости. Хотя *Indian summer*, судя по словарным дефинициям, в англоязычной (особенно американской) культуре связывается с поздней осенью или с началом зимы, а в России *бабье лето* - это ранняя осень, не временной признак (*когда?*) выступает ведущим в обоих языках, а качественная (экспрессивная) (*какая?*) характеристика выходит на первое место. Во фразеологии такое «приглушение», смещённость номинативной функции на периферию за счёт доминирования выразительной функции признаётся, как известно, одним из категориальных свойств ФЕ. Кроме того, несовпадение временных рамок однотипного погодного явления, объективно связанного с географическим положением обеих стран, проявляется в акцентуации именно качественного признака в значении фразеологизма, а подвижность и нефиксированность его сроков проявляется в существовании частотных словосочетаний *раннее* (*позднее, затяжное, короткое*) *бабье лето* в русском языке и *early* (*late*) *Indian summer* в английском.

Итак, словосочетание, его звуковая оболочка и в одном, и в другом языке автоматически ассоциированы через образ с определённой реалией, с определённым опытом (*тёплые, погожие осенние дни*), становясь, в понимании Э. Сепира, языковым фактом. Однако он отмечает, что эта ассоциация должна быть чисто символической, так как слово закрепляется за *образом*, следовательно, «такая ассоциация всегда основана на выборе, в некотором смысле произвольна по своему характеру, ведь слово указывает всякий раз на какой-то компонент образа» [Сепир 1993, с. 35].

Если исходить из того, что система ассоциативных связей и отношений выступает психической онтологией системы значений, то можно попытаться представить себе цельный образ отдельной реалии, наполнить его компонентами, актуальными для каждого из лингвокультурных сообществ, проанализировать на основе контрастивного сопоставления их соотношение, обратившись к результатам *ассоциативного эксперимента*. Он является следующим, *вторым шагом* исследования локализации языковой единицы в анализируемом коммуникативном универсуме. Теоретической основой такой процедуры «служит обоснованное в психологии представление о том, что явления реальной действительности, воспринимаемые человеком в структуре деятельности и общения, отражаются в его сознании таким образом, что это отражение фиксирует причинные и пространственные связи явлений и эмоций, вызываемых восприятием этих явлений, и образ мира меняется от одной культуры к другой» [Уфимцева 2000, с. 208].

Для наших целей представляет интерес структурирование отдельного поля в сознании русских и американцев, внутренняя семантическая организация ассоциатов, полученных на стимул *бабье лето* и *Indian summer* - семантический гештальт, в терминологии Ю.Н. Караулова, который «характеризует семантическое поле как единицу знания о мире, соотнося его строение с отражённой в нём структурой реальности» [Караулов 2000, с. 192]. Под гештальтом обычно понимается «комплексная, целостная

функциональная структура, упорядочивающая многообразие отдельных явлений в сознании» [Психологический словарь 1990, с. 78]. Ассоциативное поле интересующего нас концепта в обоих языках представлено фрагментом вербальной памяти индивидов, фрагментом их образа мира, хранилищем многообразных и разноаспектных связей между компонентами образных фрагментов

В эксперименте мы предложили 56 русскоязычным испытуемым - студентам, преподавателям, служащим городов Барнаула и Рубцовска в возрасте от 20 до 61 года и 44 американским студентам, преподавателям, обслуживающему персоналу летних лагерей преимущественно из штатов Мэн, Айова, Массачусетс в возрасте от 17 до 43 лет стимул - *бабье лето* (для русских) и *Indian summer* (его эквивалент для американцев).

Из 221 реакции русских испытуемых наиболее частотными являются *тепло* (32), *осень* (26), *солнце* (20), *листья* (19), *жёлтые* (15), *сентябрь* (10), *яркие цвета* (9), *радость* (6), *красиво* (6), *жара* (5), *паутина* (5), *запахи* (5), *прогулки* (4). Таким образом, *бабье лето* в представлении опрошенных русских - *это тёплое время года в начале осени (сентябрь)*. *Солнечные дни, опадает яркая листва - листопад* (листопад - это единственная реакция, представленная на интересующий нас стимул в Русском Ассоциативном Словаре 1994, 1996). *Лёгкая паутина. Особый запах. Прогулки. Хорошо! Красиво!* Полученные одиночные реакции укладываются в созданный образ, уточняя и расширяя его. *Пора урожая (овощи, грибы, цветы), сенокоса. Начало учёбы (школа, университет, друзья)*.

Характер 173 реакций американских испытуемых позволяет заключить, что представление, ассоциируемое у них с единицей *Indian summer*, находится в аналогичном с русскими смысловом пространстве. Наиболее частотные реакции совпадают: *fall (осень)* (40), *warm (тепло)* (30), *beautiful/wonderful/cool (красиво/здорово)*(15), *hot* (6), *trees changing colors (деревья меняют наряд)* (5), хотя и появляются несколько новых: *wind (ветер)* (4),

большинство которых разворачиваются в аналогичном направлении с русскими: *apples* (яблоки) (4), *apple juice* (яблочный сок - ср. с русск. - урожай) (5), *picnics* (5), *school* (школа) (4). Интересно прокомментировать индивидуальные реакции. В некоторых из них прослеживается определённая национальная специфика, например, описываемый временной отрезок ассоциируется с *Indian feast* - с индейским праздником, что, как оказалось, связано с Днём благодарения, отмечаемым в Соединённых Штатах в конце ноября

Итак, мы получили два достаточно упорядоченных ассоциативных поля в двух языках. Для структурирования имеющихся реакций с целью их качественного анализа мы и обратимся к семантическому гештальту. Он формируется определённым количеством групп реакций, которые репрезентируют различные смысловые компоненты концептов, связанные в языковом сознании испытуемых с заданным стимулом. Непосредственная методика в данном случае, вероятно, может варьироваться. Например, И.Ю. Марковина и Е.В. Данилова обнаруживают ассоциативный (по терминологии, используемой в их работе) гештальт, когда исследуемые ими реакции семантически тяготеют к определённым характеристикам, группируясь *естественным образом* вокруг нескольких (как правило, частотных в ассоциативной статье) реакций, которые обозначают (называют) некоторый набор мыслительных образов - концептов (курсив мой - Т.П.) [Марковина, Данилова 2000, с. 119]. Нам представляется более адекватным использовать для структурирования гештальта данные идеографического словаря. С этой целью весь корпус полученных реакций в каждом языке был сгруппирован на основе синоптической схемы идеографического словаря В.В. Морковкина [Морковкин 1984]. В результате мы получили 7 одноимённых групп в каждом языке, связанных со следующими понятиями: 1) ОЩУЩЕНИЯ (78/45), 2) АТМОСФЕРНЫЕ ЯВЛЕНИЯ (59/55), 3) ВРЕМЕННОЙ ОТРЕЗОК (38/40), 4) ПРИРОДНЫЕ ЯВЛЕНИЯ (30/20), 5)

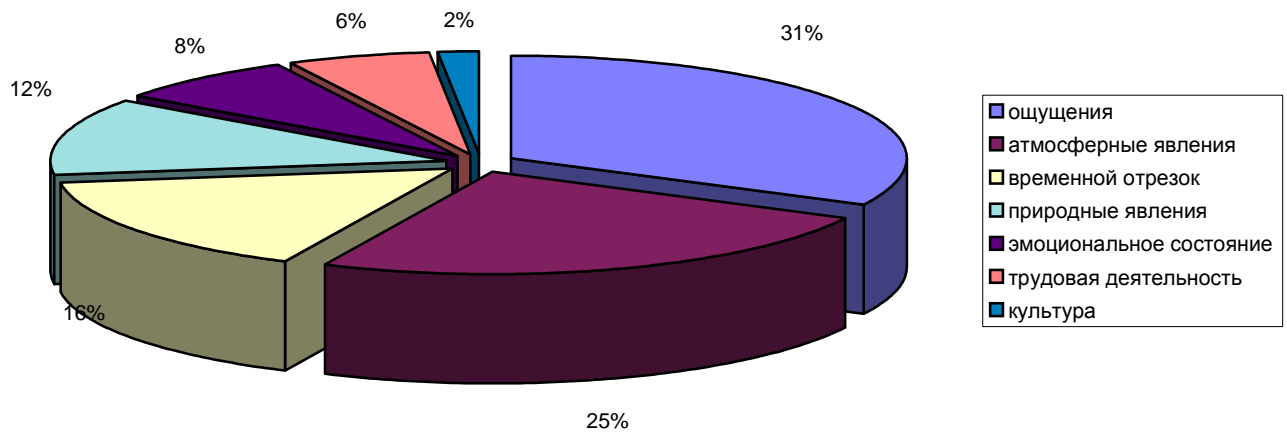
ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ СОСТОЯНИЕ (18/15), 6) ТРУДОВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ (14/15), 7) КУЛЬТУРА, ТРАДИЦИИ (4/5) (Первая цифра обозначает количество реакций, представленных в поле русских, вторая - американцев).

Выше мы отмечали сходство смыслового пространства концептов «БАБЬЕ ЛЕТО» и «INDIAN SUMMER», выведенное на основе количественного анализа полученных реакций. Качественный анализ количественного материала подтверждает первоначальные представления. Прежде всего, на это указывает тот факт, что реакции представителей двух разных культурных сообществ было возможно объективно распределить по одноимённым, равно представленным в количественном отношении группам, при этом структурирование гештальтов сознаний русских и американцев не выявляет значительных отличий, что находит отражение в представленных диаграммах.

Структура гештальта «Бабье лето» в сознании русских

Ощущения	32,4
атмосферные явления	24,5
временной отрезок	15,8
природные явления	12,4
эмоциональное состояние	7,5
трудовая деятельность	5,7
Культура	1,7

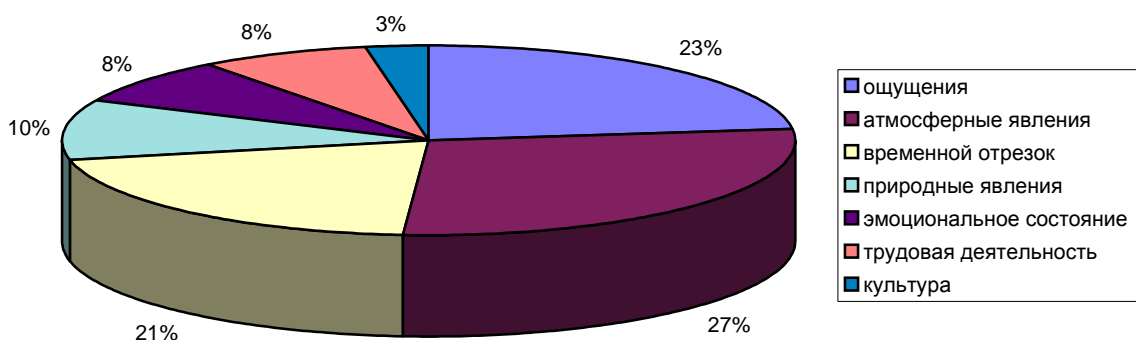
Структура гештальта "Бабье лето" в сознании русских



Структура гештальта «Indian summer» в сознании американцев

Ощущения	23
атмосферные явления	28,2
временной отрезок	20,5
природные явления	10,2
эмоциональное состояние	7,7
трудовая деятельность	7,7
Культура	2,7

Структура гештальта "Indian Summer" в сознании американцев



Тем не менее, несмотря на кажущуюся универсальность концептов, внутри однотипных групп вполне естественно присутствуют реакции, связанные не с кардинальными, но специфическими особенностями в сознании

испытуемых. В большей степени это касается группы ОЩУЩЕНИЯ, на её долю приходится 32,4 % всех реакций русских респондентов и 23 % американских. В сознании испытуемых она представлена ассоциатами разнородных модальностей: зрительными (*яркий, красный, жёлтый, золотой, синий; bright, colors*) тактильными (*тёплый, лёгкий; warm, hot*), слуховыми (*громкий, тихий*) обонятельными (*запахи, пахнет костром*), но их наполняемость, соотношение и качественный состав свидетельствуют о содержательных различиях внутри групп.

Так, сознание представителей обоих сообществ связывает осязание с температурными воздействиями: с *жарким солнцем, с прохладой, cool wind*. Зрительные ощущения разворачиваются в одном направлении - это меняющийся цвет листвы на деревьях. Но здесь важно отметить интересную особенность. Визуальный образ русских состоит из детальных дискретных цветовых пятен осени, сконструированных лексикой «традиционных красок»: *желтыми (15), красными (3)*, обобщёнными представлениями: *яркие (9)*, поэтической метафорой - символом российского осеннего пейзажа - *золотой осенью (5)*. Цвет - одна из наиболее актуализированных реакции на заданный стимул для русских - 32 реакции.

В сознании части американцев осень также многоцветна - *red* и *yellow*, но это лишь одиночные реакции. Более частотно появляется обобщённый образ природы, находящейся в состоянии изменения цвета - *trees changing colors (4)*. Для американского сознания это актуальное понятие. Это больше чем цвет - это образ жизни. В северных штатах, например, в Миннесоте, Мэне, в это время года организуются специальные туристические экскурсии, устраиваются праздники, которые и носят название *Trees Changing Colors*.

Что касается слуховых ощущений, то немногочисленный материал, которым мы располагаем для характеристики интересующих нас концептов, соотносим с выводами, сделанными, например, Л.Б. Лебедевой, изучающей глаголы русского и английского языков, связанные с тремя каналами

информации: зрительной, слуховой и кинестетической. Исследователь отмечает: имеются косвенные свидетельства того, что в русском языке прослеживается сдвиг в сторону аудиальной лексики [Лебедева 1999]. О более детальной дифференциации звуковых ощущений в русском языке говорит и В.Г. Гак, что проявляется, по его мнению, в отборе именно аудиальных признаков в переносных значениях слов. Если французское слово *bazar* метафорически означает «беспорядочное нагромождение предметов», то в переносном значении русского слова *базар* заложена идея «беспорядочного говора, крика, шума» [Гак 2000, с 56]. Для русских *бабье лето* в слуховых ощущениях представлено одиночными реакциями, находящимися в антонимических отношениях: *тихий - громкий*, они как бы дополняют друг друга, создавая друг для друга фон: *громкие голоса на фоне тихой погоды*. В находящихся в нашем распоряжении ассоциатах американцев данная модальность отсутствует.

Отсутствуют в нашем материале и реакции американских испытуемых, связанные с определёнными запахами, в то время как для русских *бабье лето* связано с запахами (5), которые ассоциируются с *цветами, костром*. С помощью механизма синестезии сигналы тактильной модальности (*тёплый*) могут восприниматься в категориях ольфактики (*тёплые запахи*).

Следующая по представленности группа у русскоговорящих - 24,5 % АТМОСФЕРНЫЕ ЯВЛЕНИЯ оказалась самой многочисленной у американских респондентов - 28, 2 %. С точки зрения классификации - это ситуационные реакции, тематически связанные со стимулом: *тепло (32), солнце (20), жара (5), воздух и warm (30), sun (11), hot (6)*, у американцев появляется *wind (4)*, - ветер, приносящий долгожданную прохладу. Но в целом в данной группе, как и в группе ПРИРОДНЫЕ ПРЕДМЕТЫ, занимающей в интересующем нас семантическом гештальте русских и американцев 12, 4 % и 10, 2 % соответственно, особенно ярко проявляется двойное восприятие образа мира представителями обоих этносов. С одной стороны, характер стимула как бы

предопределяет существование универсалий, отсюда однотипность реакций, так как они отражают семантический «инвентарь» базового фрагмента образа мира описываемых культурных сообществ и их представители в равной степени не могут не пользоваться им. Этот «инвентарь» подсознательно присутствует в коллективном сознании русских и американцев, поэтому вполне предсказуемо в группе ПРИРОДНЫХ ПРЕДМЕТОВ появление и в одном, и в другом языке самых простых ассоциатов, связанных с *лесом, листьями, листопадом, цветами*, хотя различия в географических и климатических условиях естественно предопределяют существование специфических реакций. Так, в группе ТРУДОВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ассоциации представителей обоих этносов связаны с прогулками, с началом учебных занятий, с сезонными сельскохозяйственными работами, причём в структуре последнего вида деятельности для русских актуальны слова *овощи, картошка, грибы, урожай*. Для американцев, также связывающих начало осени со сбором урожая, он чаще ассоциируется с яблоками (*apples* - 6), с приготовлением яблочного сока (*apple juice* - 4). Эти данные нельзя обобщать: «Если носители одной культуры проживают на обширной территории, возможна дифференциация внутри лингвокультурных этнических символов: у жителей среднерусской полосы символом пути является дорога, пролегающая через перелески. В Восточной Сибири эта дорога приобретает вид заросшей тропы, тянущейся между сопками» [Шаклеин 2000, с. 74]. Поэтому вполне вероятно, что если бы в нашем эксперименте участвовали жители юга России, то полученный материал обогатился бы названиями фруктов, а привлечение к исследованию жителей штата Аризона добавило бы к корпусу реакций американцев названия различных цитрусовых. Но, несмотря на существование разнящихся - «противоположных, несхожих» - субэтнических картин мира, каждому большому этносу соответствует «одна устойчивая и традиционная картина мира, <...> которая и будет восприниматься как родная» [Там же, с. 76]. Поэтому традиционные осенние работы в наивной картине мира русских более связаны с уборкой

картофеля и сбором грибов, в то время как для американцев они ассоциируются с урожаем яблок. Нам представляется, что к выводам по результатам эксперимента, связанного с сознанием отдельного индивида, вполне применимо замечание, высказанное В.Г. Гаком относительно правил речевого поведения в интеркультурном плане: они «формулируются не в жёстких терминах, как грамматические правила, но скорее как тенденции, выявляемые с помощью приёма симптоматической статистики (в терминах «больше / «меньше», «чаще» / «реже»)» [Гак 1998, с. 142].

Группа ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ СОСТОЯНИЕ, демонстрирует практически равное наполнение в составе семантического гештальта концептов в сознании русских и американцев - 7, 5 % / 7,7 %. Картина мира русских включает реакции, одиночные и групповые, относящиеся к различным проявлениям эмоций. Здесь присутствует описание эмоциональных состояний различной интенсивности: *спокойствие, умиротворение, радость, веселье, любовь, счастье, рай*; представлено проявление чувств: *весёлый, радостный*, одиночные реакции (*душно, грусть*) придают амбивалентность, описываемым эмоциональным состояниям, эстетические чувства представлены ассоциатами эмоционально-оценочного комплекса - *красиво, красота, хорошо*. Полученные реакции американцев более одноплановы и в основном связаны с эмоционально-оценочным проявлением эстетических чувств: *beautiful (прекрасный), wonderful (чудесный), sounds cool (здорово)*. В целом в обоих лингвокультурных сообществах группа характеризуется положительной направленностью.

Немногочисленная группа ТРАДИЦИИ, КУЛЬТУРА - 1,7 % / 2,7 % включает лишь несколько одиночных реакций: *Россия, русская культура, традиции, поверье* - у русских и *Indian feast, turkey, movie (2)* - у американцев. Почти все они связаны с личным опытом испытуемых, за исключением двух, представленных в ответах американских респондентов, - *индейский праздник и индейка*, которые, как уже указывалось выше, однозначно указывают на

традицию празднования в ноябре Дня Благодарения, отсылающего к далёким временам, когда первые поселенцы вместе с индейцами за столом с традиционной индейкой благодарили Бога за богатый урожай, спасший их от голода.

Особо нам бы хотелось остановиться на группе ВРЕМЕННОЙ ОТРЕЗОК, достаточно многочисленной в нашем исследовании: 15,8% у русских и 20,5% у американцев. В реакциях русских обнаруживается 26 реакций в форме *осень*, 10 в форме *сентябрь* и по одной в формах *август* и *октябрь*. Американские испытуемые дают все 40 реакций в форме *fall (осень)*.

Может показаться, что существует определённая непоследовательность в том, что выше мы указывали на приоритет качественного признака в значении фразеологизма, отмечая, что в универсуме обоих языков именно он выходит на первое место, вытесняя темпоральный. Результаты же ассоциативного эксперимента свидетельствуют о том, что в сознании представителей обоих сообществ признак темпоральности весьма актуален. Мы не усматриваем здесь противоречия, считая, что ассоциативный эксперимент является фокальной точкой в рефлексии на пути от значения к смыслу, а ассоциативная структура исследуемого стимула служит «базой интерпретации» содержания других компонентов в используемой нами когнитивной модели соотношения значения и смысла. Попытаемся пояснить сказанное.

Обращаясь к исследованию результатов ассоциативного эксперимента, специалисты отмечают, что спонтанные ассоциации наиболее четко описывают языковую картину мира испытуемых, являя некий гештальт их подсознания (Ю.Н. Караулов, А.А. Леонтьев и др.), именно *подсознания*, т. е. они не фиксируются респондентом, а спонтанно воспроизводятся в ответ на стимул, поэтому вполне естественно в ответ на экспрессивный фразеологизм, связанный с обозначением времени, прореагировать эквивалентным ему нейтральным словом: *бабье лето - осень; Indian summer - fall*. Этим, на наш взгляд, и объясняется количественная наполняемость группы ВРЕМЕННОЙ ОТРЕЗОК.

Однако структурная асимметрия этой группы в составе семантического гештальта в пользу качественной, а не временной характеристики концептов в обеих культурах не противоречит выводам, к которым мы пришли по результатам компонентного анализа, что ещё раз подтверждает, с одной стороны, принципиальное единство психологической природы семантических и ассоциативных характеристик слов, на которое не раз указывали исследователи, а с другой - *равнозначность* отношений, в которых находятся фразеологизмы в составе двух языков, на их соположенность в концептуальных системах представителей двух этносов. Важным в установлении смысла анализируемых ФЕ является следующее.

«Время, смена времён года», во всяком случае в европейском сознании, соотносимо с биологическими циклами жизни человека. В народнопоэтической символике и русских, и американцев *весна* - юность, начало любви, *лето* - расцвет жизни, *осень* - её закат, старость, *зима* - холод, смерть. Отсюда и переносное значение, присутствующее во фразеологических единицах *бабье лето* и *Indian summer*, связанное с окончанием определённой жизненной фазы. Определённой, **но соотносимой с разными понятиями в русской и американской культуре**. И здесь языковой знак демонстрирует национально-культурную специфику, проявляя качества индексальности, и требует соотнесения своего значения с «кодом» культуры, в рамках которой происходит его интерпретация, предопределяя, таким образом, смысловое наполнение концепта в отдельном языке.

Для американцев переносное значение *Indian summer* означает: *revival of the feelings of youth in old age* [HD] - возрождение юношеских чувств в преклонном возрасте, *a pleasant or successful time happening near the end of a certain period, esp towards the end of a person's life* [ELC] - счастливое время в конце определённого временного отрезка, обычно на склоне лет. Специфической чертой фразеологизма в английском языке является указание на преклонный возраст, конец жизни, в то же время дефиниции содержат

прямое: *pleasant* (приятное), *successful* (удачное, успешное) время или косвенное (*the feeling of youth in old age*) указание на положительные эмоции.

Переносное значение русского фразеологизма *бабье лето* не фиксируется в Словаре С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой, в Фразеологическом словаре А.И. Молоткова, только в Словаре русской фразеологии оно формулируется так: «2. О возрасте женщины 40-45 лет». Но для большинства русских и не требуется справочная информация словаря: их представления о значении фразеологизма, подсказанные внутренней формой, сформировались культурой, были заложены в традициях и присутствуют во внутреннем контексте. Говорящие владеют знанием о нём интуитивно, так как принадлежат к определённом языковому коллективу. На этом этапе метод компонентного и ассоциативного анализа «уступает место концептуальному анализу, формализующему то, что знает интуиция, что существует в коллективном бессознательном» [Чернейко 1995, с. 75].

Познавательная структура концепта «*БАБЬЕ ЛЕТО*» соотносится в сознании русских с совокупностью разнообразных вербальных и невербальных репрезентаций, но неизменной оказывается «стойкая» категория рода, обусловленная присутствием компонента *бабье* в составе фразеологизма: «*С бабьего лета - бабий праздник и бабьи работы*», «*Бабий век - сорок лет*», «*Отшумело, отзвенело бабье лето, / Паутинками окутав листья клёнов. / А сегодня журавлиной взмыла стайей / И волнуется надрывно, улетаая*». По сути дела, это уже мифологическая интерпретация выражения, которая осуществляется как акт сопоставления некоторых природных явлений (осенняя паутина, отлёт птиц, состояние погоды, листопад) с культурными темами, присутствующими в русском менталитете, прежде всего, с коротким бабьим веком, с увяданием былой красоты. Авторы историко-этимологического справочника русской фразеологии с ссылкой на статью прошлых лет так описывают *бабье лето*: «*Бабье лето - тонкая лёгкая паутина, летающая по полям и лесам и предвещающая сухую осень. Эта паутина*

ассоциируется с едва заметными седыми прядками волос у женщины, а время тёплых погожих дней - с её возрастом, который предшествует пожилому и характеризуется относительным расцветом» [Словарь русск. фраз., 1998, с. 84]. Не феминистски - *женская*, а именно простая *бабья* доля выступает на первый план, актуализируя определённые смыслы, которые, «переместившись» в концептуальную систему отдельного представителя лингвокультурного сообщества, закрепляются, оставляют след в его памяти и выступает в качестве контекста интерпретации, позволяя ему глубже понять, например, окказионализм А. Вознесенского: «*Не бабье лето - мужиковская весна. Есть зимний дуб. Он зацветает позже...*».

Итак, акустическая оболочка фразеологизма *бабье лето* в концептуальной системе русских выступает знаком *сложившейся познавательной структуры со стойкой эмоциональной интенсивностью*, связанной со стереотипным смыслом - грустью о прошедшей женской молодости. Логично предположить, что в пределах русской лингвокультурной общности этот фразеологизм может целенаправленно и эффективно эксплуатироваться в процессе эстетической речевой деятельности, если она мотивирована *сходными эмоциями*. Основанием для этого служит мнение В.П. Беянина о том, что «наиболее адекватно текст воспринимается теми читателями, тезаурус и эмоциональные структуры личности которых совпадают с авторскими» [Беянин 1988, с. 107].

Согласно когнитивной модели соотношения значения и смысла В.А. Пищальниковой, описанной выше, **мотив**, который, не осознаётся автором речевого произведения **есть внутренняя сторона эмоций**. Авторская мотивация раскрывается для читателя в системе эмоций, доминантных и производных, выраженных языковыми единицами, их структурной организацией в тексте. «Первоначальный «образ результата» доминантной эмоции может предполагать разные пути развития, но структура художественного текста направляет понимание реципиента на актуальный для автора путь, который и репрезентируется языковыми единицами: сходные

репрезентации отражают одно и то же эмоциональное содержание» [Пищальникова 1999, с.65]. В сложный процесс понимания, интерпретации текста «в поисковую деятельность включаются только элементы, взаимодействующие с эмоционально закреплёнными» (Ю.В. Виноградов, цит. по: [Пищальникова 1999, с. 67]), что значительно ускоряет процесс понимания, при этом «эмоциональное решение» (понимание) значительно опережает интеллектуальное. Эта психическая особенность может отчасти объяснить и возникновение эстетической эмоции у реципиента в процесс восприятия художественного текста, до анализа его компонентов» [Там же, с. 68].

Присутствие в тексте стереотипной языковой единицы, репрезентирующей культурно, эмоционально нагруженную когнитивную (познавательную) структуру, предопределяет её участие в «поисковой деятельности» реципиента текста. Тем более, что этот культурный знак - «сгусток информации» в ментальном лексиконе индивида, вобравший в себя в компрессированном виде настолько ёмкое пространство смысла, что русскоязычный реципиент может практически точно предсказать тематическое, эмоциональное, смысловое развёртывание текста, особенно если этот знак выносится в сильную позицию, в заглавие текста. В самом деле, вынесенная в заглавие стихотворения Ольги Берггольц [Берггольц 1980] фразеологическая единица *бабье лето* и есть то «остриё», о котором однажды сказал А. Блок: «Всякое стихотворение - покрывало, растянутое на остриях нескольких слов. Эти слова светятся как звёзды. Из-за них существует стихотворение» (Цит. по: [Николаева 2000, с. 425]).

БАБЬЕ ЛЕТО

Есть время природы особого света,
неяркого солнца, нежнейшего зноя.

Оно называется бабье лето
и в прелести спорит с самою весною.

Уже на лицо осторожно садится
летучая, лёгкая паутина...
Как звонко поют запоздалые птицы!
Как пышно и грозно пылают куртины!

Давно отгремели могучие ливни,
всё отдано тихой и тёмною нивой...
Всё чаще от взгляда бываю счастливой,
всё реже и горше бываю ревнивой.

О мудрость щедрейшего бабьего лета,
с отрадой тебя принимаю...И всё же,
любовь моя, где ты, аукнемся, где ты?
А рощи безмолвны, а звёзды всё строже.

Вот видишь - проходит пора звездопада,
и, кажется, время навек разлучаться...
А я лишь теперь понимаю, как надо
любить, и жалеть, и прощать, и прощаться.

(О. Берггольц)

Тематика стихотворения полностью укладывается во фрейм русского культурного пространства «БАБЬЕ ЛЕТО», здесь и погодная семантика - *время природы, особый свет, неяркое солнце, нежнейший зной*, и описание природных явлений: *запоздалые* (готовящиеся к отлёту) *птицы*, *пышно пылающие куртины*, *тихая тёмная* (скошенная) *нива*, представлена тематика, традиционно ассоциирующаяся с определённым эмоциональным настроем

женщины в этом возрастете (*от взгляда бываю счастливой, горше бываю ревнивой, любовь моя, где ты*). Это ностальгический символ возраста женщины, лёгкое сожаление о прошедших годах, молодости и красоте, о неумолимом времени, но в тоже время оно лишено трагичности или истерии. В нём присутствуют зрелая мудрость, спокойствие, уверенность и сила.

При переводе на английский язык литературовед и переводчица Аврил Паймен [TCRP 1980] прекрасно передаёт доминантный смысл стихотворения, амбивалентность ведущих эмоций: сожаления и грусти, спокойствия и мудрости. Взгляд со стороны - *etic* полностью соотносит *семантическую* презентацию текстов на английском и русском языках, но перед нами неравнозначные *когнитивные (познавательные)* структуры. Эмоции, описываемые в рамках переводящего языка, *гендерно универсальны* в языковом сознании американцев. Лирический герой стихотворения в английском варианте в равной степени может быть ассоциирован и с мужчиной, и с женщиной, преимущественно с мужчиной (что и было зафиксировано при опросе 82 учащихся в возрасте от 18 до 21 года из Колледжа образования в г. Уэйне (штат Небраска, США), а это обедняет смысл речевого произведения. Коварство отсутствия в английском языке грамматической категории рода не раз называлось одной из «крёстных мук» переводчика и описывалось, например, в работах Р. Якобсона, Г.Т. Хухуни [Jacobson 1959, Хухуни 1996]. Но «гендерная интрига» в данном случае усугубляется отсутствием в концептуальной системе американского читателя целого пласта знаний, эмоциональных переживаний, относящихся к женскому началу. На первый взгляд равнозначный, знак *не активизирует* в сознании иностранного читателя *аналогичные структуры знаний*, что заставляет переводчика думать о преобразовании структуры концепта, достраивании, введении в его состав дополнительной информации.

А. Паймен принимает в этой ситуации радикальное решение. Вынося в заглавие текста на переводящем языке *Indian Summer* - аналог русской фразеологической единицы, она снабжает его комментарием, сообщая читателям о

буквальном значении идиомы: «In Russian Indian Summer is called «Woman's summer» [TCRP, p. 725] - «по-русски «индейское лето» называют «женским летом». Способ перевода непопулярный, но до определённой степени оправданный в данном случае. До определённой степени, потому что он мало что сообщает иноязычному читателю. В современных фразеологических исследованиях, ведущихся в когнитивном направлении [Телия 1996, 1999, Добровольский 1998, Ковшова 1999], за идиомами закрепляется статус микротекста, возникающего в процессе интерпретации, когда носитель языка актуализирует всю известную ему информацию в семантическом пространстве культурного знания. Идиома воспринимается как знак, хранящий и воспроизводящий культурные установки народа, как знак, вся семантика которого «предстаёт в проблесках культуры». Для иностранного, в частности, американского читателя, выражение «женское лето» не проясняет инокультурного смысла, поэтому в личной переписке с преподавательницей, помогавшей провести эксперимент в США, возникает вопрос такого плана: «What is the etymology or origin of the phrase «old woman's summer? Is it romantic? How old does the woman have to be»? «А когда для немолодой женщины (old woman) начинается «женское лето»? Смысловая лакунарность в английском варианте остаётся, не позволяя «состыковаться» мотиву и эмоции, что требует дальнейшего достраивания когнитивной структуры, путём расширения комментария, ввода в него дополнительной информации, способной активизировать в сознании иностранного реципиента хотя бы часть той, которая соотносится со звуковой оболочкой в русской культуре - (*emic*). В качестве возможного варианта можно предложить расширить приведённый выше комментарий за счёт признаков, выделяемых специалистами-лексикографами при семантизации фразеологизма в этимологических словарях-справочниках.

Оставив в заглавии стихотворения аналогичную русской английскую фразеологическую единицу *Indian summer*, переводчица, вероятно, исходит из того, что существование семантического аналога предполагает сходство познавательных

структур, репрезентированных им. Но «значение - лишь некий когнитивный механизм обработки индивидуального опыта» [Пищальникова 2001, с. 35]. В случае межкультурной коммуникации - не только опыта отдельного представителя культурного сообщества, но всего сообщества в целом. Этот опыт предстаёт диффузным и нестабильным, он отражает не только процесс концептуализации и категоризации мира, но и определённые эмоции, экспрессию, модальные компоненты, присущие создателям знаков на первичной стадии семиозиса [Кубрякова 2000]. Поэтому информация в познавательной структуре способна перестраиваться, выводя на передний план одни компоненты смысла, оставляя за другими функцию фона и т. д.

Так, одна из интерлюдий к трилогии Джона Голсуорси «Сага о Форсайтах» озаглавлена: «*Indian Summer of a Forsyte*». Старый Джолион Форсайт случайно встречает Ирэн, бывшую жену своего племянника Сомса. Присутствие этой необыкновенно красивой и тонкой женщины, беседы с ней и само сознание, что красота существует рядом с ним, наполняют его душу грустной радостью, светлыми воспоминаниями и придают спокойствие и силы в последние минуты жизни. Ведущая амбивалентная эмоция текста, закрепляющая его доминантный смысл, представлена в различных языковых выражениях интерлюдии: *a sorrowful pleasure* - *грустная радость*, *miraculously sad and happy* - *неимоверная грусть и счастье*, в последних словах Старого Джолиона: «*Lovely! And he was happy - happy as a sand-boy - whatever that might be*». - *Дивно! Он был счастлив, счастлив как мальчишка*.

Русский аналог фразеологической единицы - *бабье лето* - не может появиться в переводе заглавия интерлюдии. Это обусловлено двумя причинами. Во-первых, внутренняя форма русского фразеологизма в силу своей референционной отнесённости обладает «женским голосом». Во-вторых, фоновая информация - окончание определённого жизненного периода - совпадает в обоих универсумах, но в английском её вектор направлен в сторону не женских переживаний, а репрезентации покоя и счастья,

наслаждения красотой женщины, летнего дня, жизни. Отсюда совершенно оправданным представляется описательный вариант, предложенный в переводе под редакцией М. Лорие, - «*Последнее лето Форсайта*».

Совершенно иной случай представлен в переводе структурно однотипного заглавия рассказа О. Генри *The Indian Summer of Dry Valley Johnson*. Он повествует о жизни старого холостяка, бывшего овцевода, который, когда ему исполнилось тридцать восемь, перебрался в другой город, начал вести праздный образ жизни, и тут с ним стряслась беда – «на него накатило бабье лето». В прекрасном переводе О. Холмской заглавие звучит следующим образом: *Бабье лето Джонсона Сухого Лога*. Намеренное нарушение гендерного признака способствует актуализации в сознании русскоязычного читателя «любовной» составляющей познавательной структуры в том направлении, как она представлена в русском сознании. Кроме того, избранный способ перевода позволяет русскому читателю оценить потенциал оксюморона - приоритетного художественного приёма в творчестве О. Генри. Для англоязычного читателя заглавие в этом отношении вполне нормативно, так как в содержании английской ФЕ отсутствует гендерная маркированность.

4.2.1. Ассоциативное значение и формирование когнитивных структур

Интересно привести некоторые сравнительные данные, связанные со словами-стимулами *община / community*. Объективным показателем культурной специфики концепта COMMUNITY является частотность употребления слова *community*, актуализирующего концепт (180 единиц на 500 страниц печатного текста.) Семантический гештальт концептов в двух языках, структурированный на основе ассоциатов, полученных в ходе ассоциативного эксперимента, хотя и демонстрирует некоторые расхождения, но представлен однотипными группами. См. схему 9 и 10.

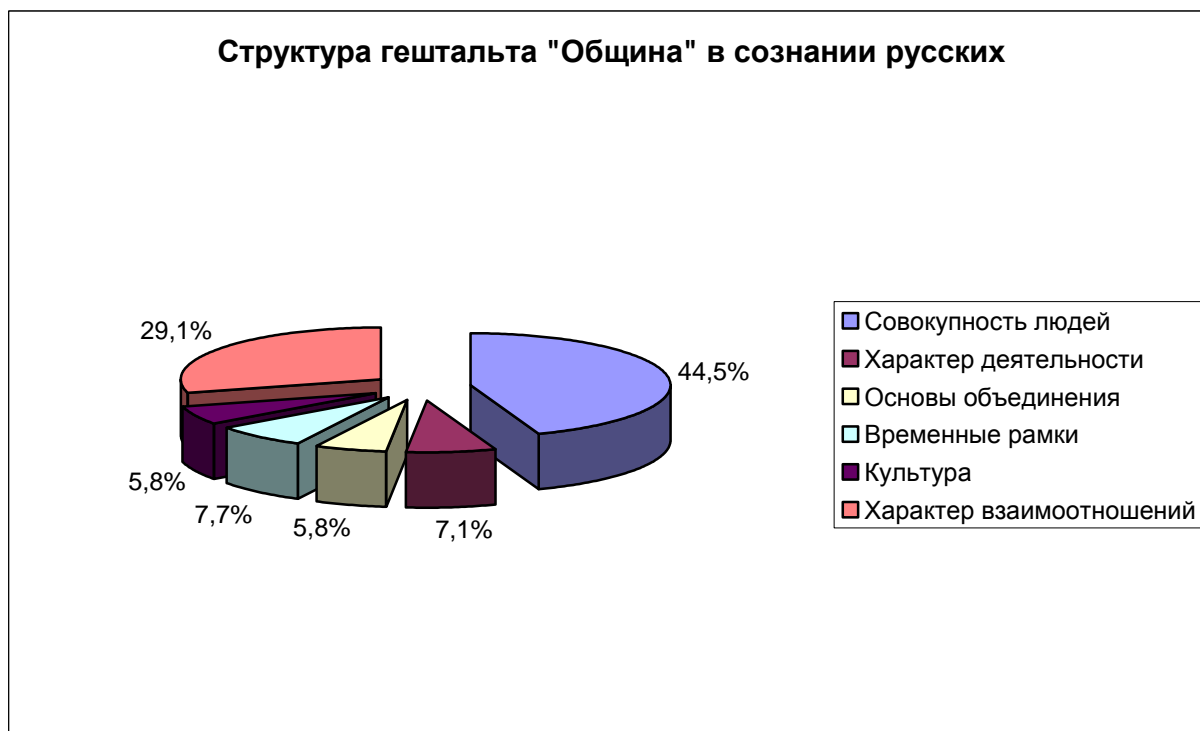


Схема 9. Структура гештальта «Община» в сознании русских

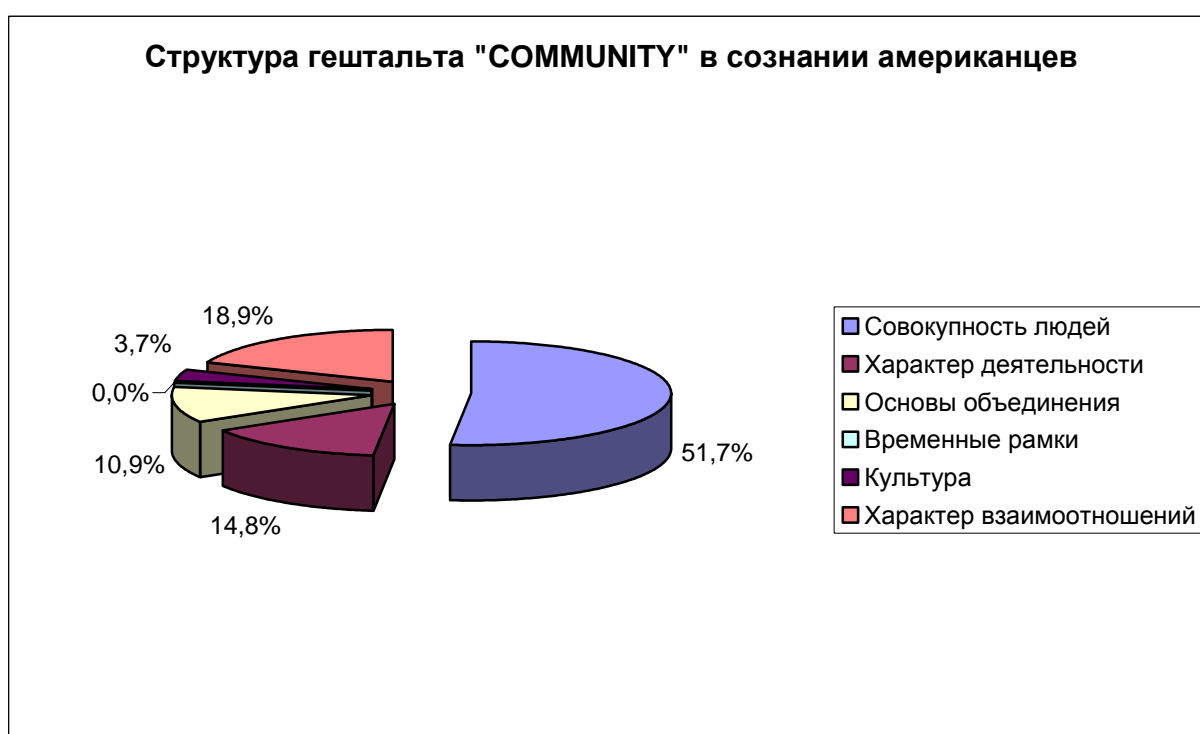


Схема 10. Структура гештальта «Community» в сознании американцев

Нет больших расхождений и в количественной характеристике отдельных групп. Ср. таблицу 3 и 4.

Совокупность людей	44,5%
Характер деятельности	7,1%
Основы объединения	5,8%
Временные рамки	7,7%
Культура	5,8%
Характер взаимоотношений	29,1%

Таблица 3. Количественная презентация культуры гештальта «Община» в сознании русских

Совокупность людей	51,7%
Характер деятельности	14,8%
Основы объединения	10,9%
Временные рамки	0,0%
Культура	3,7%
Характер взаимоотношений	18,9%

Таблица 4. Количественная презентация культуры гештальта «Community» в сознании американцев

Однако когнитивные структуры, актуализированные коррелирующими словами двух языков демонстрируют кардинальные отличия. Если в ассоциациях американцев на стимул *community* в группе СОВОКУПНОСТЬ ЛЮДЕЙ (84 реакции) присутствуют ассоциаты *family* (49), *church* (11), *local* (8), *small town* (9), *Chewonki* (3), *neighbour* (3), т.е. те, которые представляют личностную сферу человека, то семантический гештальт аналогичной группы русских респондентов (общее количество 124) представлен следующими ассоциатами: *группа*(23), *народ* (19), *класс* (18), *общественность*(16), *общество* (16), *собрание* (8), *коллектив* (8). Среди одиночных реакций, например, такие, как: *толпа*, *совхоз*, *деревня*, *квартира*, *семья*.

Разная логическая и эмоциональная направленность смыслового пространства, ассоциируемого с представленными словами-стимулами образно предстаёт в метатекстовых определениях. Так, Хиллари Р. Клинтон в своей книге *“It Takes a Village”* вспоминает о том, что связано у неё с понятием *community*:

Many parents also had a lot of help from the *village* in raising my brothers and me. Our *community* was a visible extension of our family. We were in and out of our friends’ yards and houses constantly. We played softball, staged elaborate team contests, all under the watchful eyes of parents. On summer nights, they sat together in one another’s yards or porches, chatting while we kids played.

There were plenty of other caring, responsible adults who did their best to see that all the children in the *community* were getting the attention they needed.

Community resources were managed for the benefit of children. The land surrounding each school served as a park and playing field for kids all year round, the church was an important presence in our lives (*Clinton 1995*)

Основные признаки познавательной структуры связаны с окружающими людьми, с соседями, теплотой общения, заботой, которую проявляют взрослые к детям,

Обращается к понятию «община» и А.Д. Шмелёв, описывая пару «свобода - воля». «Община» - слово архаичное по своему денотативно-сигнификативному значению, но сохранившее эмоциональную память. «Община» и «мир» имеют много общего. «Мир» в русском языке соответствует целому ряду значений. Исторически всё многообразие таких слов можно рассматривать как модификацию некоего исходного значения «гармония, обустройство, порядок». Образцом порядка и считалась сельская община, которая так и называлась - «мир». Общинная жизнь строго регламентирована (налажена - лад), и любое отклонение от принятого распорядка воспринимается болезненно, как «непорядок». Покинуть этот регламентированный распорядок и значит «вырваться на волю» [Шмелёв 2002, с. 71].

Ассоциативные значения слова *община* перегружены отрицательными обертонами: *культ, круговая порука, конформизм, несвобода, бедность*.

Слово *community* сложное для понимания и особенно для перевода. Несмотря на прозрачность и конвенциональность формы, в российском обществе ещё не сформирована близкая когнитивная структура. Поэтому при переводе нижеприведённого текста начинающие переводчики не могут осмыслить и понять когнитивные признаки, которые профилируются в каждом отдельном случае употребления слова:

I am very happy to be the new editor for ICIS. For years, I have been fascinated with intercultural communication. It is interesting to improve communication between people who do not share common beliefs and values. Celebrate those that add harmony and dischord to the songs in your *communities* and keep singing your song!

I also teach service-learning. It is a method of teaching which connects course content with high quality service to the *community*. Students develop a greater sense of connectedness with their *community* and, thereby, enhance their knowledge and skills in intercultural communication. Student's affective domains are positively activated because they feel that they have made real differences in their *communities* [ICIS 2001

Перевод – это всегда примерка, перебор возможных вариантов. Но диапазон возможностей, количество признаков, которые могут актуализироваться в конкретной ситуации, оказываются чрезвычайно малыми и сводятся к однотипным: *община, сообщество, общество, люд*, что не выводит читателя на адекватную познавательную структуру.

Расширение значения, формирование «живого» слова возможно с привлечением дополнительной информации о содержании значения. Данные ассоциативного эксперимента могут оказать здесь реальную помощь.

Выводы по главе

Сказанное позволяет заключить, перевод - одна из форм межкультурной коммуникации. Центральную позицию в ней занимает переводчик, организуя и выстраивая двуаспектную деятельность понимания и смыслопорождения. Присутствие различий в сознании общающихся является

нормой межкультурной коммуникации, что и должен учитывать переводчик, определяя стратегии своей деятельности. Эти стратегии обусловлены соотношением концептуальных систем коммуникантов, результатами рефлексии над сопоставлением интериоризированных переводчиком познавательных (когнитивных) структур значения разных языков, преломлением их в конкретном акте коммуникации.

Перевод является сложной системой *отношений*, в которой место каждого компонента детерминировано его значимостью в контексте ситуации, текста, культуры, опыта. Поэтому переводчик находится в состоянии постоянного выбора, принятия решений, от которых зависит «встретятся, состыкуются» ли образы мира в сознании коммуникантов, а значит осуществится ли вообще процесс коммуникации.

Инструментом «диалога сознания» людей, принадлежащих к разным лингвокультурным сообществам, являются познавательные (когнитивные) структуры. Отсюда, приоритетные стратегии при переводе направлены на поиски способов целесообразного обмена такими структурами или на их создание. Формирование и обмен структурами может осуществляться посредством:

а) ориентации переводчика в коммуникативном пространстве определённого сообщества в направлении *etic - emic - etic*;

б) осуществления переводческой рефлексии, позволяющей предопределить зоны несовпадения концептуальных систем (сознаний) коммуникантов (зоны текстового напряжения) и наметить пути интерпретационного процесса, руководствуясь когнитивной моделью соотношения значения и смысла.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Данная работа представляет собой исследование одного из видов речемыслительной деятельности - переводческого. Общие направления в эволюции теории перевода последовательно совпадали со сменой парадигм в языкознании, демонстрируя изменения в своём объекте от лингвостатического (текст) до психодинамического (процесс перевода) и позже - до вполне логического их взаимодействия. Проведённый в работе критический анализ предметно-объектных предпочтений в различных моделях перевода показал, что возможность обращения к посредническому (медиативному) аспекту перевода, избранному в качестве объекта проведённого исследования, могла возникнуть только в связи с современными подходами к языку. В их основе лежат суждения о том, что язык не обладает статусом самостоятельной сущности, а является одним из психических процессов человека. Отсюда следует, что языковые явления служат доступом к более общим принципам и механизмам человеческого познания. Предлагаемая в работе интегративная концепция, соединяющая в себе ключевые положения психолингвистики, семиотики, когнитивной лингвистики и теории межкультурной коммуникации, позволила выделить в переводческой деятельности особый параметр - личность переводчика, акцентировать специфику его сознания и мышления.

Результаты проведённого исследования позволили констатировать, что иерархизация мотивов посреднической деятельности, постоянно происходящие в сознании/мышлении переводчика информационные, семиотические и эмоциональные обмены со средой (концептуальными системами продуцента и реципиента) способствуют переструктурированию языкового сознания и языковой способности переводчика. В результате вербального посредничества языковая переводческая личность приобретает качества особого «функционального органа», способного обеспечивать

координацию и оптимизацию общения в процессе межкультурной коммуникации.

Вербальная посредническая деятельность переводчика, осуществляемая в широком контексте культуры, реализуется с помощью знаков и репрезентируемых ими моделей. Обращение к семиотическому аспекту в переводческом ракурсе позволило переосмыслить соотношение типологических свойств знаков и их культурной маркированности в лингвокультурном сообществе. Известное утверждение о том, что в знаке *могут* присутствовать черты всех трёх типов - символического, иконического и индексального, - получило в работе конкретное уточнение. В знаках, передающих культурноспецифическую информацию, этот конгломерат носит *постоянный, эксплицитный характер*. На фоне константно присутствующей символичности иконичность таких знаков проявляется в диаграмматическом варианте, количественно отражая соотношение между языковой и ментальной структурами в текстах на исходном и переводящем языках, что находит отражение во внутренней и внешней адаптации текста. Индексальность описываемых знаков обуславливает их относительный характер, обязательное соотношение с кодом культуры, в рамках которой они функционируют, выводной характер их содержания.

Одним из основных результатов настоящей работы является выявление специфики формирования интегративных когнитивных структур, активизирующих коррелирующие познавательные пространства индивидов с разным этническим сознанием. С этой целью выявлены и проанализированы механизмы, стратегии и средства построения таких структур, а также связанные с ними адаптивные изменения в мотивационной и когнитивной сфере переводчика, в его языковом сознании.

В работе предлагается расширить статус наблюдателя в посредническом коммуникативном процессе и наделить этой функцией переводчика, что

необходимо для определения вектора направления и степени смещения в значении знаков, подлежащих переводу.

В настоящем исследовании предпринята попытка теоретически обосновать и продемонстрировать на конкретном материале, что оптимальной интегрирующей моделью, с помощью которой осуществляется медиативная деятельность переводчика, создаются интегративные когнитивные структуры, является концепт/ языковое сознание. Он позволяет максимально расширить пространство, служащее источником информации при анализе воспринимаемых и продуцируемых речевых произведений. Такая информация - результат вовлечения всех составляющих сознания индивида: значения, эмоций и переживаний, ассоциаций и оценок, воспоминаний и фантазий.

Обращение к понятию языковое сознание переводчика позволило выявить специфические изменения в когнитивных, эмоциональных и поведенческих реакциях искусственного, или профессионального билингва, основанных на неизбежном синкретизме двух языков и культур в его сознании. Из выделяемых исследователями двух типов синкретизма - конструктивного и неконструктивного - мы полагаем, что в языковом сознании переводчика-билингва преобладает или находится в состоянии динамического становления конструктивный тип. В качестве доказательства высказанного утверждения приводятся два аргумента, которые связаны: 1) с принципом функциональности системы переводческой деятельности, её подчинением средовым обстоятельствам; 2) с особенностью репрезентации слов второго языка в ментальном лексиконе билингва. Конструктивный тип синкретизма переводчика-билингва, с одной стороны, детерминирован его профессиональной деятельностью, а с другой - способствует оптимизации этой деятельности.

Один из выводов проведённого исследования связан с положением о том, что главенствующим структурообразующим фактором перевода выступает языковая способность переводчика билингва. В предлагаемой нами

модели языковой личности переводчика эта величина выступает постоянно развивающимся механизмом вербализации ментального содержания. В исследовательских целях она может быть представлена тремя взаимодействующими и взаимодополняющими компонентами: ментальным лексиконом, когнитивной компетенцией и собственно языковой способностью. В процессе профессиональной посреднической деятельности все психические функции переводчика организуются для создания оптимизирующих стратегий по операциям с информацией, для доступа к сложным комплексам ментального лексикона, для совершенствования его языковой способности. В такой ситуации переводческая личность и предстаёт особым «функциональным органом», сочетанием сил, призванным снять «избыток недостатка».

В рамках данного направления имеются следующие перспективные линии дальнейших исследований:

1. Расширение сферы и представленности языковых явлений, которые могут быть опознаны как культурноспецифические. Культурная специфика проявляется не только в значении слов, но и в грамматических формах и конструкциях (статический аспект). Культурноспецифическими могут оказаться стратегии организации языковых единиц, принятые в отдельном лингвокультурном сообществе в зависимости от типа дискурса, в котором они употребляются (динамический аспект).
2. Выявление психологической реальности механизма, обеспечивающего вербализацию ментального содержания в представленной в третьей главе модели «когнитивного круга», может внести уточнения в специфику выявленных компонентов модели.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Адмони В.Г. Основы теории грамматики. - М.-Л.: Наука, 1964. - 105 с.
2. Алпатов В.М. История лингвистических учений: Учеб. пособие. - 3-е изд. - М.: Языки славянской культуры, 2001. - 368 с.
3. Анохин П.К. Узловые вопросы теории функциональной системы. - М.: Изд-во МГУ, 1980. - 197 с.
4. Анохин П.К. Философские аспекты теории функциональных систем. - М.: Наука, 1978. - 399 с.
5. Апресян Ю.Д. Интегральное описание языка и системная лексикография // Избранные труды. - М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. - Т.2. - 767 с.
6. Багринцева Н.В. Культурно-детерминированные факторы в теории и практике перевода (на материале художественных англо-русских текстов): Автореф. дис ... канд. филол. наук. - М., 2001. - 24 с.
7. Базылев В.Н. Новая метафора языка (семиотико-синергетический аспект): Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. - М., 1999. - 53 с.
8. Баранов А.Н. Введение в прикладную лингвистику: Учебное пособие. - М.: Эдиториал УРСС, 2001. - 360 с.
9. Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Постулаты когнитивной семантики // Известия АН. Серия литературы и языка. - 1977. - Т. 56. - № 1. - С. 11-21.
10. Бардина Н.В. Конфигуративно-энергетические единицы речевого потока // Семантика языковых единиц: Доклады V Междунар. конференции. - М.: ИЯ РАН, 1996. - Т. I. - С. 3-5.
11. Барсук Л.В. Категоризация как психолингвистическая модель установления референции // Психолингвистические проблемы функционирования слова в лексиконе человека: Коллективная монография / Под общ. ред. А.А. Залевской. - Тверь: Твер. гос. ун-т, 1999. - С. 21-56.

12. Бархударов Л.С. Язык и перевод. Вопросы частной и общей теории перевода. - М.: Международные отношения, 1975. - 240 с.
13. Бахтин Н.М. Разговор о переводах. Из жизни идей. - М.: Лабиринт, 1995. - С. 53-56.
14. Бейтс Е. Интенции, концепции и символы // Психолингвистика: Сб. статей. - М.: Прогресс, 1981. - С. 5-102.
15. Белянин В.П. Психолингвистические аспекты художественного текста. - М.: Изд-во МГУ, 1988. - 120 с.
16. Бенвенист Э. Общая лингвистика / Под ред. Ю.С. Степанова. - М.: Прогресс, 1974. - 447 с.
17. Березин Ф.М. О парадигмах в истории языкознания XX в. // Лингвистические исследования в конце XX в.: Сб. обзоров. - М.: ИНИОН РАН, 2000. - С. 9-21.
18. Биbihин В.В. О проблеме определения сущности перевода // Тетради переводчика. - М.: ИМО, 1973. - Вып. 10. - С. 3-14.
19. Блох М.Я., Семёнова Т.Н. Имена личные в парадигматике, синтагматике и прагматике - М.: Готика, 2001. - 193 с.
20. Богин Г.И. Типология понимания текста: Учебное пособие // Психолингвистика: Хрестоматия / Сост. В.А. Пищальникова и др. - Москва; Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. - С. 29-74.
21. Богин Г.И. Значащее переживание как необходимая часть системы смыслов // Лингвосинергетика: проблемы и перспективы: Материалы второй школы-семинара 2 июля 2001 г. / Отв. ред. В.А. Пищальникова. - Барнаул, 2001. - С. 5-22.
22. Богин Г.И. Субстанциональная сторона понимания речи. - Тверь: Твер. гос. ун-т, 1993. - 137 с.
23. Богин Г.И. Схемы действия читателя при понимании текста. - Калинин, 1989. - 69 с.
24. Богин Г.И. Филологическая герменевтика. - Калинин, 1982. - 86 с.

25. Бондарко А.В. Телеологическая основа и каузальный аспект функций языковых средств // С любовью к языку: Сб. научных трудов. Посвящается Е.С. Кубряковой. - Москва-Воронеж, ИЯ РАН, Воронеж. гос. ун-т, 2002. - С. 20-28.
26. Бондарко А.В. «Эквивалентность при существовании различия»: концепция Р.О. Якобсона и современная проблематика стратификации семантики // Роман Якобсон. Тексты, документы, исследования / Отв. ред. Х. Баран, С.И. Гиндин. - М.: Рос. гос. гум. ун-т, 1999. - С. 530-540.
27. Бреус Е.В. Основы теории и практики перевода с русского языка на английский: Учебное пособие. - М.: Изд-во УРАО, 1998. - 208 с.
28. Брутян Г.А. Гипотеза Сепира-Уорфа. - Ереван: Изд-во АН Арм. ССР, 1968. - 66 с.
29. Брушлинский А.В. Деятельность субъекта и психическая деятельность // Деятельность: теория, методология, проблемы. - М.: Наука, 1990. - С. 129-142.
30. Бурукина О.А. Проблема культурно-детерминированной коннотации в переводе: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. - М., 1998.- 24 с.
31. Бутакова Л.О. Языковая способность, языковая компетенция: способы лингвистической диагностики структур сознания индивида // Языковое бытие человека и этноса: психолингвистический и когнитивный аспекты / Под ред. В.А. Пищальниковой. - М.: МГЭИ, 2004. - Вып. 7. - С. 25-39.
32. Бутакова Л.О. Авторское сознание в поэзии и прозе: когнитивное моделирование: Монография. - Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2001. - 283 с.
33. Бутакова Л.О. Авторское сознание как базовая категория текста: когнитивный аспект: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. - Барнаул, 2001. - 40 с.
34. Быкова Г.В. Лакунарность как категория лексической системологии: Автореф. дис. ... д-ра. филол. наук. - Воронеж, 1999. - 32 с.
35. Валгина Н.С. Теория текста. - М.: Логос, 2003. -280 с.

36. Вартофский М.. Модели. Репрезентация и научное понимание: [Пер. с англ.] / Общ ред. и послесл. И.Б. Новика, В.Н. Садовского. - М.: Прогресс, 1988. - 507 с.
37. Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов. - М.: Языки славянской культуры, 2001. - 288 с.
38. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков / Пер. с англ. А.Д. Шмелёва под ред. Т.В. Булыгиной. - М.: Языки русской культуры, 1999. - 780 с.
39. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. - М.: Русские словари, 1997. - 411 с.
40. Веккер Л.М. Психика и реальность: единая теория психических процессов. - М.: Смысл, 1998. - 685 с.
41. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. - 3-е изд. - М.: Русский язык, 1983. - 269 с.
42. Виноградов В.С. Перевод. Общие и лексические вопросы. - М.: КДУ, 2004. - 240 с.
43. Витренко А.Г. Декодирование прозаического художественного текста при переводе // Перевод как когнитивная деятельность. - М., 2003. - С. 54-83. (Тр. МГЛУ. - Вып. 480).
44. Власенко С.В. Факторы лакунизации текста (на основе анализа англо-американских и русских текстов разного коммуникативного статуса): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. - М.: ИЯ РАН, 1996. - 44 с.
45. Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. - М.: Международные отношения, 1980. - 342 с.
46. Воскобойник Г.Д. Лингвофилософские основания общей когнитивной теории перевода: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. - М, 2004. - 40 с.
47. Выготский Л.С. Мышление и речь. - М.: Лабиринт, 1996. - 414 с.

48. Гадамер Х.-Г. Истина и метод: основы философской герменевтики. - М.: Прогресс, 1988. - 704 с.
49. Гадамер Г.-Г. Актуальность прекрасного. - М.: Искусство, 1991. - 366 с.
50. Гак В.Г. Языковые преобразования. - М.: Языки русской культуры, 1998. - 768 с.
51. Гак В.Г. Язык как форма самовыражения народа // Язык как средство трансляции культуры. - М.: Наука, 2000. - С. 54-68.
52. Галеева Н.Л. Основы деятельностной теории перевода. - Тверь: Твер. гос. ун-т, 1997. - 79 с.
53. Галь Н. Слово живое и мёртвое. - М.: София, 2003. - 608 с.
54. Гальперин И.Я. Текст как объект лингвистического исследования. - М.: Наука, 1981. - 139 с.
55. Гарбовский Н.К. Теория перевода: Учебник. - М.: МГУ, 2004. - 544 с.
56. Гачечиладзе Г.Р. Художественный перевод и литературные взаимосвязи. - М.: Советский писатель, 1972. - 253 с.
57. Герман И.А., Пищальникова В.А. Введение в лингвосинергетику. - Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1999. - 127 с.
58. Гийом Г. Принципы теоретической лингвистики. - М.: Прогресс, 1992.
59. Горошко Е.И. Интегративная модель свободного ассоциативного эксперимента. - Харьков; Москва: РА - Каравелла, 2001. - 320 с.
60. Губернаторова Э.В. Метафора как компрессированный компонент перевода: деятельностный аспект: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. - Барнаул, 2003. - 21 с.
61. Гумбольдт В. фон. Язык и философия культуры: Пер. с нем. языка. - М.: Прогресс, 1985. - 465 с.
62. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. - М.: Прогресс, 1984. - 397 с.
63. Гумбольдт В. фон. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человеческого рода // В.А. Звегинцев. История

- языкознания XIX - XX вв. в очерках и извлечениях. - М.: Просвещение, 1964. - Ч.1. - С. 85-104.
64. Гуревич В.В. О «субъективном» компоненте языковой семантики // Вопросы языкознания. - 1998. - № 1. - С. 27-35.
65. Гусев В.В. Эмпатическая модель в формировании стратегии перевода // Перевод как когнитивная деятельность. - М., 2003. - С.26-41. (Тр. МГЛУ. - Вып. № 480).
66. Гусев В.В. Некоторые особенности осмысления текста в устном последовательном переводе // Перевод и дискурс. - М., 2002. - С. 26-43. (Тр. МГЛУ. - Вып.№. 463).
67. Демурова Н.М. О переводе сказок Кэрролла // Приключения Алисы в стране чудес. Сквозь зеркало и что там увидела Алиса, или Алиса в Зазеркалье / 2-е стереот. изд. - М.: Наука, 1991. - С. 315-336.
68. Демьянков В. З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // Вопросы языкознания. - 1994. - № 4. - С. 14-33.
69. Денисова Г.В. В мире интертекста: язык, память, перевод. - М.: Азбуковник, 2003. - 298 с.
70. Дмитриева Н.Л. Конвенциональный стереотип как средство регуляции восприятия вербализованного содержания: Дис. ... канд. филол. наук.- Барнаул, 1996. - 145 с.
71. Добровольский Д.О. Национально-культурная специфика во фразеологии // Вопросы языкознания. - 1997. - № 6. - С. 37-48.
72. Елизарова Г.В. Культурологическая лингвистика. Опыт исследования понятия в методических целях. - СПб.: Бельведер, 2000. - 140 с.
73. Ермолович Д.И. Имена собственные на стыке языков и культур. - М.: Р. Валент, 2001. - 200 с.

74. Жельвис В.И. К вопросу о характере русских и английских лакун // Национально-культурная специфика речевого поведения. - М.: ИЯ РАН 1977. - С. 136-146.
75. Жених Е.Л. Особенности природы немецкой безэквивалентной лексики и её влияние на перевод (с немецкого языка на русский): - Автореф. дис. ... канд. филол наук. - М., 2000. - 20 с.
76. Жинкин Н.И. Язык - Речь - Творчество. - М.: Лабиринт, 1998. - 368 с.
77. Жинкин Н.И. Речь как проводник информации / [Предисл. Р.Г. Котова, А.И. Новикова]. - М.: Наука, 1982. - 159 с.
78. Жулидов С.Б. О роли типологических и этнокультурологических межъязыковых расхождений в художественном переводе // Вестник Иркут. гос. лингв. ун-та. Серия лингвистики. - 2001. - №3. - С. 132-140.
79. Залевская А.А. «Чувствующий мозг» в трактовке А. Дамазио // Слово и текст: психолингвистический подход: Сб. научных трудов / Под общ. ред. А.А. Залевской. - Тверь: Твер. гос. ун-т, 2005. - Вып. 4. - С. 41-55.
80. Залевская А.А. Телесность / корпоральность и значение слова // Языковое бытие человека и этноса: психолингвистический и когнитивный аспекты: Сб. статей / Под общ. ред. В.А. Пищальниковой. - Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004. - С. 57-64.
81. Залевская А.А. Языковое сознание и описательная модель языка // Методология современной психолингвистики: Сб. статей. - Москва; Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. - С. 35-49.
82. Залевская А.А., Медведева И.Л. Психолингвистические проблемы учебного двуязычия: Учебное пособие. - Тверь: Твер. гос. ун-т, 2002. - 194 с.
83. Залевская А.А. Текст и его понимание: Монография. - Тверь: Твер. гос. ун-т, 2001. - 177 с.
84. Залевская А.А. Введение в психолингвистику. - М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 1999. - 382 с.

85. Залевская А.А. Специфика психолингвистического подхода к анализу языковых явлений // Психолингвистические проблемы функционирования слова в лексиконе человека: Коллективная монография / Под общ. ред. А.А. Залевской. - Тверь: Твер. гос. ун-т, 1999а. - С. 6-21.
86. Залевская А.А. Значение слова и возможности его описания // Языковое сознание: формирование и функционирование: Сб.статей / Отв. ред. Н.В. Уфимцева. - М.: ИЯ РАН 1998. - С. 35-54.
87. Зимняя И. А. Лингвопсихология речевой деятельности. - М.: Московский психолого-социальный институт. - Воронеж: НПО «МОДЭК», 2001. - 432 с.
88. Зимняя И.А. Психология обучения неродному языку - М.: Рус.язык, 1989. - 219 с.
89. Зинченко В.П. Размышления о душе и её воспитании (час души) // Вопросы философии. - 2002. - №2. - С. 119-136.
90. Зинченко В.П. Психологическая теория деятельности («воспоминания о будущем») // Вопросы философии. - 2001. - №2. - С. 66-88.
91. Зинченко В.П. Психологическая педагогика: Материалы к курсу лекций. - Ч.1. Живое знание. - Самара: Самарский Дом печати, 1998. - 213 с.
92. Зинченко В.П. Проблема образующих сознания в деятельностной теории психики // Вестник МГУ. Серия 14. Психология. - 1988. - №3. - С. 25-34.
93. Зубкова Л.Г. Античные теории языкового знака // Методология современной лингвистики: проблемы, поиски, перспективы: Сб. статей / Под общ. редакцией Л.М. Босовой. - Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2000. - С. 83-90.
94. Зубкова Л.Г. Языковое содержание и языковая картина мира (к истории вопроса) // Языковая картина мира: лингвистический и культурологический аспекты: Мат-лы междунар. научно-практич. конференции. - Бийск: НИЦ БиГПИ, 1998. - Т.1. - С. 205-210.

95. Имедадзе Н. В. Экспериментально-психологические исследования овладения вторым языком: Дис. ... д-ра филол. наук. - Тбилиси, 1978. - 365 с.
96. Калинин И.В. Современное переводоведение Франции и Канады (концептуально-историческое исследование): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. - М., 1999. - 23 с.
97. Каплуnenко А.М. Некоторые проблемы репродукции поэтической интонации при переводе с английского на русский (на материале сонетов В. Шекспира) // Вопросы теории и практики перевода: Сб. научных трудов. - Вып. 2. - Иркутск, 1999.-
98. Карасик В.И. Культурные доминанты в языке // Языковая личность: Культурные концепты. - Волгоград; Архангельск, 1996. - С. 3-15.
99. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. Изд. 2-е, стереотипное. - М.: Едиториал УРСС, 2002. - 264 с.
100. Караулов Ю.Н. Показатели национального менталитета в ассоциативно-вербальной сети // Языковое сознание и образ мира: Сборник статей. - М.: ИЯ РАН, 2000. - С. 191-206.
101. Караулов Ю.Н. Активная грамматика и ассоциативно-вербальная сеть. - М.: ИРЯ РАН, 1999. - 180 с.
102. Караулов Ю.Н. Русский ассоциативный словарь. - М.: РАН, кн.1., 1994. - 224 с.
103. Карпухина В.Н. Аксиологические стратегии текстопорождения и интерпретация текста (на материале стихотворений Р. Киплинга и их переводов на русский язык: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. - Барнаул, 2001. - 17 с.
104. Кацнельсон С.Д. Язык и мышление // Категории языка и мышления: Из научного наследия. - М.: Языки славянской культуры, 2001. - С. 23-551.

105. Кашкин И.А. Вопросы перевода // Перевод - средство взаимного сближения народов: Худож. публицистика / Сост. А.А. Клышко. - М.: Прогресс, 1987. - С. 327-358.
106. Кибрик А.А., Плунгян В.А. Функционализм // Фундаментальные направления американской лингвистики / Под ред. А.А. Кибрика, И.М. Кобозевой и др. - М.: Изд-во МГУ, 1997. - С. 276-339.
107. Климов Е.А. Введение в психологию труда. - М.: МГУ, 1988. - 157 с.
108. Климова Г.В. Общение и перевод // Перевод и дискурс. - М., 2002. - С. 43 - 51. (Тр. МГЛУ. - Вып. 463).
109. Клюканов И. Э. К вопросу о языковом фетишизме // Языковое бытие человека и этноса: психолингвистический и когнитивный аспекты: Сб. статей. / Под общ. ред. В.А. Пищальниковой. - М.; Барнаул, 2003. - С.113-125.
110. Клюканов И.Э. Динамика межкультурного общения: к построению нового концептуального аппарата: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. - Саратов, 1999. - 42 с.
111. Клюканов И.Э. Динамика межкультурного общения. Системно-семиотическое исследование. - Тверь: Твер. гос. ун-т, 1998. - 99 с.
112. Клюканов И.Э. Психолингвистические проблемы перевода. - Калинин, Калининский гос. ун-т, 1989. - 74 с.
113. Кобозева И.М. Лингвистическая семантика. - М.: Эдиториал УРСС, 2000. - 352 с.
114. Ковшова М.Л. Культурно-национальная специфика фразеологических единиц (когнитивные аспекты): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. - М, 1996. - 22 с.
115. Козлова Л.А. Специфика языкового сознания билингвов и её манифестация в их речевой деятельности // Мир языка и межкультурная коммуникация: Мат-лы междунар. научно-практич. конференции. - Барнаул, 2001. - Ч.1. - С. 140-145.

116. Козлова Л.А. Лингвокультурный аспект в обучении грамматике (на материале английского языка) // Методология обучения иностранным языкам в ВУЗах. - Новосибирск: НГУ, 1999. - С. 63-66.
117. Колобаев В.К. Факторы, влияющие на восприятие и понимание иноязычного текста // Понимание и интерпретация текста: Сб. научных трудов / Отв. ред. Г.И. Богин. - Тверь: Твер. гос. ун-т, 1994. - С. 160-168.
118. Комиссаров В.Н. Современное переводоведение: Учебное пособие. - М.: ЭТС, 2002. - 242 с.
119. Комиссаров В.Н. Переводческие аспекты межкультурной коммуникации // Актуальные вопросы межкультурной коммуникации: Сб. научных трудов / Под ред. И.И. Халеевой. - М., 1999. - С. 75-87. (Тр. МГЛУ. - Вып. 444).
120. Комиссаров В.Н. Переводоведение в XX веке: некоторые итоги // Тетради переводчика. Научно-теоретический сборник. - Вып. 24 / Под ред. С.Ф. Гончаренко. - М.: - МГЛУ, 1999а. - С. 4-20.
121. Комиссаров В.Н. Общая теория перевода. Проблемы переводоведения в освещении зарубежных учёных. - М.: ЧеРо, 1999б. - 136 с.
122. Комиссаров В.Н. Коммуникативные проблемы перевода: современные парадигмы // Перевод и коммуникация. - М.: ИЯ РАН, 1997. - С. 7-16.
123. Комиссаров В.Н. Интуитивность перевода и объективность переводоведения // Язык. Поэтика. Перевод. М., 1996. - С. 91-99. (Тр. МГЛУ. - Вып. 426).
124. Комиссаров В.Н., Ольховиков Б.А. Краткий словарь переводческих терминов 1. Концептуальная основа «Энциклопедия перевода». Проспект проекта // Материалы второй международной конференции ЮНЕСКО Евролингвауни, Москва 29-31 мая. - МГЛУ, 1995. - С. 307-311.
125. Комиссаров В.Н. Когнитивные аспекты перевода // Перевод и лингвистика текста. - М.: Всероссийский центр переводов, 1994. - С. 7-22.
126. Комиссаров В.Н. Лингвистика перевода. - М.: Междунар. отношения, 1980. - 166 с.

127. Комиссаров В.Н. Слово о переводе (Очерк лингвистического учения о переводе). - М.: ИМО, 1973. - 215 с.
128. Копанёв П.И. Вопросы истории и теории художественного перевода. - Минск, 1972. - С. 105-174.
129. Корнилов О.А. Языковая картина мира как отражение национальных менталитетов: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. - М., 2000. - 45 с.
130. Кравченко А.В. Знак, значение, знание. Очерк когнитивной философии языка. - Иркутск: Издание ОГУП, 2001. - 261 с.
131. Кравченко А.В. Язык и восприятие: Когнитивные аспекты языковой категоризации. - Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1996. - 160 с.
132. Кравченко А.В. Классификация знаков и проблема взаимосвязи языка и знания // Вопросы языкознания. - 1999. - №6. - С. 3-13.
133. Красных В.В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность? (Человек. Сознание. Коммуникация): Монография. - М.: Диалог-МГУ, 1998. - 352 с.
134. Кремнёва А.В. Функционирование библейского мифа как прецедентного текста (на материале произведений Джона Стейнбека): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. - Барнаул, 1999. - 16 с.
135. Крюков А.Н. Антиномии в теории перевода и их разрешение // Язык. Поэтика. Перевод. - М., 1996. - С. 100-111. (Тр. МГЛУ. - Вып. 426).
136. Крюков А.Н. Методологические основы интерпретативной концепции перевода: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. - М., 1989. - 42 с.
137. Крюков А.Н.. Фоновые знания и языковая коммуникация // Этнопсихоллингвистика / Отв. ред. Ю.А. Сорокин. - М., 1988. - С. 19-34.
138. Кубрякова Е.С. Язык и знание. На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. - М.: Языки славянской культуры, 2004. - 506 с.
139. Кубрякова Е.С. Об актуальных задачах теории словообразования (на рубеже веков) // Материалы международной конференции, посвящённой

- научному наследию профессора М.Д. Степановой и его дальнейшему развитию. - М.: МГЛУ, 2001. - С.11-18.
140. Кубрякова Е.С. О связях когнитивной науки с семиотикой (определение интерпретанты знака) // Язык и культура. Факты и ценности. К 70-летию Ю.С. Степанова. - М.: Языки славянской культуры, 2001. - С.283-291.
141. Кубрякова Е.С. О формировании значения в актах семиозиса // Когнитивные аспекты языковой интеграции: Сб. научных статей. - Рязань: РГПУ, 2000. - С. ...
142. Кубрякова Е.С. Части речи с когнитивной точки зрения. - М.: ИЯ РАН, 1997. - 330 с.
143. Кубрякова Е.С. Понимание текста: инференция и области её действия // Семантика языковых единиц: Доклады V междунар. конференции. - М., 1996. - Т. I. - С. 20-23.
144. Кубрякова Е.С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX в. (опыт парадигмального анализа) // Язык и наука конца 20 века: Сб. статей. - М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 1995. - С. 144-238.
145. Кубрякова Е.С. Введение // Человеческий фактор в языке: Язык и порождение речи. - М.: Наука, 1991. - С. 4-20.
146. Кузнецов А.М. Семантика лингвистическая и нелингвистическая, языковая и неязыковая (вместо введения) // Лингвистическая и экстралингвистическая семантика: Сб. обзоров. - М.: ИНИОН, 1992. - С. 5-27.
147. Кэтфорд Дж. К. Лингвистическая теория перевода // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. - М.: Международные отношения, 1978. - С. 91-114.
148. Латышев Л.К., Семёнов А.Л. Перевод: теория, практика и методика преподавания. - М.: Академия, 2003. - 192 с.
149. Лебедева Л.Б. Модальности восприятия и их отражение в языке // Логический анализ языка / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова, И.Б. Шатуновский. -

- Дубна: Межд. ун-т природы, общества и человека «Дубна», 1999. - С. 349-360.
150. Лебедева Л.Б. Семантика ограничивающих слов // Логический анализ языка. Язык пространств / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова, И.Б. Левонтина. - М.: Языки русской культуры, 2000. - С. 93-97.
151. Лебедева Н.М. Введение в этническую и кросс-культурную психологию. - М.: Ключ С, 1999. - 224 с.
152. Лейчик В.М. Реальное и виртуальное в понятии «диалог культур» // Вестник МГУ. - Серия. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. - 2001. - №3. - С.73-79.
153. Леонтьев А.А. Личность, деятельность, образование // Языковое сознание и образ мира: Сб статей / Отв. ред. Н.В. Уфимцева. - М.: ИЯ РАН, 2000. - С. 7-12.
154. Леонтьев А.А. Основы психолингвистики. - М.: Смысл, 1997. - 287 с.
155. Леонтьев А.А. Языковое сознание и образ мира // Язык и сознание: парадоксальная рациональность. - М.: ИЯ РАН, 1993. - С. 16-22.
156. Леонтьев А.А. Эвристический принцип в восприятии, порождении и усвоении речи // Вопросы психологии. – 1974. - № 5.. - С. 53-62.
157. Леонтьев А.А. Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания. – М.: Наука, 1969. - 312 с.
158. Леонтьев А.Н. Философия психологии. - М.: Изд-во МГУ, 1994. - 286 с.
159. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. - М.: Из-во Политиздат, 1977. - 304 с.
160. Лингвистические исследования в конце XX века // Сб. обзоров / Под ред. Ф.М. Березина. - М.:ИНИОН РАН, 2000. - 216 с.
161. Лихачёв Д.С. Очерки по философии художественного творчества. - СПб.: Блиц, 1996. - С. 139-156.
162. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек - текст - семиосфера - история. - М.: Языки русской культуры, 1999. - 464 с.

163. Лукашевич Е.В. Моделирование концепта: психолингвистический аспект // Языковое бытие человека и этноса: психолингвистический и когнитивный аспекты: Сб. статей / Под общ. ред. В.А. Пищальниковой. - Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004. - С.126-136.
164. Лукашевич Е.В. Когнитивная семантика: эволюционно-прагматический аспект: Монография / Под ред. и с вступ. статьёй В.А.Пищальниковой. - Москва; Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. - 234 с.
165. Лурия А.Р. Основные проблемы нейролингвистики. - М.: Изд-во МГУ, 1975. - 252 с.
166. Лурия А.Р. Основы нейропсихологии. - М.: Изд-во МГУ, 1973. - 374 с.
167. Маркарян Э.С. Очерки теории культуры. – Ереван: Изд. АН Арм. ССР, 1969. - 228 с.
168. Марковина И.Ю., Данилова Е.В. Специфика языкового сознания русских и американцев: опыт построения «ассоциативного гештальта» текстов оригинала и перевода // Языковое сознание и образ мира: Сб. статей / Отв. ред. Н.В. Уфимцева. - М.: ИЯ РАН, 2000. - С. 116-127.
169. Масленникова Е.М. О возможности сохранения этнокультурного мира текста // Слово и текст: психолингвистический подход: Сб. науч. трудов. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2004. - Вып. 2. - С. 119-124.
170. Маслова В.А. Лингвокультурология: Учебное пособие. - М.: Академия, 2001. - 208 с.
171. Матвеев Н. Примечания к роману Дж. Голсуорси «Сага о Форсайтах» // Дж. Голсуорси «Сага о Форсайтах». - М.: Художественная. Литература, 1973. - С. 844-857.
172. Медведева И.Л. Психолингвистические проблемы функционирования лексики неродного языка: Дис. ... д-ра филол. наук. - Тверь, 1999. - 351 с.
173. Медведева И.Л. Функционирование иноязычной лексики в свете психолингвистической концепции слова // Функционирование слова в

- лексиконе человека: Коллективная монография / Под общ. ред. А.А.Залевской. - Тверь: Твер. гос. ун-т, 1999. - С. 132-174.
174. Методология современной лингвистики: проблемы, поиски, перспективы // Сб. статей. / Под общ. ред. Л.М. Босовой. - Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2000. - 157 с.
175. Минский М. Остроумие и логика коллективного бессознательного // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII. Когнитивные аспекты языка. - М.: Прогресс, 1988. - С. 281-310.
176. Миньяр-Белоручев Р.К. Лингвистика перевода // Перевод и лингвистика текста. - М.: Всесоюз. центр переводов, 1994. - С. 136-143.
177. Миньяр-Белоручев Р.К. Общая теория перевода и устный перевод. - М.: Воениздат, 1980. – 237 с.
178. Митamura М. Национально-культурные маркеры языкового сознания: японо-русские соматологические параллели (экспериментальное исследование): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. - М., 1999. – 27 с.
179. Молчанова Г. Г. Когнитивная стилистика и стилистическая типология // Вестник МГУ. - Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2001. - №.3. – С. 60-72.
180. Моррис Ч. Основания теории знаков // Семиотика. - М.: Радуга. - С. 37-89.
181. Мощенникова С.В. Дискурсивно-прагматический потенциал категориальных и некатегориальных форм выражения пассивной перспективы высказывания и текста в современном английском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. - Барнаул, 2004. - 18 с.
182. Муравьев В.Л. Проблемы возникновения этнографических лакун (пособие по курсу типологии русского и французского языков). – Владимир: ВГПИ им. П.И. Лебедева-Полянского, 1980. – 104 с.
183. Найда Ю. К науке переводить // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике: Сб. статей. - М.: Международные отношения, 1978. - С. 128-132.

184. Нелюбин Л.Л.; Хухуни Г.Т. История и теория перевода в России. - М.: Моск. пед. ун-т, 1999. - 139 с.
185. Нелюбин Л.Л., Хухуни Г.Т. История и теория зарубежного перевода. - М.: Сигнал, 1999. - 144 с.
186. Нестерова Н.М., Соболев В.Я. Трансляция текста в социокультурном пространстве // Россия - Запад и Диалог культур. - М.: МГУ, 1998. - Вып. 6. - С. 239-248.
187. Никитин М.В. Основания когнитивной семантики: Учебное пособие. - СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2003. - 277 с.
188. Николаева Т.М. От звука к тексту. - М.: Языки русской культуры, 2000. - 679 с.
189. Оболенская Ю.Л. Диалог культур и диалектика перевода. Судьбы произведений русских писателей XIX в. в Испании и Латинской Америке. - М.: МГУ, 1998. - 316 с.
190. Ортега-и-Гассет. Нищета и блеск перевода // Что такое философия? - М.: Наука, 1991. - С. 336-352.
191. Павилёнис Р.И. Проблема смысла. Современный логико-философский анализ языка. - М.: Мысль, 1983. - 286 с.
192. Падучева Е.В. Акцентный статус как фактор лексического значения // Известия. АН Серия литературы и языка. - 2003. - Т. 62. - №1. - С. 3-16.
193. Падучева Е.В. Феномен Анны Вежбицкой // Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. - М.: Русские словари, 1997. - С. 5-22.
194. Падучева Е.В. Высказывание и его соотнесённость с действительностью (референциальные аспекты семантики местоимений). - М.: Наука, 1985. - 271 с.
195. Паршин П.Б. Теоретические перевороты и методологический мятеж в лингвистике XX века // Вопросы языкознания.. - 1996. - №2. - С. 19-42.
196. Перевод как испытание культуры (материалы Круглого стола) // Вестник МГУ. - Серия 9. Филология. - 2000. - № 6. - С. 109-131.

197. Перевод как когнитивная деятельность. - М., 2003. - 133 с. (Тр. МГЛУ. - Вып. 480).
198. Перевод - средство взаимного сближения народов: Художественная публицистика / Сост. А.А. Клышко. - М.: Прогресс, 1987. - 640 с.
199. Петренко В.Ф. Основы психосемантики: Учебное пособие. - Смоленск: Изд-во СГУ, 1997. - 400 с.
200. Петров Ю.В. Антропологический образ философии. Томск: Изд - во НТЛ, 1997. - 448 с.
201. Пирс Ч. Начала прагматизма. - СПб.: Лаборатория метафизических исследований философского фак-та СПбГУ; Алетейя, 2000. - 319 с.
202. Пирс Ч. Логические основания теории знаков. - СПб.: Лаборатория метафизических исследований философского фак-та СПбГУ; Алетейя, 2000а. - 352 с.
203. Пищальникова В.А. К проблеме определения языковой способности // Языковое бытие человека и этноса: психолингвистический и когнитивный аспекты / Под ред. В.А. Пищальниковой. - М.: МГЭИ, 2004. - Вып. 7. - С. 159-169.
204. Пищальникова В.А. Психолингвистика и современное языковедение // Методология современной лингвистики: Сб. статей. - Москва; Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. - С. 4-23.
205. Пищальникова В.А. Когнитивная лингвистика и межкультурная коммуникация // Реальность, язык, сознание: Междунар. межвуз. сб. науч. трудов / Отв. ред. Т.А. Фесенко. - Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р.Державина, 2002. - Вып. 2 - С. 122-140.
206. Пищальникова В.А. Общее языкознание: Учебное пособие. - Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2001. - 240 с.
207. Пищальникова В.А. Значение слова как синергетическая система // Лингвосинергетика: проблемы и перспективы: Материалы второй школы-

- семинара 2 июля 2001г. / Под общ. ред. В.А. Пищальниковой. - Барнаул: Изд-во ААЭП, 2001а. - С. 71-85.
208. Пищальникова В.А., Герман И.А. Лингвосинергетика: тенденции развития // Лингвосинергетика: проблемы и перспективы: Материалы первой школы-семинара 1-2 июля 2000 г. / Под общ. ред. В.А.Пищальниковой. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2000. - С. 5-19.
209. Пищальникова В.А. Психопоэтика: Монография. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1999. - 176 с.
210. Пищальникова В.А. Схема понимания: операциональные возможности и сфера применения // Человек - коммуникация - текст. Вып 1. Человек в сфере его коммуникативного самоосуществления / Под ред. А.А. Чувакина. - Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1997. - С. 19-27.
211. Подольская Н.И. Проблема описания процесса перевода (метод компьютерного моделирования): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. - М., 1998. - 25 с.
212. Полютова О.Н. Концептуально-историческое исследование переводоведения в США: Дис. ... канд. филол. наук. - М, 1999. - 262 с.
213. Портнов А.Н. Структура языкового сознания: феноменологический и антропологический аспекты проблемы // Языковое сознание: теоретические и прикладные аспекты: Сб статей / Под общ. ред. Н.В. Уфимцевой. - Москва; Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004. - С. 18-28.
214. Потебня А.А. Слово и миф. - М., 1989. - 623 с.
215. Потебня А.А. Из записок по русской грамматике // История языкознания XIX-XX веков в очерках и извлечениях. - Ч.І. – Москва: Просвещение, 1964. - С. 142-169.
216. Потебня А.А. Мысль и язык. - Харьков, Типография Адольфа Дарре, 1892. - 228 с.
217. Привалова И.В. Построение типологии национально-маркированных языковых единиц // Вопросы психолингвистики. – 2003. - № 1. - С. 95-101.

218. Прохоров Ю.Н. Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в преподавании русского языка как иностранного: Автореф. дис. ... д-ра пед. наук / Ин-т русского языка им. А.С. Пушкина. - М., 1996. - 36. с.
219. Психолингвистические проблемы функционирования слова в лексиконе человека: Коллективная монография / Под общ. ред. А.А. Залевской. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 1999 - 191 с.
220. Пшеницын С.Л. О смысловых различиях при переводе // *Studia Linguistica*. - Вып.9. Коммуникативно-прагматические и художественные функции языка. - СПб., 2000. - С. 76-83.
221. Пшеницын С.Л. Культурологический подход к переводу: теоретическое значение // *Studia Linguistica*. - Вып. 7. Языковая картина в зеркале семантики, прагматики, текста и перевода. - СПб, 1998. - С. 185-199.
222. Пшёнкина Т.Г. Иконическое в природе знака и его реализация в переводе // Коммуникативно-парадигматические аспекты исследования языковых единиц: Сб. статей к юбилею проф. М.Я. Блоха. - Барнаул - Москва: Изд-во БГПУ, 2004. - Ч. 1. - С. 187-195.
223. Пшёнкина Т.Г. «Картинообразующая» функция языка и её реализация в переводе // Вестник НГУ. - Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникации. - Новосибирск, 2003. - Т. 1. - Вып. 1. - С. 88-96.
224. Пшёнкина Т.Г. Культура как среда мышления // Языковое сознание: устоявшееся и спорное: Тезисы докладов XIV Междунар. симп-ма по психолингвистике и теории коммуникации / Под ред. Е.Ф. Тарасова. - М., 2003. - С. 217-219.
225. Пшёнкина Т.Г. Роль переводчика в реализации диалога сознаний представителей разных национальных культур // Аспекты исследования картины мира / Под общ. ред. В.А. Пищальниковой и А.А. Стриженко. - Москва - Барнаул: Изд-во Алт. ГТУ, 2003. - С. 212- 248.

226. Пшёнкина Т.Г. Становление общей теории перевода: общепилологический аспект // Вестник БГПУ: Гуманитарные науки. - Барнаул, 2001. - № 1. - С. 22-30.
227. Пшёнкина Т.Г. Некоторые особенности восприятия и порождения речевого высказывания в условиях межкультурной коммуникации // Проблемы вербальной коммуникации и представления знаний: Мат-лы Всероссийской научной конференции, посв. 50-летию ИГЛУ. - Иркутск: ИГЛУ, 1998. - С. 145-147.
228. Рецкер.Я.И. Теория перевода и переводческая практика. Очерки лингвистической теории перевода. - М.: Международные отношения, 1974. - 216 с.
229. Рогозина И.В. Медиа-картина мира: Когнитивно-семиотический аспект: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. - Барнаул, 2003. - 42 с.
230. Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / Отв. ред. акад. Б.А.Серебренников. - М.: Наука, 1988. - 216 с.
231. Романова С.П., Коралова А.Л. Пособие по переводу с английского на русский. - М.: КДУ, 2004. - 176 с.
232. Россомагина Н.И. Исследование перевода как вторичного порождения текста (на материале англо-русских переводов): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. - Одесса, 1987. - 22 с.
233. Рябов В.Н. Русские интраязыковые лакуны (формально-семантический аспект). – Краснодар: Флер, 1997. - 200 с.
234. Рябцева Н.К. Лингвистическое моделирование естественного интеллекта и представление знаний // Scripta linguisticae applicatae. Проблемы прикладной лингвистики - 2001 // Сб. статей / Отв. ред. А.И. Новиков. - М.: Азбуковник, 2001. - С. 228-253.
235. Рябцева Н.К. Теория и практика перевода: когнитивный аспект // Перевод и коммуникация. - М.: ИЯ РАН, 1997. - С. 42-63.

236. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. - М.: Прогресс, 1993. - 655 с.
237. Синергетике - 30 лет. Интервью с профессором Г. Хакеном // Вопросы философии. – 2000. - № 3. - С. 53-61.
238. Сонин А.Г. Модель концепта в психолингвистическом анализе комикса // Текст: структура и функционирование. – Барнаул: Изд-во АГУ, 2000. - С. 43-48.
239. Сорокин Ю.А. Переводоведение: статус переводчика и психогерменевтические процедуры. - М.: ИТДГК Гнозис, 2003. - 160 с.
240. Сорокин Ю.А. Интерпретативная или деятельностная теория перевода? // Языковое сознание и образ мира: Сб. статей / Отв. ред. Н.В. Уфимцева. - М.: ИЯ РАН, 2000. - С. 107-115.
241. Сорокин Ю.А. Введение в этнопсихолингвистику. – Ульяновск: Ул.ГУ, 1998. - 138 с.
242. Сорокин Ю.А. Этническая конфликтология (Теоретические и экспериментальные фрагменты). - Самара, Русский лицей, 1994. - 94 с.
243. Сорокин Ю.А., Марковина И.Ю. Психолингвистические аспекты перевода текста. // Текст и перевод. - М.: Наука, 1988. - С. 78-84.
244. Сорокин Ю.А., Марковина И.Ю. Опыт систематизации лингвистических и культурологических лакун // Лексические единицы и организация структуры литературного текста. - Калинин, 1983. - С. 35-52.
245. Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. - М.: Прогресс, 1977. - 695 с.
246. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры: Изд. 2-е, испр. и доп. - М.: Академический проект, 2001. - 990 с.
247. Степанов Ю.С. Язык и метод. К современной философии языка. - М.: Языки русской культуры, 1998. - 784 с.
248. Степанов Ю.С. Изменчивый «образ языка» в науке XX века // Язык и наука конца 20 века: Сб. статей. - М.: Рос. гос. гуманит. ун-т, 1995. - С. 7-34.

249. Степанов Ю.С. Французская стилистика. - М.: Высшая школа, 1965. - 355 с.
250. Степанова М.А. Событийные имена и их роль в организации дискурса (на материале английского языка): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. - Барнаул, 2003. - 19 с.
251. Стернин И.А. Психолингвистика и виды сознания // Языковое бытие человека и этноса: психолингвистический и когнитивный аспекты: Сб. статей / Под общ. ред В.А. Пищальниковой. - Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004. - С. 141-159.
252. Стернин И.А. Коммуникативное поведение в структуре национальной культуры. // Этнокультурная специфика языкового сознания. / Отв. Ред. Н.В.Уфимцева. - М.: ИЯ РАН, 1996. - С. 97-112.
253. Стефаненко Т.Г. Этнопсихология. - М.: Институт психологии РАН, Академический проект, 1999. - 320 с.
254. Сухачёв В.Ю. Послесловие, или Возвращение Чарльза Сандерса Пирса // Пирс Ч. Логические основания теории знаков. - СПб.: Лаборатория метафизических исследований при филос. Факультете СПбГУ Алетейя, 2000а. - С. 342-349.
255. Тарасов А.Е. Национально-культурная специфика космической деятельности // Языковое сознание: формирование и функционирование. Сб. статей / Отв. ред. Н.В. Уфимцева. - М.: ИЯ РАН, 1998. - С. 242-253.
256. Тарасов Е.Ф. Диалог культур в зеркале языка // Встречи этнических культур в зеркале языка (в сопоставительском лингвокультурном аспекте). - М.: Наука, 2002. - С. 110-121.
257. Тарасов Е.Ф. Языковое сознание и его познавательный статус // Проблемы психолингвистики: теория и эксперимент: Сб. науч. трудов. - М.: ИЯ РАН, 2001. - С. 301-311.

258. Тарасов Е.Ф. Актуальные проблемы анализа языкового сознания // Языковое сознание и образ мира: Сб. статей / Отв. ред. Н.В. Уфимцева. - М.: ИЯ РАН, 2000. - С. 24-32.
259. Тарасов Е.Ф. К построению теории межкультурного общения. // Языковое сознание: формирование и функционирование: Сб. статей / Отв. ред. Н.В.Уфимцева. - М.: ИЯ РАН, 1998. - С. 30-35.
260. Тарасов Е.Ф. Межкультурное общение - новая онтология анализа языкового сознания // Этнокультурная специфика языкового сознания. - М.: ИЯ РАН, 1996. - С. 7-22.
261. Тарасов Е.Ф. Философские проблемы психолингвистической семантики // Психолингвистические проблемы семантики. - М.: Наука, 1983. - С. 20-45.
262. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологические аспекты. - М.: Языки русской культуры, 1996. - 288 с.
263. Телия В.Н. Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры // Фразеология в контексте культуры. - М.: Языки русской культуры, 1999. - С. 13-25.
264. Тетради переводчика. - М., 1963 - 1999. - Вып. 1-24.
265. Томахин Г.Д. Перевод как межкультурная коммуникация // Перевод и коммуникация. - М.: ИЯ РАН, 1997. - С. 129-137.
266. Топёр П.М. Перевод в системе сравнительного литературоведения. - М.: Наследие, 2000. - 254 с.
267. Убоженко И. В. Теоретические основы лингвистического переводоведения в Великобритании: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. - М., 2000. - 26 с.
268. Уфимцева Н.В. Языковое сознание как отображение этносоциокультурной реальности // Вопросы психолингвистики. – 2003. - № 1. - С. 102-110.
269. Уфимцева Н.В. Языковое сознание и образ мира славян // Языковое сознание и образ мира. - М.: ИЯ РАН, 2000. - С. 207-218.

270. Уфимцева Н.В. Сознание, слово, культура // Коммуникативная лингвистика и коммуникативно-деятельностный подход к обучению языкам: Памяти Г.В. Колшанского. - М.: МГЛУ,; 2000. - С. 44-54.
271. Уфимцева Н.В. Русские: опыт ещё одного самопознания // Этнокультурная специфика языкового сознания / Отв. ред. Н.В. Уфимцева. - М.: ИЯ РАН, 1996. - С. 139-162.
272. Ухтомский А.А. Доминанта. - СПб.: Питер, 2002. - 448 с.
273. Ушакова Т.Н. Понятие языкового сознания и структура рече-мыслезыковой системы // Языковое сознание: теоретические и прикладные аспекты: Сб. статей / Под общ. ред. Н.В. Уфимцевой. - Москва; Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004. - С. 6-18.
274. Ушакова Т.Н. Языковое сознание и принципы его исследования // Языковое сознание и образ мира: Сб. статей / Отв. ред. Н.В. Уфимцева. - М.: ИЯ РАН, 2000.- С. 13-23.
275. Фесенко Т.А. Принципы когнитивной транслятологии // Реальность, язык и сознание: Международный межвузовский сборник научных трудов / Отв. ред. Т.А. Фесенко. - Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2002. – Вып. 2. - С. 15-28.
276. Фесенко Т.А. Эмоциональные концепты в структуре вербальной модели менталитета // Филология и культура. - Часть II. – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2001. – С. 23-26.
277. Фесенко Т.А. Этноментальный мир человека: опыт концептуального моделирования: Автореф. дис. ... д-ра филол наук. - М., 1999а. - 52 с.
278. Фесенко Т.А. Реальный мир и ментальная реальность: парадигмы взаимоотношений: Монография. - Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 1999. - 247 с.
279. Фёдоров А.В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы). 4-е изд. - М.: Высшая школа, 1983 - 303 с.

280. Филлмор Ч. Фреймы и семантика понимания // Новое в зарубежной лингвистике. - Вып. XXIII. Когнитивные аспекты языка. - М.: Прогресс, 1988. - С. 52-93.
281. Фрумкина Р.М. Психолингвистика: Учебник для студ. высш. учеб. заведений. - М.: Академия, 2001. - 320 с.
282. Фрумкина Р.М. Культурная семантика в ракурсе эпистемологии.// Известия АН. - Серия. Литературы и языка. - 1999. - Т. 58. - №1. - С. 3-10.
283. Хайруллин В.И. Культура в парадигме переводоведения // Тетради переводчика. Научно-теоретический сборник / Под ред. С.Ф. Гончаренко. - М.: МГЛУ, 1999. - Вып. 24. - С. 38-45.
284. Хайруллин В.И. Лингвокультурологические и когнитивные аспекты перевода: Автореф. дис. ... д-ра. филол. наук. - М., 1995. - 45 с.
285. Хайруллин В.И. Картина мира и структурирование знаний // Язык, сознание, этнос, культура: XI Всерос. симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации. - М., 1994. - С. 98-100.
286. Халеева И.И. Интеркультура - третье измерение межкультурного взаимодействия? (Из опыта подготовки переводчиков) // Актуальные проблемы межкультурной коммуникации. - М., 1999. - С. 5-15 (Тр. МГЛУ. - Вып. 444).
287. Харченко Е.В. Языковое сознание профессионала как предмет психолингвистики // Языковое сознание и образ мира: Сб. статей / Отв. ред. Н.В. Уфимцева. - М.: ИЯ РАН, 2000. - С. 176-183.
288. Хухуни Г.Т., Валуйцева И.И. Межкультурная адаптация и проблема соотношения переводного и оригинального текста // Коммуникативно-парадигматические аспекты исследования языковых единиц: Сб. статей к юбилею проф. М.Я. Блоха. - Часть 1. - Барнаул: Изд-во БГПУ, 2004. - С. 268-280.

289. Хухуни Г.Т. Художественный текст как объект межкультурной и межъязыковой адаптации // Этнокультурная специфика языкового сознания: Сб. статей. - М.: ИЯ РАН., 1996. - С. 206-212.
290. Цвиллинг М.Я. Когнитивные модели и перевод (к постановке проблемы) // Перевод как когнитивная деятельность. - М., 2003. - С. 21-26. (Тр. МГЛУ. - Вып. 480).
291. Цвиллинг М.Я. Переводоведение как синтез знаний // Тетради переводчика / Под ред. С.Ф. Гончаренко. - М.: МГЛУ, 1999. - Вып. № 24. - С. 32-37.
292. Ченки А. Современные когнитивные подходы к семантике // Вопросы языкознания. – 1996. - №2. - С. 68-78.
293. Чернейко Л.О. Металингвистика: хаос и порядок // Вестник МГУ. - Серия 9. Филология. - 2001. - №5. - С. 39-52.
294. Чернейко Л.О. Гештальтная структура абстрактного имени // Филологические науки. - 1995. - №4. - С. 73-83.
295. Чернов Г.В. Основы синхронного перевода. - М.: Высшая школа, 1987. - 255 с.
296. Чернов Г.В. Теория и практика синхронного перевода. - М.: ИМО, 1978. - 367 с.
297. Чертов Л.Ф. Знаковость: опыт теоретического синтеза идей о знаковом способе информационной связи. - СПб.: Изд-во СПб ун-та, 1993. - 388 с.
298. Чуковский К.И. Высокое искусство. - М.: Советский писатель, 1964. - 508 с.
299. Шаклеин В.М. Этноязыковое видение мира как составляющая лингвокультурной ситуации // Вестник МГУ. - Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. - 2000. - №1. - С. 73-88.
300. Шабес В.Я. Объективация этнокультурных моделей // Язык, сознание, этнос, культура: XI Всерос. симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации - М., 1994. - С. 102-103.

301. Шабес В.Я. Событие и текст: Монография. - М.: Высшая школа, 1989. - 175 с.
302. Шахнарович А. Избранные труды, воспоминания друзей, близких и учеников. - М.: 2001. - 727 с.
303. Шахнарович. А.М. Семантический компонент языковой способности // Психолингвистические проблемы семантики / Отв. ред. А.А. Леонтьев и А.М. Шахнарович. - М.: Наука, 1983. - С. 181-190.
304. Шахнарович А.М. Пути развития национально-русского двуязычия в нерусских школах РСФСР // Александр Шахнарович. Избранные труды, воспоминания друзей и учеников. - М., 2001. - С. 158-189.
305. Шаховский В.И., Сорокин Ю.А., Томашева И.В. Текст и его коммуникативно-эмотивные метаморфозы (межкультурное понимание и лингвоэкология). – Волгоград: Перемена, 1998. - ...
306. Швейцер А.Д. Перевод как акт межкультурной коммуникации // Актуальные проблемы межкультурной коммуникации. - М., 1999. - С. 180-187. (Тр. МГЛУ. Вып. 444).
307. Швейцер А.Д. Междисциплинарный статус теории перевода // Тетради переводчика. / Под ред. С.Ф. Гончаренко. - М.: МГЛУ, 1999а. - Вып. 24. - С. 20-31.
308. Швейцер А.Д. Теория перевода: Статус, проблемы, аспекты. - М.: Наука, 1988. - 215 с.
309. Швейцер А.Д. Языковые и внеязыковые аспекты перевода // Методы сопоставительного изучения языков. - М.: Наука, 1988а. - С. 59-66.
310. Швейцер А.Д. Перевод и лингвистика. (Газетно-информационный и военно-публицистический перевод). - М.: Воениздат, 1973. - 280 с.
311. Шевчук В.Н. Исследование процесса перевода с помощью метода фиксации «мыслей вслух» // Перевод как когнитивная деятельность. - М., 2003. - С. 41-54. (Тр. МГЛУ. - Вып. 480).

312. Ширяев А.Ф. Перевод как объект комплексного научного изучения // Лингвистические проблемы перевода: Сб. статей. - М.: МГУ, 1981. - С. 68-79.
313. Ширяев А.Ф. Синхронный перевод. - М.: Международные отношения, 1979. -
314. Шлейермахер Фр. О различных методах перевода // Вестник МГУ. - Серия 9. Филология. – 2000. - № 2. - С. 127-145.
315. Шляхова М.М. Концепт «образ действия» и средства его языковой репрезентации в современном английском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. - Барнаул, 2003. – 19 с.
316. Шмелёв А.Д. Русская языковая модель мира: Материалы к словарю. - М.: Языки славянской культуры, 2002. - 224 с.
317. Щерба Л.В. О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании // Языковая система и речевая деятельность. – Ленинград: Наука., 1974.- С. 24-39.
318. Щерба Л.В. О понятии смешения языков // Языковая система и речевая деятельность. – Ленинград: Наука, 1974. - С. 60-77.
319. Языковое сознание: устоявшееся и спорное: XIV Международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации: Тезисы докладов. Москва, 29-31 мая 2003 г. / Ред Е.Ф. Тарасов. - М., 2003. - 324 с.
320. Языковое сознание и образ мира: Сб. статей / Отв. ред. Н.В. Уфимцева. - М.: ИЯ РАН, 2000. - 320 с.
321. Языковое сознание: формирование и функционирование: Сб. статей / Отв. ред. Н.В. Уфимцева - М.: ИЯ РАН, 1998. - 256 с.
322. Якобсон Р.О. О лингвистических аспектах перевода // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. - М.: Международные отношения, 1978. - С. 16-24.

323. Яковченко Е.В. Экспериментальное исследование языковой способности в условиях учебного двуязычия: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. - Барнаул, 2003. - 22 с.
324. Agar M. Language Shock: Understanding the Culture of Conversation. - New York: William Morrow & Company Inc., 1994. - 184 p.
325. Adler, P.S. The Transition Experience: An Alternative View of Culture Shock // Journal of Humanistic Psychology, 15 (4), 1975. - Pp. 13-23.
326. Baker C. Foundation of Bilingualism & Bilingual Education. - Clevedon: Multilingual Matters, 1996. - 161 p.
327. Basic Concepts of Intercultural Communication: Selected Readings, ed. by M.J. Bennett, Intercultural Press, Inc., 1998. - 270 p.
328. Bassnett S., Lefevere A. Constructing Cultures. Essays on Literary Translation. University of Chicago Press, 1998. - 168 p.
329. Bell, R., Translation and Translating: Theory and Practice. Longman, London and New York, 1997. - 298 p.
330. Bennett M.J. Toward Ethnorelativism: A Developmental Model of Cultural Sensitivity // R.M. Paige (Ed.) Education for the Intercultural Experience. - Yarmouth, ME: Intercultural Press, 1993. Pp. 21-72.
331. Bohannon L. Shakespeare in the Bush // Ants, Indians, and Little Dinosaurs, Ballantine, 1966. - Pp. 203-216.
332. Cassirer E. The Problem of «Representation» and the Structure of Consciousness // Philosophy of Symbolic Forms. - Vol. I. Transl. Ralph Mannheim. - New Haven: Yale University Press, 1953. - Pp. 93-104.
333. Catford, J. A. Linguistic Theory of Translation. - London, London University Press, 1965. - 103 p.
334. Chafe W. Discourse, Consciousness and Time. The Flow and Displacement of Conscious Experience in Speaking and Writing. - University of Chicago Press. - Chicago, London, 1994. - 327 p.

335. Carbaugh D. Comments on «Culture» in Communication Inquiry // Communication Reports. Vol. 1. - # 1. - Winter 1988. - Pp. 38-41.
336. Condon, J., Yousef F. An Introduction to Intercultural Communication. The Bobbs-Merrill Company, Inc., Indianapolis, 1976 - 306 p.
337. Deedler, B. Indian Summer. <http://www.crk.noaa.gov/dtx/i-summer.htm>
338. Eco U. Experiencies in Translation. / Transl. By A. McEwen. - University of Toronto Press Inc., 2001. - 132 p.
339. Ellis, R. Understanding Second Language Acquisition. - Oxford University Press, 1986. - 327 p.
340. Encyclopedia on Translation Studies. Ed. by M. Baker. - London, New York, Routledge, 1998. – 654 p.
341. Festinger L. A Theory of Cognitive Dissonance. - Stanford, USA: Stanford University Press, 1957. - 210 p.
342. Fillmore Ch. J. The Case for Case Reopened // Gramatical Relations. - New York, 1977. - Pp. 59-81.
343. Geertz C. The Interpretation of Cultures. - New York: Basic, 1973. - 470 p.
344. Grosjean F. The Bilingual's Language Modes. // One Mind, Two Languages: Bilingual Language Processing. - Oxford, Blackwell, 2001. - Pp. 1-25.
345. Grosjean F. The Bilingual as a Competent but Specific Speaker-Hearer // Journal of Multilingual & Multicultural Development, 1985. - # 6. - Pp. 467-477.
346. Grosjean F. Life with Two Languages. An Introduction to Bilingualism. - Harvard Univ. Press, Cambridge, Mass., 1982. - 370 p.
347. Gudykunst W.B., Kim Y.Y. Communicating with Strangers: an Approach to Intercultural Communication. - New York, McCRAW-HILL, 1992. - 304 p.
348. Haiman J. Iconic and Economic Motivation. // Language. – 1983. - #. 59. - Pp.781-819.
349. Hakuta K., Ferdman D. & Diaz R. Bilingualism and Cognitive Development // Rosenberg S. (Ed.), Advances in Applied Linguistics. - Cambridge: Cambridge University Press, 1987. - Pp. 284-314.

350. Hatim B., Mason I. *Discourse and the Translation*. Longman. - London, New York, 1994. - 258 p.
351. Herdina Ph., Jessner Ul. *A Dinamic Model of Multilingualism Perspectives of Change in Psycholinguistics*, Multiligual Matters, Ltd, - Clevedon, 2002. - 182 p.
352. Hockett Ch. *Chinese versus English: an Exploration of the Worfian Thesis / Language in Culture*, ed. by H. Hoijer, Chicago: University of Chicago Press, 1954. - Pp. 106-123.
353. Hoffman E. *Lost in Translation: A Life in a New Language*, Penguin Books, 1990. - 280 p.
354. Jackendoff R.S *Languages of the Mind: Essays on Mental Representation*. - London, Cambridge, Vs: Bradford. 1992. - 200 p.
355. Jackendoff R. *Semantics and Cognition*. - Cambridge, Mass., 1986. - 283 p.
356. Jiang, N., Forster, K.I. *Cross-Language Priming Asymmetries in Lexical Decision and Episodic Recognition // Journal of Memory and Language*. – 2001. - # 44. - Pp. 32-51.
357. Jiang, N. *Lexical Representation and Development in a Second Language // Applied Linguistics 21/1*. - Oxford University Press, 2000. - Pp. 47-77.
358. Kim Y.Y., Ruben B.D. *Intercultural Transformation : A System Theory // Y.Y.Kim and W.B. Gudykunst (Eds), Theories in Intercultural Communication*. - Pp. 299-321.
359. Kraiser-Cooke M. *Translatorial Expertise - a Cross-Cultural Phenomenon for an Inter-Disciplinary Perspective. // Translation Study. An Interdiscipline*. Ed. by Mary Snell-Hornby, Franz Pochhacker and Klaus Kaindr - Amsterdam/Philadelphia, 1994. - Pp. 135-139.
360. Kussmaul P. *Training the Translator*. - Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1995. - 177 p.
361. Lakoff G. *Women, Fire, and Dangerous Things. What Categories Reveal about the Mind*. - The University of Chicago Press. Chicago and London, 1990. - 614 p.

362. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live By*. - Univ. of Chicago Press, Chicago, 1980. - 242 p.
363. Lambert J. *The Cultural Component Reconsidered // Translation Study. An Interdiscipline*. Ed. by Mary Snell-Hornby, Franz Pochhammer and Klaus Kaindr. - Amsterdam / Philadelphia, 1994. - Pp. 17-25.
364. Langacker R., *Foundation of Cognitive Grammar (Theoretical Prerequisites)*. Stanford University Press, Stanford, 1999. - V.II. - 589 p.
365. Larsen M. L *Meaning-Based Translation*. - Lanham, New York, 1984. -
366. Lieberman D.A. *Culture, Problem Solving, and Pedagogical Style // L.A. Samovar & R.E. Porter (Eds), Intercultural Communicatio: A Reader, 8th Edition*. - Belmont, CA: Wadsworth, 1997. - Pp. 191-206.
367. Lustig M., Koester J. *Intercultural Competence: Interpersonal Communication across Cultures, 3rd ed.*, Addison Wesley Longman, Inc. - New York, Amsterdam, 1998. - 401 p.
368. Malinowski B. *The Translation of Intranslatable Words // Philosophy of Language: the Big Questions*. Ed. by Andrea Nye. Blackwell Publishers, 1998/1935. - Pp. 254-259.
369. Morain G.G. *Kinesics and Cross-cultural Understanding // Culture Bound*. Ed. by J. Valdes, Cambridge Univ. Press, 1996. - Pp. 64-77.
370. Nash W. *Our Experience of Language*. St. Martin's Press, New York, 1971. - 193 p.
371. Nelson K. *Language in Cognitive Development. The Emergence of the Mediated Mind*, Cambridge University Press, 1998. - 415 p.
372. Nida, E.A., Taber, Ch.R. *The Theory and Practice of Translation*. Publ. for the United Bible Society, Leiden, Brill, 1969. - 220 p.
373. Pike K.L. *Etic and Emic Standpoints for the Description of Behavior // Communication and Culture: Readings in the Codes of Human Interaction / Ed. By S.M. Gass; J.Neu*. New York, 1966. - Pp. 152-163.

374. Pinker S. *The Language Instinct. How the Mind Creates Language*. New York: W. Morrow and Co., 1994. - 494 p.
375. Savory Th. H. *The Art of Translation*. Lnd, Cape, 1957. - 159 p.
376. Smith S. I., Paige R.M., Stegliz I. *Theoretical Foundation of Intercultural Training and Applications to the Teaching of Culture*. In print, University of Minnesota, Minneapolis, 1999. - 43 p.
377. Sperber, D., Wilson, D. *Relevance: Communication and Cognition*. Ch.3, Oxford, 1986. - Pp. 118-171.
378. Snell-Hornby. *Translation Studies: An Integrated Approach*. Revised edition, 1995. - 170 p.
379. Turner, M. and Fauconnier G. *A Mechanism of Creativity // Poetics Today*, vol. 20:3, Porter Institute for Poetics and Semiotics, Tel Aviv University, 1999. - Pp. 397-418.
380. Turner, M., Fauconnier G. *Conceptual Integration and Formal Expression // Journal of Metaphor and Symbolic Activity*, 1995. - Vol. 10. - # 3. - Pp. 183-204.
381. Ungerer F., Schmid Y-J. *An Introduction to Cognitive Linguistics*, Longman, London and New York, 1999. - 306 p.
382. Venuti, L. *Translation and the Formation of Cultural Identities // Cultural Functions in Translation*, Clevedon, 1995. - 344 p.
383. Vermeer H. *Translation Today: Old and New Problems // Translation Studies. An Interdiscipline / Ed. By M. Snell-Hornby*. -.Pp.3-17.
384. Wadensjo C. *Interpreting as Interaction*. Addison Wesley Longman Ltd. - London and New York, 1998. - 312 p.
385. Wierzbicka A. *Understanding Cultures through Their Key Words. English, Russian, Polish, German, and Japanese*. Oxford University Press, 1997. - 317 p.

СПРАВОЧНЫЕ ИЗДАНИЯ, СЛОВАРИ И ИХ СОКРАЩЕНИЯ, ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ В РАБОТЕ

1. Американа Англо-русский лингвострановедческий словарь / Под ред. и общ. рук-вом проф. Г.В. Чернова. - М., «Полиграмма», 1996. - 1185 с.
2. АРФС - Кунин А.В. Англо-русский фразеологический словарь. 4-е изд., перераб. и доп. - М., Рус.яз.,1984. - 944с.
3. Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И. Словарь русской фразеологии. (Историко-этимологический справочник). - Санкт-Петербург, Фолио Пресс, 1998. - 704 с.
4. БТС - Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецова. - СПб, «Норинт», 2003. - 1536 с.
5. ИЭС - Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2-х т. - 4-е изд., М., Русский язык, 2001.
6. КСКТ - Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г. и др. Краткий словарь когнитивных терминов / Под общ ред. Е.С. Кубряковой. - М., 1996. - 245 с.
7. ЛЭС - Лингвистический энциклопедический словарь: языкознание / Под ред. В.Н. Ярцевой. - М.: «Советская энциклопедия», 1990. - 685 с.
8. МАС. - Словарь русского языка: в 4-х т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. - М., Русский язык, 1985-1988.
9. МНС - Палажченко П.Р. Мой несистематический словарь (Из записной книжки переводчика) - 3-е изд., стереотип. - М.: Р.Валент, 2003. - 304 с. -
10. Морковкин В.В. Лексическая основа русского языка: Комплексный учебный словарь. М., 1984. - 1167 с.
11. НБАРС - Новый большой англо-русский словарь: в 3-х т. / Под общ. рук. Э.М. Медниковой и Ю.Д. Апресяна. - М.: Рус.яз., 1993.
12. Психология: Словарь. - М.: Политиздат, 1990. - 494 с.

13. РАС - Караулов Ю.Н., Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф. и др. Русский ассоциативный словарь в 6 книгах. М., РАН, 1994-1998.
14. РуссАС - Русско-английский словарь / Под ред И.И. Пановой. - Минск: Харвест, М.: АСТ, 2000. - 1088 с.
15. СИС - Современный словарь иностранных слов. - М., Изд-во русс.яз., 2001. - 740 с
16. Словарь практического психолога. Сост. С.Ю.Головин. - Минск: Харвест, 1998. - 800 с.
17. СОШ - Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Словарь русского языка. М., 1999.
18. СЭРЯ - Гораевич К.С., Хабло Е.П. Словарь эпитетов русского литературного языка. - Ленинград, наука, 1970. - 567 с.
19. СЭС - Советский энциклопедический словарь / Гл. ред. С.М. Ковалёв. - М.: «Советская энциклопедия», 1979. - 1600 с. - СЭС.
20. ТСРЯ - Толковый словарь русского языка конца XX в. Языковые изменения / Под ред. Г.Н.Скляревской. - СПб, Фолио-пресс, 1998. - 700 с.
21. ФСРЯ - Молотков А.И. Фразеологический словарь русского языка. М., 1967.
22. ФЭ - Философская энциклопедия. - М., Советская энциклопедия», 1970. Т.5.
23. AHD - .American Heritage Dictionary. Based on the New Second College Edition, Laurel, New York, 1989. - 880p.-
24. DR - Dictionary of Russia. Англо-английский словарь русской культурной терминологии. - СПб.: Союз, 2002. - 576 с.
25. ELAC - Dictionary of English Language and Culture. Longman Group UK Limited, 1992 - 827 p.
26. HD - Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English by A.S. Hornby. Oxford Univ. Press. - М. Изд-во «Русский язык», 1982.

27. SOD - Shorter Oxford Dictionary: Oxford Clarendon Press, 1950, vol. I. - 1306 p.-

28. WND - Webster's New Universal Unabridged Dictionary, Random House Dictionary, NY, 1989. - 1644p.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА. ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Американская новелла XX века: Сборник / Сост. Г.В. Лапина. - На англ. языке. с параллельным русским текстом. - М.: Радуга, 1989.
2. Булгаков М.А. Мастер и Маргарита // Собр. Сочинений. Т. 5. - М.: Художественная литература, 1990.
3. Берггольц О. Бабье лето // Three Centuries of Russian Poetry. Progress Publishers, Moscow, 1980.
4. Генри О. Бабье лето Джонсона Сухого Лога. Пер. с англ. О. Холмской. // Избранные новеллы М.: Правда, 1985.
5. Гоголь Н.В. Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем // Н.В. Гоголь. Собрание сочинений. Т. 2. - М.: Художественная литература, 1959.
6. Голсуорси Дж. Последнее лето Форсайта. Пер. с англ. М. Лорие. - М.: Художественная. литература, 1973.
7. Голсуорси Дж. В петле. Пер. с англ. М. Богословской-Бобровой. - М.: Художественная литература, 1973.
8. 8.Гришем Дж. Камера. Пер. с англ. Ю.В. Бехтина, А.А.Ковалёва, Р.Н. Волошина. - М.: Центрполиграф: 1994.
9. Гришем Дж. Фирма. - М., 1993.
10. 10 Маккаллерс К. Сердце - одинокий охотник. Пер. с англ. Е.Голышевой. - М.: Молодая гвардия, 1969.

11. Салливан Ф. Свидетельские показания специалиста по штампам // Moscow News # 28, July 19-25, 2000.
12. Толкиен Дж. Р. Р. Властелин колец. Пер. с англ. В.Муравьева, А. Кистяковского. - М., 1994.
13. Толкиен Дж. Р.Р. Хоббит. Пер. с англ. Н. Рахманова. – М., 1993.
14. Уилсон К. Паразиты сознания. Пер. с англ. А. Иорданского. – Киев: София, 1994.
15. Уондор М. Очарование шестнадцати // Англия. – 1989. - №3.
16. Хемингуэй Э. Рассказы // Собрание сочинений в 4-х томах, М.,1968. – Т. 1.
17. Шоу И. Ночной портье. Пер. с англ. Г. Лев. - М.: Дрофа, 1993.
18. Bergholtz O. Indian Summer. // Three Centuries of Russian Poetry. Progress Publishers, Moscow, 1980.
19. Brautighan R. Greyhound Tragedy // Interludes. New York, 1994.
20. Bulgakov M. The Master and Margarita. Transl. by Michael Glenny, L. 1993.
21. Bulgakov M. The Master and Margarita. Transl. by Diana Bergin and Katherine O'Connor, Ardis, 1995.
22. Clinton H.R. It Takes a Village and Other Lessons Children Teach Us. - New York, A Touchstone Book, 1996.
23. 21. Galsworthy J. Indian Summer of a Forsyte. Progress Publishers, Moscow, 1973.
24. 22.Galsworthy J. In Chancery. Foreign Languages Publishing House, Moscow, 1949
25. Gogol N. The Overcoat and Other Short Stories. Dover Thrift Editions, INC, New York, 1992
26. Grisham J. The Chamber. Doubleday, New York, London, Toronto, Auckland, 1994.
27. Grisham J. The Firm. Dell Book, New York, 1992.
28. Hemingway E. Selected Short Stories. - Moscow, Progress Publishers, 1977.

29. Henry O. The Indian Summer of Dry Valley Johnson // J. Henry. Selected Short Stories, Moscow 1978.
30. McCullers C. The Heart Is a Lonely Hunter. The Riberside Press, Boston, 1940.
31. Shaw I. Nightwork, New York, Dell Book. 1976.
32. Sullivan F. The Cliche Expert Testifies on Love // Moscow News # 28, July 19-25, 2000.
33. Tolkien J.R.R. The Fellowship of the Ring // The Lord of the Rings. - New York, Ballantine Books, 1965
34. Turgenev I. Fathers and Sons. Transl. by R. Matlaw, W.W. Norton & Company, Inc, New York, 1966.
35. Willson C. The Mind Parasites. - М.: Радуга, 1986.
36. Wandor M. Sweet Sixteen // Англия. - 1989. - # 3.

НАУЧНАЯ И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика: Курс лекций по английской филологии. – Тамбов, 2001.
2. . Кубрякова Е.С. Язык и знание. На пути получения знаний о языке. - М.: Языки славянской культуры, 2004.
3. Леонтьев А.А. Основы психолингвистики. - М.: Смысл, 1997.
4. Паршин П.Б. Теоретические перевороты и методологический мятеж в лингвистике XX века. Вопросы языкознания. - 1996. - №2. - С. 19-42.
5. Рахилина Е. В. О тенденциях в развитии когнитивной семантики // Известия АН. - Серия литературы и языка. - 2000. - Т.59. - .№3.
6. Чужакин А., Петренко К. Мир перевода - 5. - М.: Р. Валент, 2001. (МП-5).
7. Intercultural Communication Interest Section // TESOL. - Vol. 3. - #2, Aug./Sept., 1999.
8. Locke J. Phases in the Child's Development of Language // American Scientist. - Vol. 82, Sep.-Oct., 1994. - Pp. 436-445.

9. Look at London. - London, 1968.
10. Malignancy and the Hemostatic System. - New York, Raven Press, 1981.
11. Newsweek Extra Edition, 2001.
12. Pioneer Press - October 16, 1998.
13. The Chewonki Foundation Chronicle. - Wiscasset, Maine, Spring/Fall, 2001; 2002, 2003.
14. Time Aug. 23, 1992; June 12, 1994; Sept. 23, 1996; May 12, 1997; July 7, 1997, 2002-2005.
15. USA Today June 23, 2000; May 18, 2001.
16. Welcome to Saint Louis, Gateway to the West // Saint Louis. - Mississippi Trading Company, 1988.

СПИСОК ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕНИЙ

ИС	-	имя собственное
ИЯ	-	исходный язык (язык оригинала)
КС	-	концептуальная система
МО	-	межкультурное общение
ПЯ	-	переводящий язык (язык перевода)
Я1	-	первый язык
Я2/ИЯ	-	второй язык (иностранный язык)